Священника Ѳ. И. Титова.

РУССКОЕ ДУХОВЕНСТВО

— ВЪ —

ГАЛИЦІИ.

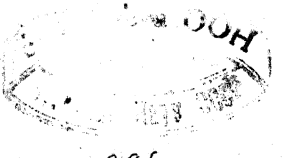
(ИЗЪ НАБЛЮДЕНІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКА).

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета св Владимира Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица
1903.

17

Отъ Кіевскаго дух. цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Кіевъ, 12 мая 1903 г.
Предсѣдатель Комитета, проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*



396
37

Оглавленіе.

страницы.

Предисловіе 1

Глава первая.

Общія замѣчанія . . . . . 1—8

(Политическое положеніе современной Галиціи. Краткая исторія Галиціи и отношеній ея къ Россіи Введеніе и современное состояніе уніи въ Галиціи Нарожденіе новаго („русинскаго") языка въ Галиціи Интересъ ознакомленія съ Галицкой Русью).

Глава вторая.

Приготовленіе кандидатовъ священства въ Галиціи. . . . 8—36

(Низшее, среднее и высшее образованіе, получаемое кандидатами священства въ Галиціи Львовская генеральная семинарія и ея устройство. Богословскій факультетъ Львовскаго университета Сецессія русскихъ богослововъ изъ Львовскаго университета и временное закрытіе Львовской духовной семинаріи Отношеніе м. Андрея Шептицкаго къ семинаріи, замѣченные имъ недостатки въ устройствѣ и жизни Львовской духовной семинаріи, предполагаемая реформа ея)

Глава третья.

Бѣлое духовенство въ Галиціи. . . . . 37—104

(Опредѣленіе священниковъ на мѣста и право патроната (37—51). Отношенія галицко-русскаго духовенства къ прихожанамъ и матеріальное обезпеченіе галицко-русскаго духовенства (51—62) Уніатское богослуженіе и церковное пѣніе (62—71). Уніатская проповѣдь (71—78). Партійность, господствующая среди галицко-русскаго духовенства (78—84) Церковныя братства въ Галиціи и другія мѣры для оживленія пастырской дѣятельности галицко-русскаго духовенства (84—91). Приниженное положеніе греко-католическаго обряда въ Галиціи, ненормальная поста-

новка религіозно-нравственнаго воспитанія русской молодежи въ школахъ и малочисленность уніатскихъ священниковъ въ Галиціи, какъ неблагопріятныя условія пастырской дѣятельности галицко-русскаго духовенства (91—98). Галицко-русскіе храмы и замѣчательнѣйшіе изъ нихъ; общество „Ризница“ (98—104).

Глава четвертая.

Галицко-русскіе дьяки . . . . . 105—109

(Безправное и приниженное положеніе дьяковъ въ Галиціи. Общественное служеніе ихъ. „Дьяковскій гласъ“ и „Дьяковскія общества“).

Глава пятая.

Высшая іерархія и административное устройство галицко-русской церкви . . . . . 109—128

(Зависимость галицко-русской уніатской церкви отъ папы. Отношеніе къ конгрегаціи propagandae de fide. Галицко-русскій митрополитъ, его права и положеніе Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности нынѣшняго митрополита Андрея Шептицкаго Вопросъ о замѣщеніи Станиславовской епархіи и патріаршествѣ въ Галиціи. Перемышльскій епископъ Епархіальная церковная администрація въ Галиціи).

Глава шестая.

Монашество и монастыри въ Галиціи . . . . . 228—232

(Число базиліанскихъ монастырей въ Галиціи. Прежнее и нынѣшнее положеніе базиліанъ въ Галиціи Краткія свѣдѣнія о галицко-русскихъ „реформованныхъ“ базиліанскихъ монастыряхъ Новѣйшее оживленіе и стремленіе базиліанъ къ усиленію своего значенія).

Предисловіе.

Осень и начало зимы 1901 года я провелъ въ Галиціи. Главною цѣлію моего путешествія и пребыванія въ Галиціи были научныя занятія — именно: розысканіе и собираніе въ Галицкихъ архивахъ, библіотекахъ и вообще древнохранилищахъ матеріаловъ для предпринятаго мною церковно-историческаго изслѣдованія. Но проведя въ Галиціи около 4 мѣсяцевъ, посѣтивъ разныя мѣстности ея, я имѣлъ возможность сдѣлать наблюденія надъ этимъ роднымъ, близкимъ и дорогимъ для насъ, русскихъ, краемъ, и въ другихъ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, кромѣ научнаго. Свои наблюденія надъ Галицкой Русью я дѣлалъ не изъ архивовъ только и не путемъ только литературы, но также и посредствомъ устныхъ бесѣдъ съ нѣкоторыми представителями галицко-русскаго духовенства и интеллигенціи. Небольшою частію этихъ наблюденій, касающихся только галицко-русской уніатской церкви и особенно бѣлаго духовенства ея, я и рѣшаюсь подѣлиться съ читателями въ предлагаемомъ очеркѣ. Сознаю, что мои наблюденія — неполны, а иногда, быть можетъ, и не совсѣмъ вѣрны, но прошу читателей имѣть въ виду и помнить, что это только *наблюденія путешественника*, а не *изслѣдованіе*.

Кіевъ.
1903 года 8 мая

Русское духовенство въ Галиціи.

(Изъ наблюденій путешественника).

I.

Общія замѣчанія.

Галиція, составляющая нынѣ особую провинцію (намѣстничество) Австро-Венгерскаго соединеннаго государства, есть край, во многихъ отношеніяхъ близкій, родной и дорогой для нашей Россіи. Со временъ глубокой исторической древности нынѣшняя Галиція, составлявшая тогда особое удѣльное русское княжество, находилась въ самомъ тѣсномъ взаимообщеніи съ русскимъ государствомъ, съ которымъ она была связана узами политическаго единства, племенного происхожденія, а также единствомъ вѣры и языка.

Изъ этихъ, какъ видимъ, самыхъ крѣпкихъ и важныхъ духовныхъ нитей, соединявшихъ Галицію съ Россіею, прервалась прежде всего политическая связь. Еще въ XIV в. Галиція, или Червонная Русь, была оторвана отъ русскаго государства и сдѣлалась достояніемъ Польши, которая въ то время могущественно усилилась и возобладала надъ Россіею, сильно ослабленною татарскимъ нашествіемъ и владычествомъ. Съ того времени Галиціи не суждено уже было возсоединиться съ единоплеменною ей Россіею. До самаго конца существованія Польши Галиція составляла одну изъ самыхъ обширныхъ, плодородныхъ и доходныхъ для казны провинцій ея. Съ паденіемъ польско-литовскаго государства, послѣ раз-

дѣленія его между тремя сосѣдними монархіями, въ послѣдней четверти XVIII в., Галиція вошла въ составъ Габсбургской имперіи, которой и доселѣ принадлежитъ.

За прекращеніемъ политической связи между Россіею и Галиціею, послѣдовало, хотя и не такъ скоро, и религіозное разъединеніе между ними, которое наступило въ самомъ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в.в., когда въ Галиціи была введена унія.

Унія, введенная въ Западной Россіи въ самомъ концѣ XVI в., очень долго совершенно не прививалась въ Галиціи. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что были условія, которыя, повидимому, должны были какъ нельзя болѣе содѣйствовать и скорому введенію здѣсь уніи, послѣ ея происхожденія, и успѣшному распространенію ея впослѣдствіи. Разумѣемъ сравнительную отдаленность Галиціи отъ владѣній Россіи, покровительство которой православнымъ жителямъ Польши было въ XVII—XVIII вв. однимъ изъ самыхъ могущественныхъ препятствій къ распространенію уніи въ предѣлахъ нынѣшней Западной Россіи, и принадлежность Галиціи съ давняго времени къ составу самой Польши, такъ называемой Короны Польской. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, православно-русское населеніе Галиціи должно было въ гораздо большей степени, нежели православно-русское населеніе другихъ областей (напр. Литвы, Бѣлоруссіи и др.) польско-литовскаго государства, испытывать на себѣ всю тяжесть польскихъ ограничительныхъ и стѣснительныхъ законовъ, которые больше всего располагали и побуждали православныхъ русскихъ подданныхъ Польши къ переходу въ унію.

Такимъ образомъ, если унія такъ долго почти совершенно не прививалась въ Галиціи, то это зависѣло больше всего отъ той любви и той преданности къ отеческой православной вѣрѣ, которыя воодушевляли русское духовенство (преимущественно низшее) и простой русскій народъ въ Галиціи въ его борьбѣ съ врагами вѣры православной и народности русской.

Поэтому, унія была введена въ Галиціи сравнительно

весьма поздно и нѣкоторымъ особеннымъ образомъ. Такъ какъ православные русскіе галичане, руководимые своимъ доблестнымъ Львовскимъ братствомъ, рѣшительно не желали добровольно принимать ненавистной имъ уніи, то польское правительство рѣшило прибѣгнуть къ особеннымъ мѣрамъ хитрости для того, чтобы постепенно и незамѣтно ввести унію въ Галиціи.

Съ этою цѣлію на сторону затѣи правительства разными приманками были привлечены епископы двухъ православныхъ епархій, существовавшихъ въ предѣлахъ нынѣшней Галиціи: Львовской, въ составъ которой входила и Подолія, и Перемышльской. Это совершилось въ послѣдней четверти XVII вѣка.

Но епископы—Галицко-Львовскій Іосифъ Шумлянскій и Перемышльскій Иннокентій Винницкій, хотя сами, по своимъ личнымъ разсчетамъ и выгодамъ, и желали принять унію, однакоже боялись сдѣлать это открыто, такъ какъ знали все нерасположеніе, какое имѣлъ русскій православный народъ къ уніи. Поэтому, въ теченіе нѣкотораго времени они вынуждены были оставаться тайными уніатами, стараясь скрыть свой переходъ въ унію отъ своей православной паствы и разными тайными мѣрами подготовить ее къ переходу въ унію. Только въ 1696 году Перемышльскій епископъ Иннокентій Винницкій и въ 1700 году Галицко-Львовскій и Подольскій епископъ Іосифъ Шумлянскій открыто перешли въ унію. вслѣдъ за чѣмъ польское правительство объявило и всѣ вообще епархіи—Перемышльскую и Галицко-Львовскую—уніатскими, т. е. принявшими унію съ Римомъ, хотя на самомъ дѣлѣ ни духовенство низшее, ни простой русскій народъ, населявшій эти епархіи, и слышать не хотѣли объ уніи.

Такимъ образомъ, первоначальный переходъ русскихъ галичанъ въ унію былъ совершенно номинальнымъ. Такимъ же онъ оставался и впослѣдствіи въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени, когда низшее духовенство и простой народъ продолжали считать себя право-

славными, какими они и были на самомъ дѣлѣ по духу, по вѣрѣ и даже въ отношеніи соблюденія церковныхъ обрядовъ. Всѣ дальнѣйшія мѣры, которыя принимались въ теченіе XVIII вѣка (изданіе правилъ Замойскаго уніатскаго собора, порча богослужебныхъ книгъ, употреблявшихся въ уніатской церкви и т. п.) для того, чтобы по возможности окатоличить уніатовъ и какъ можно болѣе отдалить унію отъ православія, оказывались малодѣйствительными въ отношеніи русско-галиційскихъ уніатовъ. Насколько мало древле-православная вѣра и церковная обрядность были повреждены къ концу XVIII в. у галиційскихъ уніатовъ, объ этомъ можно заключать на основаніи слѣдующей аналогіи. Стоило только въ это время Подолію и Волынь присоединить отъ Польши къ Россіи, какъ всѣ бывшіе уніаты изъ русскихъ жителей этихъ областей сразу и безъ всякихъ побужденій сдѣлались православными. А между тѣмъ унія Галиційская какъ со стороны своего происхожденія, такъ и по своей дальнѣйшей исторической судьбѣ въ теченіе всего XVIII в. была совершенно подобна уніи Волынской и Подольской.

Со времени же присоединенія Галиціи къ Австро-Венгріи, когда польско-католическое населеніе первой совершенно наравнѣ съ русско-уніатскимъ населеніемъ ея подпало подъ власть нѣмцевъ, надолго прекратились въ Галиціи всякія вообще религіозныя ограниченія и стѣсненія, направленныя къ окатоличенію русскихъ уніатовъ.

Благодаря всѣмъ этимъ историческимъ условіямъ, унія, не смотря на свое 200-лѣтнее существованіе въ Галиціи, не успѣла пустить особенно крѣпкихъ корней здѣсь, не завоевала себѣ среди русскаго населенія ея особенной симпатіи и тѣмъ болѣе любви, вообще оказала сравнительно ничтожное вліяніе на религіозное міросозерцаніе русскихъ галичанъ, у которыхъ древле-православная церковность и обрядность сохранились до послѣдняго времени въ сравнительно неповрежденномъ видѣ. Даже мало того: у нихъ доселѣ остается сильною внутренняя любовь къ православной вѣрѣ, которая имѣ-

етъ нѣчто сродное, близкое, дорогое русскому сердцу. Поэтому, среди старѣйшаго поколѣнія галицко-русскихъ уніатовъ и доселѣ еще живы симпатіи къ православной Россіи, равно какъ въ жизни и бытѣ галицко-русскихъ уніатовъ и доселѣ еще нерѣдко во всей свѣжести и чистотѣ сохранились старинные русскіе православные религіозно-церковные обряды. Съ этой стороны наблюденіе надъ жизнію и бытомъ галицко-русскаго духовенства и народа представляетъ несомнѣнный интересъ и для насъ, православныхъ. Не интересно ли и не поучительно ли, въ самомъ дѣлѣ, для насъ, православныхъ священниковъ, познакомиться съ жизнію, дѣятельностію и пастырскою практикою такихъ галицко-русскихъ священниковъ, какъ приснопамятный страдалецъ за вѣру и народность галицкій патріотъ Іоаннъ Наумовичъ? Наши наблюденія привели насъ къ твердому убѣжденію въ томъ, что *духъ Наумовича не умеръ и доселѣ среди русскаго духовенства въ Галиціи* Но, съ другой стороны, тѣ же наблюденія привели насъ и къ тому заключенію, что въ послѣднее время наступили для Галиціи такія тяжкія—и внѣшнія и внутреннія—условія, которыя угрожаютъ серьезною опасностію той сравнительной цѣлости и неповрежденности древле-православной церковности и той внутренней симпатіи къ православію, какія доселѣ сохранялись среди русскихъ галичанъ.

Объ этихъ тяжкихъ условіяхъ жизни русскаго духовенства и народа въ Галиціи мы скажемъ нѣсколько позже, а теперь продолжимъ прежнюю рѣчь.

Со времени введенія уніи въ Галиціи, т. е. съ начала XVIII в., остались только двѣ нити, связывавшія Галицію съ православною Россіею,—это: единство языка и единство происхожденія.

До самаго послѣдняго времени литературнымъ языкомъ въ Галиціи среди русскаго населенія ея, желавшаго писать не по-польски, а по русски, былъ нашъ общерусскій литературный языкъ, съ самыми незначительными отступленіями и измѣненіями, явившимися подъ вліяніемъ общенародной раз-

говорной русской рѣчи, употребляемой въ Галиціи (весьма сходной съ нашею малорусскою рѣчью). Тотъ же самый общелитературный русскій языкъ служилъ до послѣдняго времени и разговорнымъ языкомъ для образованныхъ галичанъ, такъ что всякій русскій образованный человѣкъ могъ совершенно легко и свободно понимать рѣчь и поддерживать разговоръ съ образованнымъ галичаниномъ. Но въ послѣднее время въ Галиціи съ этой именно стороны произошла довольно значительная перемѣна. Въ Галиціи, съ нѣкотораго времени, образовалась патріотическо-народная партія, стремящаяся къ возрожденію русской народности въ Галиціи. Ближайшая и главнѣйшая цѣль дѣятельности этихъ „народниковъ“ галицкихъ состоитъ въ томъ, чтобы дать русскому народу въ Галиціи образованіе, поднять его національное самосознаніе и затѣмъ уже уравнять его во всѣхъ правахъ съ другими народностями, населяющими Галицію, напр., польскою. Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ возрожденію русской народности избранъ языкъ. Народническая, т. н. младо-русская партія стремится создать для русскаго народа въ Галиціи особый самостоятельный галицко-русскій языкъ, такъ чтобы русскимъ галичанамъ не было нужды пользоваться услугами не только польскаго, но даже и русскаго общелитературнаго языка. Въ основу при созданіи особаго самостоятельнаго литературнаго языка младо-русская партія взяла народную разговорную рѣчь. Но такъ какъ въ этой рѣчи иногда недостаетъ словъ для выраженія и обозначенія нѣкоторыхъ понятій, то въ такихъ случаяхъ галицкіе народники создаютъ новыя слова, при нѣкоторомъ пособіи то польскаго, то русскаго языка. Такъ создается нынѣ въ Галиціи новый языкъ, который въ отличіе отъ русскаго называется иногда *русинскимъ*.

Само собою разумѣется, что пока созданіе новаго, т. н. русинскаго языка понимается какъ средство для культурнаго развитія русской народности въ Галиціи вообще и, въ частности, для освобожденія ея отъ зависимости со стороны поляковъ, въ чемъ-бы то ни было (какъ, напр., въ данномъ случаѣ въ

отношеніи языка), то дѣятельность галиційскихъ народниковъ можетъ вызывать одно только сочувствіе у всякаго образованнаго человѣка вообще, и у насъ, русскихъ, въ частности. Но вся бѣда въ томъ, что созданіе самостоятельнаго языка для русскихъ галичанъ понимается нѣкоторыми изъ младорусской партіи, какъ средство для обособленія русскаго народа въ Галиціи, между прочимъ, и отъ Россіи. Съ этой стороны, нарожденіе новаго литературнаго русскаго языка въ Галиціи можетъ и должно вызывать у всѣхъ русскихъ людей, разумѣется, одно только сожалѣніе, ибо несомнѣнно, что общій литературный языкъ служилъ и всегда будетъ служить однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ для поддержанія и укрѣпленія духовнаго единенія между русскимъ народомъ, живущимъ въ великой Россіи и въ Галиціи. Это прекрасно сознаютъ и сами Галичане, среди которыхъ существуетъ цѣлая партія, т. н. старо-русская, которая всѣми мѣрами стремится поддержать *духовное* (а не политическое, въ чемъ еѣ напрасно подозрѣваютъ и обвиняютъ) взаимообщеніе и единеніе между Россіею и Галиціею, совершенно справедливо полагая, что одной изъ важнѣйшихъ мѣръ въ этомъ отношеніи можетъ служить общерусскій литературный языкъ. Въ Галиціи, кромѣ того, существуютъ особые институты („Народный Домъ“), общества („Качковскаго“) и литературные союзы („Галицко-Руская Матица“), которые въ числѣ другихъ цѣлей преслѣдуютъ, между прочимъ, и поддержаніе этой могущественной связи между ихъ родиною и нашею Россіею. Все это имѣетъ важное значеніе для нашей послѣдующей рѣчи, такъ какъ и русское духовенство въ Галиціи теперь подраздѣлилось между двумя вышеназванными партіями: старо-русскою и младо-русскою.

Мы, русскіе, съ своей стороны, никогда не должны забывать близкаго и роднаго намъ русскаго народа, живущаго въ Галиціи, хотя бы онъ теперь и не былъ связанъ съ нами такими тѣсными и многоразличными узами, какими онъ былъ соединенъ съ нашими отдаленными предками. Намъ

не должно забывать, что этотъ народъ и въ происхожденіи своемъ и во всей прошлой судьбѣ своей связанъ съ нами узами самаго близкаго родства. Народъ этотъ въ массѣ своей еще и теперь всѣмъ сердцемъ своимъ любитъ православную Россію. Недалеко еще ушло отъ насъ то время, когда русскіе галичане, не смотря на свою формальную принадлежность къ греко-уніатской церкви, цѣлыми массами посѣщали Кіевъ и Почаевъ. Народъ этотъ, наконецъ, имѣетъ весьма много общаго съ нашимъ русскимъ православнымъ народомъ въ вѣрѣ, обрядахъ, жизни и бытѣ,—словомъ, во всемъ своемъ религіозномъ и умственномъ міросозерцаніи.

Имѣя все это въ виду, мы и намѣрены познакомить читателей съ своими наблюденіями, между прочимъ, надъ жизнію, дѣятельностію и пастырскою практикою русскаго духовенства въ Галиціи, сдѣланными нами во время 3-хмѣсячнаго пребыванія въ Галиціи. Въ частности, мы имѣемъ въ виду обратить вниманіе на слѣдующія стороны въ жизни галицко-русскаго духовенства: а) приготовленіе кандидатовъ священства; б) опредѣленіе священниковъ на мѣста и отношеніе ихъ къ своему начальству, патронамъ и паствѣ; в) особенности пастырской дѣятельности галицко-русскаго духовенства; г) положеніе дьяковъ въ Галиціи и д) состояніе высшей іерархіи и монашества въ галицко-русской церкви.

II.

Приготовленіе кандидатовъ священства въ Галиціи.

1. Низшее, среднее и высшее образованіе, получаемое кандидатами священства въ Галиціи.

Кандидаты греко-католическаго галицко-русскаго духовенства получаютъ образованіе въ особо предназначенныхъ для того учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ. Такихъ заведеній во всей галицко-русской митрополіи существуетъ три: *греко-католическая генеральная духовная семинарія* во Львовѣ,

резиденціи галицкаго греко-католическаго митрополита, и *епархіальныя семинаріи* въ Перемышлѣ и Станиславовѣ. Перемышльскій и Станиславовскій лицеи, учрежденные сравнительно не такъ давно, представляютъ собою закрытыя духовно-учебныя заведенія. До нѣкоторой степени они напоминаютъ наши духовныя семинаріи, или правильнѣе училища. Они удовлетворяютъ потребностямъ собственно мѣстныхъ епархій. Кромѣ того, они не даютъ законченнаго образованія, необходимаго для греко-католическаго священника, такъ что окончившіе курсъ въ нихъ поступаютъ затѣмъ для довершенія своего образованія въ греко-католическую семинарію, находящуюся во Львовѣ. Болѣе подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о Перемышльской и Станиславовской семинаріяхъ не можемъ сообщить, такъ какъ мы сами лично не видѣли ихъ и не имѣли возможности ближайшимъ образомъ наблюдать ихъ.

Съ греко-католическою русскою семинаріею во Львовѣ мы успѣли довольно близко познакомиться какъ путемъ личныхъ непосредственныхъ наблюденій, потому что долго жили рядомъ съ этимъ заведеніемъ, посѣщали нерѣдко его и церковь его, такъ и путемъ бесѣдъ съ лицами, стоящими во главѣ семинаріи, или же близко знающими жизнь и строй семинаріи. Къ тому же греко-католическая Львовская семинарія невольно обращала на себя вниманіе наше, такъ какъ одно время она сдѣлалась главнымъ центромъ происходившаго осенью 1901 года волненія русскихъ студентовъ Львовскаго университета, во главѣ котораго стояли именно студенты-богословы, питомцы греко-католической семинаріи.

Греко-католическая семинарія во Львовѣ представляетъ типъ учебно-воспитательнаго заведенія, необыкновеннаго для насъ и невстрѣчающагося у насъ въ Россіи. Въ частности, семинарія эта, по своему строю и жизни, не имѣетъ ничего общаго съ нашими православными духовными семинаріями.

Особенности въ строѣ и жизни греко-католической галицкой духовной семинаріи явились результатомъ двойственнаго вліянія на нее: римско-католическаго и обще-государ-

ственнаго австрійскаго порядковъ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ.

Должно сказать, что въ Австріи существуетъ одинъ типъ средне-образовательной государственной школы, общей для всѣхъ жителей Габсбургской монархіи, желающихъ дать своимъ дѣтямъ-мальчикамъ образованіе. Это—гимназія классическая, или же реальная. Гимназія, въ которую поступаютъ дѣти изъ народной школы или семьи послѣ домашняго воспитанія, и даетъ образованіе среднее и вмѣстѣ приготовляетъ кандидатовъ для высшихъ учебныхъ заведеній: университета, или же технической школы.

Этому же порядку воспитанія дѣтей, въ силу необходимости, подчинено и галицко-русское греко-католическое духовенство, которое, за исключеніемъ Перемышльской и въ послѣднее время Станиславовской епархій, не имѣетъ спеціальныхъ низшихъ духовно-учебныхъ заведеній.

Такимъ образомъ, дѣти галицко-русскаго греко-католическаго духовенства и вообще кандидаты священства въ Галиціи получаютъ низшее и среднее общее образованіе въ народной школѣ и гимназіи на ряду со всѣми вообще дѣтьми, подготовляемыми къ самымъ разнообразнымъ профессіямъ.

Изъ окончившихъ курсъ и получившихъ аттестатъ зрѣлости гимназистовъ и набираются воспитанники русской греко-католической духовной семинаріи во Львовѣ такимъ образомъ.

Тѣ изъ окончившихъ курсъ гимназистовъ, которые, по собственному расположенію и влеченію, желали бы посвятить себя служенію церкви въ санѣ священника, заявляютъ объ этомъ начальству семинаріи, которое и принимаетъ ихъ въ семинарію. Тогда они получаютъ званіе русскихъ богослововъ, или чаще принятое въ обыденномъ словоупотребленіи русскихъ академиковъ.

Но поступивъ въ семинарію, русскіе богословы не получаютъ здѣсь образованія, *не учатся, а только живутъ и отчасти воспитываются въ семинаріи.* Русская греко-католическая духовная семинарія во Львовѣ, подобно и римско-

католической семинаріи, находящейся тамъ же, не представляетъ учебнаго заведенія въ полномъ смыслѣ этого слова, а скорѣе пансіонъ, въ которомъ живутъ богословы-академики.

Греко-католическая духовная семинарія во Львовѣ находится на улицѣ Коперника, напротивъ библіотеки Оссолинскихъ, на мѣстѣ закрытаго въ 1784 г монастыря доминиканокъ. Она представляетъ очень обширное 3-хъ этажное каменное зданіе довольно красивой архитектуры, построенное въ 1890 г. Рядомъ съ зданіемъ семинаріи находится св.-духовская церковь, обращенная изъ старой церкви доминиканскаго монастыря, построенной въ 1729 году.

Эта церковь служитъ храмомъ семинарскимъ, въ который вмѣстѣ съ тѣмъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ собираются для слушанія богослуженія и всѣ русскіе гимназисты греко-католическаго вѣроисповѣданія, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ къ семинарской церкви гимназій.

Въ семинарской церкви совершается богослуженіе ежедневно собственно для академиковъ, которые обязаны посѣщать богослуженіе и прислуживать при немъ ежедневно. По словамъ самого о. ректора семинаріи, въ послѣднее время довольно обычны отступленія отъ этого порядка, требуемаго самымъ уставомъ. И объ этомъ, разумѣется, немало сожалѣютъ лица, заинтересованныя въ подготовленіи кандидатовъ греко-католическаго русскаго духовенства въ Галиціи, потому что присутствіе ежедневное при совершеніи богослуженія составляетъ, по существу дѣла, одинъ изъ предметовъ учебно-практическаго образованія, которое имѣетъ въ виду семинарія главнымъ образомъ, почти исключительно.

Греко-католическая духовная семинарія во Львовѣ доставляетъ своимъ питомцамъ полное содержаніе: квартиру, или помѣщеніе, одежду и пищу, отчасти также и учебныя пособія. *Образованіе же русскіе академики получаютъ на богословскомъ факультетѣ Львовскаго университета.*

Впрочемъ, и въ семинаріи преподаются, или, какъ принято тамъ выражаться, объясняются нѣкоторые практическіе

предметы, которые не входятъ въ составъ курса богословскаго факультета во Львовскомъ университетѣ. Таковы именно: объясненіе церковнаго устава и изученіе литургики. Преподаваніе этихъ предметовъ особо назначенными для того профессорами семинаріи происходитъ въ часы, свободные отъ посѣщенія семинаристами лекцій богословскаго факультета въ университетѣ. Есть основаніе думать, что эти предметы, не смотря на всю свою важность, занимаютъ совершенно второстепенное мѣсто въ общемъ курсѣ образованія русскихъ академиковъ въ Галиціи и преподаются далеко несоотвѣтственно своему дѣйствительному значенію.

На богословскомъ факультетѣ Львовскаго университета русскіе академики слушаютъ весь курсъ богословія наравнѣ съ римско-католическими академиками. А такъ какъ Львовскій университетъ доселѣ находится всецѣло въ вѣдѣніи поляковъ-католиковъ, то само собою разумѣется, что курсъ богословскаго факультета—исключительно католическій, спеціально приспособленный для богослововъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. При извѣстной довольно значительной разности дѣйствительной уніи отъ римско-католичества не только въ обрядовомъ, но и въ догматическомъ отношеніи (дѣйствительная унія есть соединеніе русскихъ съ римско-католическою церковью, основанное на признаніи главенства папы), такой порядокъ вещей нельзя не признать въ высшей степени страннымъ и ненормальнымъ. Русское греко-католическое духовенство въ Галиціи, очевидно, только въ силу необходимости мирится съ такимъ положеніемъ вещей, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ.

Такимъ образомъ, низшее и среднее образованіе кандидаты греко-католическаго священства въ Галиціи получаютъ въ начальныхъ школахъ и гимназіяхъ, находящихся въ вѣдѣніи поляковъ-католиковъ, наравнѣ съ католическими воспитанниками, а высшее свое образованіе они получаютъ на богословскомъ факультетѣ Львовскаго университета, находящемся въ полномъ распоряженіи католиковъ, вмѣстѣ съ рим-

ско-католическими семинаристами. Законоучителями кандидатовъ греко-католическаго священства въ Галиціи во время обученія ихъ въ гимназіяхъ и профессорами богословскихъ предметовъ въ университетѣ (за немногими исключеніями въ тѣхъ и другомъ) являются римско-католическіе ксендзы, которые въ Австріи болѣе фанатичны, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Какъ относится само уніатское духовенство къ такому порядку подготовленія будущихъ служителей ихъ церкви? Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, подмѣчается большая разница между молодымъ и старымъ поколѣніями греко-католическаго галицко-русскаго духовенства. Молодые священники склонны видѣть болѣе благопріятныя, свѣтлыя стороны въ представленномъ нами выше порядкѣ образованія ихъ. Общее образованіе, получаемое въ гимназіяхъ на ряду со всѣми образованными людьми въ государствѣ, вполнѣ подготовляетъ, говорятъ, будущаго священника къ его пастырскому служенію. Это образованіе, завершаемое вполнѣ научнымъ изученіемъ богословія въ университетѣ, дѣлаетъ священника греко-уніатскаго вполнѣ образованнымъ человѣкомъ, ни въ чемъ рѣшительно неуступающимъ нормально образованному человѣку въ государствѣ. Благодаря этому, греко-уніатскій священникъ, говорятъ, можетъ вполнѣ удовлетворить всѣмъ запросамъ своей паствы, не только простого народа, но и образованныхъ людей. Съ другой стороны, вышеуказанный порядокъ подготовленія и образованія будущихъ священниковъ предотвращаетъ возможность обособленія духовенства отъ другихъ сословій общества, устраняетъ развитіе кастичности въ греко-уніатскомъ духовенствѣ. Этому немало способствуетъ еще и то, что въ послѣднее время кандидаты галицко-русскаго греко-католическаго духовенства выходятъ изъ среды не одного только духовнаго, но и другихъ сословій. Въ прежнее время мѣста священниковъ занимали преимущественно ихъ сыновья, которые самымъ рожденіемъ и домашнимъ воспитаніемъ приготовлялись къ своему будущему служенію—пастырскому.

Теперь же наблюдается стремленіе дѣтей греко-католическаго духовенства въ Галиціи къ поступленію на другія какія-либо должности, только не на священническую.

Наконецъ, въ вышеуказанномъ способѣ подготовленія кандидатовъ греко-католическаго духовенства въ Галиціи нѣкоторые видятъ еще ту выгоду, что во время совмѣстнаго обученія съ дѣтьми всѣхъ сословій, званій и состояній будущіе священники имѣютъ возможность знакомиться со всѣми сторонами общественной жизни, что, будто бы, содѣйствуетъ расширенію ихъ умственнаго кругозора и вообще благопріятно отражается на ихъ послѣдующей пастырской дѣятельности.

Но всѣ эти и другія выгоды, изъ коихъ значительная часть имѣетъ мнимое, или сомнительное значеніе, являются ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ страшнымъ зломъ, которое провидятъ въ вышеуказанномъ способѣ подготовленія кандидатовъ русскаго греко-католическаго духовенства въ Галиціи старые священники. Эти послѣдніе если и мирятся съ нимъ, то только какъ съ неизбѣжнымъ зломъ.

Дѣло въ томъ, что существующій способъ подготовленія кандидатовъ священства посредствомъ образованія ихъ въ католическихъ гимназіяхъ и на богословскомъ католическомъ факультетѣ Львовскаго университета неизбѣжно ведетъ къ обезличенію, обезразличенію греко-католическаго духовенства въ Галиціи. Въ самомъ дѣлѣ, при такомъ способѣ образованія священниковъ, какой существуетъ нынѣ въ Галиціи, чѣмъ галицко-русскій греко-католическій священникъ отличается въ духовномъ отношеніи отъ галицко-польскаго римско-католическаго ксендза? Вся сумма этого отличія сводится къ изученію двухъ-трехъ церковно-практическихъ предметовъ, которое (изученіе), разумѣется, обогащаетъ запасъ чисто практическаго вѣдѣнія и слишкомъ мало отношенія имѣетъ къ общему духовно-умственному и религіозно-нравственному развитію человѣка. И нельзя не согласиться съ тѣми галицко-русскими патріотами, которые говорятъ, что еще слѣдуетъ удивляться, какъ, при такихъ весьма неблагопріятныхъ

условіяхъ, галицко-русское греко-католическое духовенство въ лицѣ своихъ молодыхъ членовъ остается твердымъ, вѣрнымъ и преданнымъ своей родной русской, т. е. греко-уніатской вѣрѣ. Только духъ нетерпимости, съ какою относятся въ Галиціи ко всему русскому, и тотъ антагонизмъ, который существуетъ между русскими и поляками вездѣ въ Галиціи вообще и, въ частности, въ учебныхъ заведеніяхъ, препятствуютъ полному обезличенію кандидатовъ греко-католическаго духовенства, могущественно обособляютъ ихъ отъ римско-католическихъ духовныхъ воспитанниковъ.

Этотъ антагонизмъ со всею рельефностію выразился во время волненій русскихъ студентовъ во Львовѣ, въ которыхъ принимали главнѣйшее участіе греко-католическіе академики и которыя происходили въ концѣ 1901 года. Эти волненія бросаютъ настолько яркій свѣтъ на всю систему образованія кандидатовъ греко-католическаго духовенства въ Галиціи и будутъ имѣть, по всей вѣроятности, настолько важное значеніе въ дальнѣйшей исторіи образованія галицко-русскаго греко-католическаго духовенства, что мы позволяемъ себѣ остановить на нихъ вниманіе читателей.

2. Сецессія русскихъ богослововъ изъ Львовскаго университета и временное закрытіе Львовской духовной семинаріи.

Движеніе студенческое въ Галиціи, весьма серьезное въ самомъ своемъ существѣ и потому не имѣющее рѣшительно ничего общаго съ печальными явленіями, имѣвшими мѣсто въ послѣднее время въ жизни нашихъ учебныхъ заведеній, возникло и разрѣшилось на почвѣ борьбы за право русскаго языка въ Галиціи.

Львовскій университетъ—единственный для всей восточной половины Галиціи, гдѣ населеніе почти поровну дѣлится между двумя національностями: польскою и русскою. Такъ какъ государственнымъ языкомъ въ Австріи признается нѣмецкій языкъ, то, какъ и вся вообще общественная жизнь въ Галиціи, такъ, въ частности, и вся жизнь Львовскаго универси-

тета должна была бы выражаться въ трехъ, такъ сказать, формахъ, на трехъ языкахъ: нѣмецкомъ, какъ государственномъ, польскомъ и русскомъ, какъ языкахъ преобладающей массы населенія восточной Галиціи. Такъ и было въ началѣ присоединенія Галиціи къ Австріи. Но съ теченіемъ времени, когда началъ ослабѣвать строго-нѣмецкій режимъ въ государственной и общественной жизни многосоставной Австріи, польскій элементъ началъ брать перевѣсъ въ Галиціи рѣшительно надъ всѣмъ и во всѣхъ сферахъ жизни. Тогда и Львовскій университетъ сдѣлался чисто польскимъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Благодаря слабости нѣмецкаго элемента въ восточной Галиціи, благодаря также тому, что русское населеніе въ Галиціи было совершенно подавлено и народное самосознаніе его едва только начинало зарождаться, польскій языкъ фактически сдѣлался господствующимъ во внутренней жизни Львовскаго университета, языкомъ преподаванія.

Такъ дѣло продолжало обстоять до тѣхъ поръ, пока Галицкая Русь, особенно съ 1860-хъ годовъ, начала сознавать свои силы и права. Съ пробужденіемъ національнаго самосознанія среди русскихъ галичанъ, начинаются ихъ усиленныя стремленія къ тому, чтобы пріобрѣсти для русскаго языка одинаковыя права съ польскимъ языкомъ въ жизни Львовскаго университета. Исторія эта, занявшая, разумѣется, не одинъ десятокъ лѣтъ, представляется не вполнѣ ясною даже для лицъ, знающихъ и близко стоящихъ къ дѣлу. Несомнѣнно одно только то, что домогательства русскихъ въ одно прекрасное время увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Состоялось правительственное распоряженіе (4 іюля 1871 г.) о томъ, чтобы, въ виду почти равнаго количества польскихъ и русскихъ студентовъ, во Львовскомъ университетѣ наука преподавалась и все внутреннее дѣлопроизводство, вся внутренняя жизнь университета совершалась на польскомъ и русскомъ языкахъ.

Но распоряженіе, имѣющее силу закона,—одно, а практика—другое. Не смотря на то, что, на основаніи вышеприведеннаго распоряженія, при всѣхъ каѳедрахъ университета

должны бы быть два профессора: одинъ—польскій и одинъ—русскій, на самомъ дѣлѣ русскіе съ величайшимъ трудомъ добились того, что имѣютъ теперь во Львовскомъ университетѣ только трехъ русскихъ профессоровъ, читающихъ лекціи для русскихъ студентовъ на русскомъ (малорусскомъ) языкѣ. Всѣ прочія русскія каѳедры считаются свободными и на всѣ усилія русскихъ замѣстить ихъ своими профессорами поляки отвѣчаютъ, что русскіе сами виноваты въ своемъ неуспѣхѣ, такъ какъ изъ среды ихъ не является правоспособныхъ и достойныхъ кандидатовъ. На самомъ же дѣлѣ условія легимитаціи (конкурса на занятіе профессорскихъ каѳедръ) настолько тяжелы, что всѣ наличные русскіе профессора Львовскаго университета легимитовались внѣ его, при другихъ университетахъ.

Что сказано о языкѣ преподаванія, то же самое имѣетъ значеніе и силу и въ отношеніи ко всѣмъ другимъ сторонамъ внутренней жизни Львовскаго университета. Какъ все дѣло—производство, такъ и всѣ сношенія профессоровъ и начальства университета со студентами должны бы, по закону, совершаться на польскомъ языкѣ—съ польскими и на русскомъ—съ русскими. На самомъ же дѣлѣ, до послѣдняго времени (особенно со времени изданія министерскаго распоряженія 27 апрѣля 1869 г.) во Львовскомъ университетѣ все совершалось и совершается только на польскомъ языкѣ.

Еще прежде русскіе студенты скромно пытались заявить о своемъ правѣ говорить и вообще имѣть оффиціальныя сношенія съ администраціей университетской на своемъ родномъ языкѣ. Но всѣ такія попытки оставлялись безъ всякаго вниманія со стороны польскаго начальства университета. Пытались было и нѣкоторые русскіе профессора заговаривать во время засѣданій университетскихъ конгрегацій на русскомъ языкѣ, но ихъ голосъ замиралъ въ сильномъ протестѣ громаднаго польскаго большинства.

Въ самомъ началѣ минувшаго $190^1/_2$ учебнаго академическаго года дѣло неожиданно приняло слишкомъ острый и рѣшительный оборотъ. Поводъ и самое начало дѣла трудно

съ желательною точностію установить, такъ какъ въ поднявшейся полемикѣ по этому вопросу между польскою и русскою печатью истина сильно была затемнена. Дѣло происходило, кажется, такъ. Съ давняго уже времени, приблизительно съ начала 80-хъ годовъ XIX в. русскіе студенты патріотическаго настроенія писали свои index'ы и recepta nomina (заявленія о желаніи вступить въ студенты университета Львовскаго) на русскомъ языкѣ. Начало этому обыкновенію было положено въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ XIX в. обществомъ русскихъ студентовъ подъ названіемъ „Академическій кружокъ", которое требовало отъ всѣхъ своихъ членовъ, чтобы они писали index'ы и др. отношенія оффиціальнаго характера при поступленіи въ университетъ и во время нахожденія въ немъ только по русски. Хотя во Львовскомъ университетѣ уже тогда оффиціальнымъ языкомъ *считался* польскій, однако же противъ такого незначительнаго допущенія русскаго языка, какое ввели русскіе студенты, не протестовали ни сенатъ, ни деканы, ни профессора университета. Но въ послѣдніе годы какъ вообще во всей Галиціи, такъ, въ частности, и въ Львовскомъ университетѣ повѣяло инымъ духомъ.

Когда предъ началомъ $190^1/_2$ академическаго года русскіе богословы, воспитывающіеся въ духовной семинаріи и посѣщающіе богословскій факультетъ въ университетѣ, представили декану факультета свои index'ы, писанные по-русски, то деканъ, каковымъ былъ тогда ксендзъ Фіалекъ, полякъ и римско-католикъ, отказался принять ихъ, такъ какъ онъ, будто-бы, не знаетъ русскаго языка. Тѣмъ не менѣе студенты-академики оставили у декана свои заявленія. Деканъ доложилъ объ этомъ ректору университета, также поляку и римско-католику, который обратился съ оффиціальною бумагою къ ректору семинаріи о. Туркевичу, съ указаніемъ на незаконность дѣйствій русскихъ академиковъ. Послѣдніе однако же рѣшительно высказались за традиціонное и вполнѣ законное право писать свои index'ы по-русски и безусловно отказались представить ихъ на польскомъ языкѣ. Тогда ректоръ семинаріи

обратился съ просьбою къ своему митрополиту о рѣшеніи возбужденнаго вопроса.

Это было въ самомъ концѣ сентября 1901 г. Происшествіе это весьма скоро сдѣлалось извѣстнымъ во всей Галиціи и вызвало сильное патріотическое движеніе среди русскихъ кружковъ. Русскимъ богословамъ сочувствовала вся Галицкая Русь. Выразительницею этого сочувствія явилась, между прочимъ, „Русская громада въ Решовѣ“, которая прислала русскимъ академикамъ слѣдующій адресъ, показывающій, какъ русское общество въ Галиціи смотритъ на духовную семинарію въ Львовѣ.

„Смѣлымъ и рѣшительнымъ выступленіемъ на защиту правъ родного языка во Львовскомъ университетѣ вы, дорогіе братья, подали всѣмъ русскимъ славный примѣръ и побужденіе къ защитѣ правъ и чести своего народа“, говорилось здѣсь. „Великая вамъ за то честь и благодареніе. Отъ вашихъ дѣдовъ, питомцевъ русской духовной семинаріи, вышелъ нѣкогда призывъ пробуждать русскій народъ отъ вѣкового сна къ новой духовной жизни. *Они, которые такъ искренно трудились и заботились о пріобрѣтеніи законныхъ правъ родному языку, почиваютъ уже въ могилѣ, но ихъ имена записаны золотыми буквами въ благодарной памяти нашего народа.* Вы—истинные (?) внуки ихъ, сохранившіе духъ (?) своихъ дѣдовъ. Но дѣды ваши были болѣе счастливы, нежели вы, ибо имъ свѣтила заря свободы и правды, а для васъ она померкла; ихъ голоса, голоса тирольцевъ востока, слушали, имъ обѣщали сей университетъ, какъ русскій; а у васъ въ томъ же университетѣ хотятъ отобрать и ту частицу правъ нашего языка, какую вы имѣли до сихъ поръ. Честь вамъ за то, что вы выступили противъ сей неправды, какъ слѣдуетъ выступать будущимъ пастырямъ стада Христова и будущимъ проповѣдникамъ слова Божія и правды Христовой. Честь вамъ за то, что защищаете права родного языка, сего дара Божія... Итакъ, боритесь, поборете, вамъ Богъ помогаетъ: за васъ воля, за васъ сила и правда святая“.

Естественно, что такое сочувствіе всего русскаго населенія дѣлу русскихъ студентовъ и сильное движеніе, вызванное имъ во всей Галицкой Руси, съ одной стороны, ободрило русскихъ академиковъ, а, съ другой стороны, побудило университетскій сенатъ пойти, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыя уступки законнымъ требованіямъ русскихъ студентовъ.

Благодаря настояніямъ русскихъ профессоровъ богословскаго (клирошанъ Комарницкаго и Бартошевскаго) и другихъ факультетовъ, ксендзъ Фіалекъ согласился принять отъ русскихъ академиковъ ихъ index'ы и recepta nomina, писанные по-русски. Но тутъ возникъ другой вопросъ и вызванное имъ недоразумѣніе. По правиламъ университета, отвѣты на всякія прошенія, писанныя на мѣстномъ языкѣ, университетская администрація должна давать на томъ же языкѣ. Между тѣмъ 16 октября 1901 г. деканъ философскаго факультета выдалъ на прошенія русскихъ студентовъ объ освобожденіи ихъ отъ платы за правоученіе (чесного) отвѣты, писанные по-польски. Студенты не пожелали ихъ принять, обратились съ жалобою къ ректору, который отослалъ ихъ къ тому же декану, не пожелавшему выслушать студентовъ, не смотря на многія попытки послѣднихъ къ тому.

Тогда русскіе студенты, на основаніи университетскихъ правилъ, просили о разрѣшеніи имъ устроить 6 ноября въ 12 ч. д. въ одной изъ залъ университетскихъ совѣщаніе по вопросу, между прочимъ, объ открытіи самостоятельнаго русскаго университета въ Галиціи, или же, по крайней мѣрѣ, объ утраквизаціи существующаго Львовскаго университета. Ректоръ университета разрѣшилъ собраться русскимъ студентамъ, но только не въ 12 ч. д., а въ 7 ч. в., и, кромѣ того, сократилъ программу совѣщанія. Студентовъ особенно обидѣла перемѣна времени для совѣщанія, такъ какъ она была сдѣлана ректоромъ преднамѣренно для того, чтобы въ совѣщаніи не могли принять участіе русскіе богословы, которые, по дисциплинарнымъ правиламъ, не могутъ отлучаться изъ семинаріи по вечерамъ. Въ виду этого, студенты русскіе рѣ-

шили собраться въ 12 ч. д., какъ они думали сначала. Такъ они и поступили. Ректоръ университета, въ сопровожденіи нѣсколькихъ профессоровъ, самыхъ непримиримыхъ поляковъ, желалъ войти въ залу и прекратить совѣщаніе. Студенты встрѣтили ихъ криками: „pereat“ и свистомъ, а одного профессора, который старался взойти на каѳедру, оттолкнули силою. Вскорѣ послѣ того ректоръ снова возвратился и, недопущенный въ залу, объявилъ собраніе студентовъ незаконнымъ. Русскіе студенты на своемъ совѣщаніи рѣшили требовать открытія самостоятельнаго русскаго университета въ Галиціи, или же, въ крайнемъ случаѣ, утраквизаціи Львовскаго университета и, кромѣ того, выразили негодованіе университетскому сенату и, въ особенности, нѣкоторымъ профессорамъ, противившимся достиженію русскими студентами справедливыхъ и законныхъ правъ. Послѣ совѣщанія русскіе студенты разошлись при пѣніи русскихъ патріотическихъ пѣсенъ, имѣя во главѣ студентовъ богословскаго факультета, русскихъ академиковъ, съ торжествомъ возвратившихся въ свою духовную семинарію.

На слѣдующій день чтеніе лекцій въ Львовскомъ университетѣ прекратилось и началось слѣдствіе о демонстраціи, произведенной русскими студентами.

Судъ, веденный подъ сильнымъ вліяніемъ польской прессы, которая со всѣмъ фанатизмомъ обрушилась на русскихъ студентовъ, особенно богослововъ, за ихъ „дикость“ и „невѣроятное звѣрство“, видя въ грубыхъ дѣйствіяхъ молодежи, „цвѣта русскаго народа, будущихъ католическихъ (?) священниковъ“, только естественныя проявленія русской культуры,—закончился приговоромъ, рѣзко порицавшимъ дѣйствія всей вообще русской молодежи, а нѣкоторыхъ, кромѣ того, осуждавшимъ на исключеніе изъ университета—окончательное, или же только временное. Замѣчательно при этомъ, что часть, хотя меньшая, польскихъ студентовъ выразила свою солидарность съ русскими товарищами касательно желанія послѣднихъ слушать лекціи въ университетѣ на своемъ родномъ языкѣ.

Въ отвѣтъ на такой приговоръ русскіе студенты подали заявленіе о томъ, что они рѣшаются оставить Львовскій университетъ до тѣхъ поръ, пока университетскія власти не удовлетворятъ справедливому требованію русскаго студенчества, или пока не послѣдуетъ перемѣна отношеній въ Львовскомъ университетѣ. Къ этому заявленію присоединились и всѣ почти академики русскіе.

Достойно вниманія отношеніе семинарской администраціи къ студенческому движенію и къ участію въ немъ своихъ питомцевъ. Даже по отзыву русской умѣренной печати, семинарское начальство во все время университетскихъ волненій вело себя неопредѣленно, даже двусмысленно, и ничего не предпринимало для того, чтобы какъ нибудь уладить дѣло со своими питомцами. По другимъ же свѣдѣніямъ, семинарское начальство прямо сочувствовало домогательству русскихъ студентовъ, въ частности, богослововъ установленія полной равноправности русскаго и польскаго языковъ во Львовскомъ университетѣ.

Это сочувствіе свое студентамъ семинарская администрація отчасти обнаружила и при самомъ окончаніи университетскихъ волненій. Какъ только студенты-академики заявили о своемъ выходѣ изъ университета, семинарія была закрыта и вся администрація ея подала въ отставку. Главный начальникъ семинаріи, галицкій греко-католическій митрополитъ Андрей Шептицкій въ теченіе всего этого времени, когда въ университетѣ и въ семинаріи происходили вышеописанныя волненія, отсутствовалъ изъ Львова. Онъ былъ сначала въ Вѣнѣ, гдѣ участвовалъ въ засѣданіяхъ державной думы и соборѣ епископовъ, а потомъ въ Римѣ. Когда митрополиту было сообщено телеграммою о сецессіи русскихъ студентовъ изъ университета и закрытіи духовной семинаріи, то онъ телеграммою же просилъ ректора семинаріи не предпринимать окончательнаго рѣшенія до его пріѣзда, который онъ обѣщалъ ускорить. 28 ноября 1901 г. митрополитъ, дѣйствительно, возвратился во Львовъ и немедленно же занялся дѣлами ду-

ховной семинаріи. Однако же, несмотря на нѣкоторую попытку митрополита успокоить и умиротворить русскихъ богослововъ, послѣдніе остались вѣрными своему первоначальному рѣшенію. Тогда 1 декабря 1901 г. митрополитъ объявилъ семинарской администраціи свое слѣдующее рѣшеніе: „съ завтрашняго дня семинарія закрывается. Объ этомъ слѣдуетъ сообщить властямъ“.

Какъ всѣ вообще русскіе студенты Львовскаго университета, такъ, въ частности, и русскіе богословы разъѣхались по другимъ университетамъ. Слышно было, что русскіе богословы, предъ окончательнымъ оставленіемъ Львова и семинаріи, дали взаимное обѣщаніе не поступать ни въ какую другую семинарію духовную (очевидно, Перемышльскую), равно какъ не возвращаться и въ свою семинарію, если бы только та была реформирована, съ обращеніемъ ея въ закрытое заведеніе. Это послѣднее рѣшеніе русскихъ богослововъ во Львовѣ имѣетъ свое особенное значеніе, въ виду ходившихъ еще раньше слуховъ о томъ, что митрополитъ Андрей Шептицкій, крайне недовольный настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ семинаріи, желаетъ, будто бы, реформировать ее, при чемъ русское греко-католическое духовенство серьезно опасается, какъ бы Львовская семинарія не была отдана подъ надзоръ и опеку о.о. іезуитовъ, которые уже давно управляютъ русскими греко-католическими монастырями въ Галиціи.

Итакъ, съ закрытіемъ Львовской духовной семинаріи, галицкая греко-католическая церковь и духовенство ея остались безъ высшаго спеціальнаго заведенія, въ которомъ кандидаты духовенства могли бы получать необходимое образованіе. Пока русскіе богословы разошлись, какъ сказано, по другимъ университетамъ австрійскимъ.

Самымъ удобнымъ и подходящимъ для русско-галицкихъ алюмновъ былъ бы, повидимому Черновецкій университетъ въ Буковинѣ, такъ какъ въ этомъ университетѣ имѣется богословскій факультетъ (православный), на которомъ преподаваніе ведется по-русски. Но замѣчательно, что изъ всѣхъ австрій-

скихъ университетовъ именно одинъ Черновецкій на-отрѣзъ отказался открыть свои двери для русскихъ студентовъ, вышедшихъ изъ Университета Львовскаго и, въ частности, для галицко-русскихъ богослововъ. Вѣроятно, австрійское правительство убоялось усиленія русскаго элемента въ Черновцахъ и потому приняло мѣры къ тому, чтобы не допустить поступленія русскихъ галицкихъ студентовъ въ Черновецкій университетъ. Послѣ неудачи въ Черновцахъ, русскіе богословы разъѣхались и поступили въ Вѣнскій, Краковскій и отчасти Пражскій университеты.

Итакъ, теперь кандидаты священства греко-католической церкви въ Галиціи стали слушать богословскія лекціи въ такихъ университетахъ, гдѣ богословіе преподается или чисто католическими, или же чисто протестантскими профессорами. Во Львовѣ русскіе богословы имѣли хотя двухъ-трехъ своихъ профессоровъ, а теперь они нашлись вынужденными изучать только или католическое, или же протестантское богословіе! Какое вліяніе на кандидатовъ священства галицко-русской греко-католической церкви можетъ имѣть это послѣднее обстоятельство, не трудно предвидѣть. По истинѣ, надъ ними исполнились слова евангелія: „*и будутъ послѣдняя горше первыхъ*“.

Но очевидно, что въ такомъ положеніи дѣло не можетъ оставаться долго. Критическое положеніе, въ какомъ оказалась греко-католическая галицко-русская митрополія, можетъ и должно быть только временнымъ. Жаль и очень жаль будетъ, если только этотъ кризисъ будетъ роковымъ для галицко-русской уніатской церкви и разрѣшится мѣрами, которыя поведутъ еще къ большему окатоличенію ея, о чемъ только и мечтаютъ, только и заботятся ея теперешніе опекуны—іезуиты.

Такой или иной выходъ изъ критическаго положенія, въ какое попали кандидаты уніатскаго священства въ Галиціи, будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ митрополита Андрея Шептицкаго. Галицкій уніатскій митрополитъ Андрей графъ Шептицкій, о которомъ у насъ будетъ впереди особая рѣчь,

представляетъ изъ себя въ высшей степени загадочную личность. Въ настоящее врамя онъ пользуется большими симпатіями и авторитетомъ среди русскаго и еще болѣе среди польскаго обществъ въ Галиціи. При своемъ вліяніи, онъ можетъ вывести свою церковь изъ критическаго положенія, въ какое она впала, путемъ, какимъ пожелаетъ. Весь вопросъ въ томъ только: какой путь изберетъ митрополитъ?

Русское общество во Львовѣ съ напряженнѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидало возвращенія своего митрополита изъ Рима въ самомъ концѣ ноября 1901 г. Почитатели митрополита изъ среды русскихъ были увѣрены, что онъ, наконецъ, выйдетъ изъ того загадочнаго, неопредѣленнаго положенія, въ какомъ онъ продолжалъ оставаться съ самаго вступленія своего на митрополію. Думали, что митрополитъ приметъ сторону своей русской паствы въ вопросѣ о равноправности русскаго языка съ польскимъ во Львовскомъ университетѣ. Для этого ему нужно было только категорически заявить высшей администраціи Галиціи и Львовскаго университета, что онъ не можетъ оставаться безъ богословскаго факультета, или, что то же, безъ кандидатовъ для замѣщенія священническихъ вакансій. Такое заявленіе митрополита, безъ сомнѣнія, сразу сломило бы упорство непримиримыхъ поляковъ и способствовало бы, если не полному уравненію русскаго языка съ польскимъ, то, по крайней мѣрѣ, значительному расширенію правъ русскаго языка во Львовскомъ университетѣ и вообще въ Галиціи.

Но другіе изъ среды русскаго общества сильно сомнѣвались въ возможности такого рѣшенія со стороны митрополита, справедливо разсуждая, что бывшій ученикъ и ставленникъ іезуитовъ не можетъ такъ поступить, а скорѣе, наоборотъ, онъ воспользуется благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ для того, чтобы осуществить свои давнія намѣренія касательно преобразованія Львовской греко-католической духовной семинаріи въ католическо-іезуитскомъ духѣ.

Это послѣднее опасеніе, къ сожалѣнію, и сбылось. Семинарія временно закрылась и, вѣроятно, будетъ преобразо-

вана, разумѣется, такъ, какъ только можетъ это сдѣлать воспитанникъ іезуитовъ. Скоро это должно совершенно опредѣлиться, но уже и теперь можно предвидѣть, что изъ этого получится. Въ какихъ бы неблагопріятныхъ условіяхъ (о которыхъ было выше сказано нами) ни находились русскіе богословы, вынужденные слушать лекціи у католическихъ ксендзовъ на богословскомъ факультетѣ Львовскаго университета, но все таки это гораздо лучше, чѣмъ если они будутъ отданы подъ опеку о.о. іезуитовъ. А это неизбѣжно должно совершиться, если только греко-католическая семинарія во Львовѣ будетъ совершенно изолирована отъ всякаго общенія съ университетомъ и будетъ превращена въ закрытое заведеніе.

Такъ думать заставляетъ, съ одной стороны, посланіе митрополита Андрея Шептицкаго, съ которымъ онъ обратился къ настоятелямъ (администраціи) и воспитанникамъ семинаріи какъ разъ наканунѣ вышеописанныхъ нами студенческихъ волненій и въ которомъ отчасти даетъ понять, въ какомъ духѣ онъ желалъ бы преобразовать Львовскую греко-католическую семинарію, а съ другой стороны, тѣ перемѣны въ администраціи семинарской, которыя произведены митрополитомъ до настоящаго времени.

3. Недостатки въ устройствѣ и жизни Львовской духовной семинаріи и предполагаемая реформа ея.

Посланіе митрополита Шептицкаго еще въ большей степени, чѣмъ описанныя волненія богослововъ, раскрываетъ предъ нами картину внутренней жизни семинаріи: ея положительныя и отрицательныя стороны, а равно и тѣ виды, какіе митрополитъ соединяетъ съ задуманною имъ реформою семинаріи.

Въ посланіи митрополита констатируются слѣдующіе недостатки, подмѣченные имъ въ жизни семинаріи.

Указавъ на общее ненормальное настроеніе воспитанниковъ духовной семинаріи, по которому они стремятся полу-

чить отъ заведенія, въ которомъ воспитываются, только содержаніе: квартиру, пищу и платье, и въ замѣнъ того сами не желаютъ ничего давать, не заботятся о пріобрѣтеніи познаній и качествъ, какія безусловно необходимы для ихъ будущаго священническаго служенія, митрополитъ переходитъ затѣмъ къ частнымъ порокамъ, укоренившимся и свирѣпствующимъ, по его выраженію, среди кандидатовъ священства.

На первомъ мѣстѣ среди этихъ пороковъ онъ поставляетъ игру въ карты, которую подвергаетъ безпощадной критикѣ. Весь интересъ сей игры, по словамъ митрополичьяго посланія, основывается на желаніи пріобрѣсти деньги посредствомъ случайнаго выигрыша, а желаніе пріобрѣтенія безъ труда есть явленіе ненормальное. Такое желаніе получить деньги, вообще что-либо безъ труда наблюдается среди людей только трехъ категорій: нищихъ, мошенниковъ и картежниковъ. У всѣхъ трехъ—одинъ и тотъ же принципъ заработка. Игра эта не можетъ быть невиннымъ развлеченіемъ, хотя бы даже происходила на орѣхи, такъ какъ разъ при игрѣ возникаетъ и закрѣпляется любовь къ незаработанному пріобрѣтенію, жажда пріобрѣтенія безъ труда, то игра является опасною, на что бы она ни происходила. У воспитанника духовнаго такая жажда можетъ явиться зародышемъ настоящаго зла и въ то же время она служитъ вѣрнымъ признакомъ неспособности его къ будущему служенію

Осуждается, далѣе, лѣность среди воспитанниковъ, выражающаяся, между прочимъ, въ томъ, что кандидаты священства желаютъ получить какъ можно лучшее содержаніе и въ то же время ничего не дѣлаютъ для пріобрѣтенія знаній, соотвѣтствующихъ ихъ будущему званію и служенію. Большая часть товарищей студентовъ богословскаго факультета, получающихъ даровое содержаніе въ семинаріи, вынуждены бываютъ посредствомъ тяжелаго труда зарабатывать для себя средства къ жизни, преимущественно путемъ уроковъ. Всѣ свободныя минуты, остающіяся отъ такихъ занятій, свѣтскіе студенты стараются употреблять на обогащеніе себя по-

знаніями для того, чтобы добиться со временемъ извѣстнаго мѣста и положенія. Поэтому, и духовные воспитанники должны бы съ своей стороны давать что-либо такое, что бы было хотя нѣкоторымъ вознагражденіемъ за получаемое ими даровое содержаніе и образованіе. „Давая воспитаннику пищу и содержаніе“, говоритъ митрополитъ, „не можемъ не требовать отъ него усиленнаго 4-лѣтняго труда. Не можемъ на второй годъ принимать въ семинарію того воспитанника, который въ теченіе перваго года показалъ себя лѣнтяемъ“.

Съ особенною силою осуждаетъ митрополитъ лѣность въ духовныхъ воспитанникахъ, требуя отъ начальства и инспекціи семинарской обращенія въ своихъ квалификаціяхъ (отзывахъ о поведеніи воспитанниковъ) вниманія на образъ пониманія этими послѣдними труда жизни и ихъ отношенія къ нему. „Типъ легкомысленнаго студента, желающаго и ищущаго въ жизни только развлеченія, серьезно не думающаго о трудѣ, долженъ непремѣнно исчезнуть изъ среды духовныхъ воспитанниковъ, по словамъ митрополита Шептицкаго. Необходимо начальству и наставникамъ употреблять самыя энергичныя средства къ тому, чтобы всѣхъ воспитанниковъ семинаріи пріучить и принудить къ серьезному труду. Такого именно труда отъ будущихъ священниковъ требуютъ церковь и народъ, отъ степени усердія въ семъ трудѣ всецѣло зависитъ будущность той и другого. Поэтому, такого труда необходимо безусловно требовать отъ воспитанниковъ семинаріи, хотя бы даже пришлось лишиться большого процента кандидатовъ. „Лѣнтяевъ и дармоѣдовъ никогда не будемъ жалѣть“, заключаетъ митрополитъ Шептицкій свою филиппику противъ порока лѣности въ средѣ воспитанниковъ греко-католической духовной семинаріи во Львовѣ.

Любви къ серьезному и настойчивому труду нѣтъ среди духовныхъ воспитанниковъ потому, что они, видимо, не сознаютъ важности этого труда, не чувствуютъ въ себѣ достаточныхъ побужденій къ сему труду, а иные руководятся совершенно неправильными мотивами. Единственнымъ побужденіемъ къ труду

у духовнаго воспитанника, кандидата священства, должна быть вѣра, забота о спасеніи души. Потому не будетъ еще хорошимъ священникомъ даже усердно трудящійся воспитанникъ, если трудъ его не будетъ одушевленъ усердіемъ о спасеніи души. Весь успѣхъ дѣятельности священника основывается на этомъ усердіи и всецѣло зависитъ отъ него.

Не менѣе энергично вооружается митрополитъ Шептицкій противъ существующаго среди воспитанниковъ семинаріи стремленія къ роскоши, претензій имѣть возможно лучшую пищу и одежду, и обусловленнаго этимъ традиціоннаго обычая дѣлать иногда большіе долги во время обученія въ семинаріи. Претензіи на полученіе изысканнаго стола, по словамъ митрополичьяго посланія, являются ежегодно поводомъ для столкновенія между начальствомъ и богословами. Среди воспитанниковъ бываютъ такіе, которые имѣютъ смѣшную и глупую наклонность къ роскоши, къ чему-то, похожему на соціально-экономическую язву, именуемую жизнію не по средствамъ. Такіе воспитанники легкомысленно дѣлаютъ долги, продаютъ одежду, выдаваемую имъ, по правиламъ семинаріи, и мѣняютъ ее на болѣе роскошную, усиленно играютъ въ карты затѣмъ, чтобы выигрышемъ покрыть сдѣланные долги но на самомъ дѣлѣ попадаютъ еще въ большіе долги, а выходя изъ семинаріи съ большими долгами, высматриваютъ себѣ невѣсть съ большимъ приданымъ.

Какъ на весьма важный недостатокъ, указываетъ митрополитъ на отсутствіе среди воспитанниковъ духовной семинаріи усердія къ богослуженію, благоговѣйнаго настроенія во время совершенія богослуженія. Въ основаніи какъ этого послѣдняго, такъ и многихъ другихъ недостатковъ въ жизни воспитанниковъ семинаріи, кандидатовъ священства, лежитъ сильное развитіе, особенно въ послѣднее время, свѣтскаго направленія среди богослововъ. Отправляясь въ университетъ для слушанія богословскихъ лекцій, они часто не посѣщаютъ ихъ, а стремятся въ аудиторіи другихъ факультетовъ, особенно философскаго. Кромѣ того, по окончаніи семинарскаго обра-

зованія, богословы избѣгаютъ окончательнаго экзамена, поступаютъ на философскій факультетъ и потомъ совершенно отказываются принимать священный санъ, становясь учителями гимназій.

Какъ на одинъ изъ самыхъ прискорбныхъ недостатковъ въ жизни воспитанниковъ греко-католической семинаріи во Львовѣ, должно указать на крайнее развитіе среди нихъ духа партійности. Воспитанники семинаріи дѣлятся на нѣсколько группъ, принадлежащихъ къ разнымъ соціально-политическимъ партіямъ, существующимъ въ Галиціи. Это явленіе давнее, традиціонное. И прежде эти группы и эта партійность существовали въ семинаріи. Явленіе это существенно обусловливается особенными обстоятельствами Галицкаго края, положеніемъ русскаго народа и русской (греко-католической) вѣры въ Галиціи. Это положеніе, въ полномъ смыслѣ слова боевое, требуетъ необходимо, чтобы всякій русскій стоялъ на стражѣ самобытности своей вѣры и своего народа.

Но въ послѣднее время и съ этой стороны произошли въ семинаріи существенно важныя перемѣны. Теперь традиціонная партійность принимаетъ особенно сильный и рѣзкій духъ нетерпимости. Съ другой стороны, теперь произошла весьма существенная перемѣна и въ самой группировкѣ партій. Самыми главными партіями какъ среди всего галицко-русскаго населенія, такъ и въ средѣ семинаристовъ, являются двѣ: старо-русская (иначе москале-фильская) и младо-русская (иначе украино-фильская). Прежде (лѣтъ 20—25 тому назадъ) эти партіи въ предѣлахъ семинаріи находились приблизительно въ такомъ количественномъ отношеніи: $^{9}/_{10}$ общаго числа семинаристовъ принадлежали къ старо-русской партіи и только $^{1}/_{10}$—къ младо-русской; теперь это отношеніе измѣнилось совершенно въ противоположную сторону, такъ что изъ общаго числа до 200 (приблизительно) воспитанниковъ семинаріи принадлежащихъ къ старо-русской партіи насчитывается не болѣе 15—20 чел., а остальные—члены, или сторонники младо-русской, украинофильской партіи.

Руководителями партій и виновниками поддержанія духа

партійности въ семинаріи, по словамъ митрополичьяго посланія, являются люди, вовсе не отличающіеся чѣмъ-либо особеннымъ, напр., превосходствомъ ума, или знаній, но крикуны, обладающіе сильнымъ голосомъ, рѣшительностію характера, дерзостію обращенія. „Есть между вами“, говоритъ митрополитъ Шептицкій, обращаясь къ самимъ воспитанникамъ семинаріи, „много хорошихъ элементовъ и добраго матеріала для подготовленія ревностныхъ и хорошихъ священниковъ, есть много идеаловъ и искренній теплый патріотизмъ, такъ что могу говорить къ вамъ, какъ къ гражданамъ, понимающимъ и заботящимся о благѣ церкви и народа. Однако, есть между вами много и зла, есть глупыя дѣтскія традиціи, которыми многіе изъ васъ дорожатъ, есть много легкомыслія, нерадѣнія и лѣни. Но всего хуже то, что предводительство между вами держатъ въ своихъ рукахъ часто такіе товарищи, которые не имѣютъ никакихъ правъ и основаній для этого. Въ то время какъ люди серьезные, мирные и трудолюбивые большею частію стоятъ въ сторонѣ отъ внутренней жизни семинаріи и ея интересовъ, хотя они, и при томъ одни они, составляютъ настоящее ядро и средоточіе всей, вамъ свойственной, жизни,—люди, чуждые богословскаго духа и серьезной духовной жизни, новички для семинаріи, завладѣваютъ руководствомъ своихъ товарищей и придаютъ всему заведенію въ глазахъ многихъ, къ стыду вашему и моему, характеръ неблаговоспитанности и легкомыслія“.

Съ особенною энергіею и остротою митрополитъ Шептицкій осуждаетъ и порицаетъ сильно развившійся духъ партійной нетерпимости среди воспитанниковъ Львовской семинаріи, кандидатовъ священства. „Существуетъ среди васъ еще одно зло: партійная нетерпимость“, говоритъ онъ въ своемъ посланіи. „Имѣя въ будущемъ посвятить всю свою жизнь и всѣ труды одной и той же цѣли—всѣми силами трудиться въ продолженіе всей жизни надъ спасеніемъ людей и распространеніемъ царства Божія на землѣ, вы должны уже теперь сознавать необходимость солидарности, которая составляетъ наибольшую

силу церкви. И общечеловѣческій взглядъ, требующій отъ каждаго разумнаго человѣка съ уваженіемъ относиться къ чужому убѣжденію, и, въ особенности, духовное званіе, къ которому вы предназначаетесь, должны предохранять васъ отъ всякой нетерпимости. Эта нетерпимость будетъ постоянно отталкивать людей отъ священника и будетъ служить великимъ препятствіемъ въ трудѣ, цѣль котораго—пріобрѣтать людей для Бога и его царства. Задача ваша въ томъ состоять будетъ, чтобы быть посредниками между Богомъ и людьми. Всякая нить, которая можетъ связывать васъ съ людьми, должна служить для васъ средствомъ и орудіемъ вашего труда. Потому должно старательно избѣгать всего, что можетъ сдѣлаться недоразумѣніемъ и недостаткомъ единенія и стараться всегда лишь только о томъ, что соединяетъ насъ съ людьми и что можетъ помочь намъ привлечь ихъ къ Богу. Даже людей, чуждыхъ намъ въ самыхъ существенныхъ принципахъ вѣры, мы не можемъ отталкивать отъ себя; наоборотъ, мы должны отыскивать всякія сопредѣльныя точки, завязывать всякія нити, которыя могутъ соединить ихъ съ нами, а чрезъ насъ съ церковью и со Христомъ, для Котораго живемъ и трудимся".

Но, рекомендуя солидарность, какъ противовѣсъ крайней партійной нетерпимости, митрополитъ Шептицкій безусловно осуждаетъ и порицаетъ солидарность, направленную на что-либо дурное, напоминающую стачки, которыя, видимо, не чужды греко-католическимъ богословамъ. „Между вами должна непремѣнно быть солидарность, но только въ добромъ. Коллегіальность, поддерживающая лишь зло, не можетъ быть терпима въ семинаріи".

Въ заключеніе нашей рѣчи о кандидатахъ священства въ греко-католической галицко-русской церкви и, въ частности, о Львовской духовной семинаріи, какъ институтѣ, гдѣ эти кандидаты подготовляются, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнемъ поведеніи ихъ и внѣшнихъ порядкахъ семинаріи, которые мы могли наблюдать.

Первое наше замѣчаніе будетъ объ одеждѣ воспитанниковъ семинаріи, или такъ называемыхъ алюмновъ. Алюмны носятъ одежду, присвоенную въ греко-католической церкви лицамъ духовнаго званія: длинный, немного не доходящій до земли, кафтанъ (нашъ подрясникъ) и верхнюю, болѣе короткую рясу съ нѣсколько расширенными рукавами и перединками (плащи); шляпа—цилиндръ и толстая палка составляютъ необходимую принадлежность каждаго алюмна. И замѣчательно, что алюмны, видимо, не стѣсняются и не тяготятся такою одеждою, которая не можетъ не бросаться въ глаза обществу Львова, вполнѣ культурнаго западно-европейскаго города,—обществу, одѣвающемуся по требованію новѣйшей моды, законодательницею которой служитъ столица государства — Вѣна. Любопытно, съ другой стороны, и то, что воспитанники Львовской семинаріи умудряются дѣлать и эту скромную одежду роскошною, требующею затраты большихъ денегъ, ради добыванія которыхъ они вынуждены бываютъ дѣлать значительные долги, за что ихъ и осуждаетъ митрополитъ Шептицкій. Послѣдній только на одинъ годъ (прошедшій) дозволилъ алюмнамъ пріобрѣтать и носить одежду не такую, какая дается имъ отъ семинаріи, и входить по этому поводу въ непосредственное сношеніе съ портными.

Другое замѣчаніе наше касается богослуженія въ семинарской церкви и отношенія богослововъ къ нему. Должно упомянуть предварительно, что семинарская церковь во Львовѣ выдѣляется изъ ряда другихъ уніатскихъ церквей того же города. Она представляетъ довольно обширный продолговатый четыреугольникъ и непосредственно примыкаетъ къ семинарскому зданію. Алтарь отъ средняго храма отдѣляется сплошною высокою стѣною—иконостасомъ. Благодаря этому, храмъ очень напоминаетъ нашу православную домовую церковь. Богослуженіе совершается ректоромъ и профессорами. Для воспитанниковъ гимназій богослуженіе совершается ихъ катихитами (законоучителями). При совершеніи греческой мессы, поютъ всѣ богословы, или гимназисты. Пѣніе, несмотря на

присутствіе въ средѣ поющихъ прекрасныхъ голосовъ, не отличается стройностію и потому не производитъ благопріятнаго впечатлѣнія. Богословы, а также и гимназисты ведутъ себя во время богослуженія весьма непринужденно: сидятъ небрежно, разговариваютъ и смѣются. Все это вполнѣ объясняетъ смыслъ слѣдующихъ словъ митрополита Шептицкаго въ его посланіи по поводу реформы семинаріи: „воспитанника, уклоняющагося отъ богослуженія, дѣлающаго поклонъ во время прохожденія мимо св. даровъ безъ почтенія, молящагося въ часовнѣ безъ благоговѣнія и, вообще, всѣмъ своимъ поведеніемъ обнаруживающаго въ себѣ свѣтскій духъ, слѣдовало бы причислять къ людямъ, неспособнымъ къ духовному званію“

Что касается реформы греко-католической духовной семинаріи во Львовѣ, которую (реформу) задумалъ было митрополитъ Шептицкій, то она, насколько можно примѣтить изъ тѣхъ мѣстъ его посланія, какія касаются этого предмета, имѣетъ своимъ идеаломъ іезуитское образованіе. Очень замѣтно желаніе митрополита сдѣлать семинарію заведеніемъ какъ можно болѣе закрытымъ. Отпуски воспитанниковъ семинаріи предполагается какъ можно болѣе сократить. На лекціи университетскія богословы должны ходить не иначе, какъ въ сопровожденіи префекта. Такъ называемыя лицепціи (т. е. дозволенія на выходъ изъ семинаріи) предполагается давать не больше, какъ на два часа и при томъ не иначе, какъ только двумъ богословамъ вмѣстѣ. „Воспитанники, выходящіе изъ зданія семинаріи вдвоемъ, должны держаться вмѣстѣ. Если бы воспитанникъ былъ замѣченъ идущимъ одинъ безъ товарища, то конференція должна рѣшить, кого изъ двухъ товарищей должно исключить. Долженъ быть исключенъ тотъ, у котораго будетъ худшая квалификація; а если оба будутъ имѣть плохую квалификацію, то оба должны быть и исключены“.

Всѣ эти и многія другія правила взяты какъ будто изъ устава іезуитскаго коллегіума и мало добраго обѣщаютъ для предположенной реформы греко-католической семинаріи во Львовѣ. О томъ же самомъ, повидимому, говорятъ и пере-

мѣры, происшедшія до настоящаго времени въ судьбѣ грекокатолической Львовской духовной семинаріи и, въ частности, въ ея администраціи.

Мы видѣли, что митрополитъ Шептицкій совершенно не оправдалъ надеждъ, возлагавшихся на него русскимъ обществомъ Галиціи въ дѣлѣ сецессіи русскихъ студентовъ и, въ частности, богослововъ изъ Львовскаго университета. Онъ ничего не сдѣлалъ для того, чтобы побудить, или расположить польскую университетскую администрацію сдѣлать хотя нѣкоторыя уступки законнымъ и справедливымъ требованіямъ русскихъ студентовъ. Уступки эти были сдѣланы университетскимъ сенатомъ только подъ вліяніемъ распоряженія министра просвѣщенія отъ 5 апрѣля 1902 года. Съ другой стороны, не было употреблено, повидимому, никакихъ серьезныхъ мѣръ (кромѣ запугиванія разными способами) къ тому, чтобы и богослововъ побудить къ возвращенію въ свою родную семинарію. Богословы сами, кажется, поняли всю опасность, какой могла подвергнуться ихъ alma mater, въ случаѣ ихъ продолжительнаго отсутствія изъ нея. Больше всего они боялись, какъ и теперь боятся, отдачи своей семинаріи подъ управленіе базиліанскихъ монаховъ, въ свою очередь, находящихся подъ опекою о.о. іезуитовъ. Поэтому, наиболѣе спокойные и здравомыслящіе изъ среды богослововъ (старо-русской партіи) еще во второй половинѣ минувшаго учебнаго года возвратились изъ чужихъ университетовъ въ свою семинарію; а еще большая часть ихъ изъявила желаніе продолжать образованіе въ своей семинаріи въ слѣдующемъ, т. е. въ настоящемъ году. И замѣчательно, что митрополитъ Шептицкій не только не скорбѣлъ объ этомъ, но даже, наоборотъ, изданіемъ строгихъ мѣръ противъ сецессіонистовъ какъ будто желалъ отбить охоту къ возвращенію даже у тѣхъ богослововъ, которые стремились къ этому.

Между тѣмъ въ теченіе всѣхъ лѣтнихъ каникулъ во Львовѣ и вообще во всей Галиціи циркулировали настойчивые слухи о томъ, что митрополитъ Шептицкій намѣренъ передать духовную семинарію въ руки базиліанскихъ монаховъ.

Называли даже имена нѣсколькихъ базиліанъ, которыхъ митрополитъ намѣчалъ на должность ректора семинаріи. Дѣйствительно, въ августѣ с. г., наканунѣ новаго учебнаго года бывшій ректоръ семинаріи, митратъ (митроформный протоіерей) Туркевичъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности. Прошеніе его было принято и вскорѣ послѣ того, посреди самыхъ напряженныхъ и боязливыхъ ожиданій въ средѣ русскихъ, былъ назначенъ новымъ ректоромъ не базиліанинъ, а бывшій приходскій протоіерей въ г. Коломыѣ, столицѣ Покутья, о. Гр. Хомишинъ. Чему обязаны русскіе такимъ сравнительно счастливымъ для нихъ и неожиданнымъ назначеніемъ, неизвѣстно. Очень можетъ быть, что здѣсь имѣла значеніе и смерть кардинала Ледоховскаго, бывшаго предсѣдателемъ конгрегаціи пропаганды, въ вѣдѣніи которой находится и вся галицко-русская церковь... Впрочемъ, вполнѣ радоваться и совершенно быть спокойными на счетъ своей духовной семинаріи во Львовѣ и, слѣдовательно, образованія кандидатовъ своего священства русскимъ галичанамъ еще очень рано. Слѣдуетъ подождать, какихъ помощниковъ новому ректору изберетъ и назначитъ митрополитъ Шептицкій.

Вслѣдъ за митратомъ Туркевичемъ выйдетъ въ отставку, безъ сомнѣнія, и весь такъ называемый ректоратъ, т. е. правленіе семинаріи. Префектовъ и наставниковъ семинаріи побуждаетъ къ выходу въ отставку, между прочимъ, и то, что митрополитъ Шептицкій запрещаетъ имъ имѣть занятія внѣ семинаріи, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы они всецѣло отдались службѣ въ семинаріи. Очень возможно, что мѣста префектовъ и наставниковъ въ семинаріи и будутъ предоставлены базиліанамъ, которые, разумѣется, даже и при ректорѣ небазиліанинѣ, съумѣютъ сдѣлать свое дѣло, а чего сами не съумѣютъ, тому научатъ ихъ опекуны и руководители ихъ—о.о. іезуиты. Если это, дѣйствительно, совершится, то окончательное окатоличеніе галицко-русской уніатской церкви сдѣлается вопросомъ близкаго будущаго

III.

Бѣлое духовенство въ Галиціи.

а) Опредѣленіе священниковъ на мѣста и право патроната.

Мы уже знаемъ, какъ подготовляются въ Галиціи кандидаты священства. Несмотря на нѣкоторые недостатки въ средствахъ и способахъ этого подготовленія, обусловленныхъ преимущественно ненормальнымъ положеніемъ греко-католической церкви въ Галиціи, мы должны, однако же, сознаться, что галицко-русскіе кандидаты священства, прошедши весь курсъ богословскаго образованія, являются въ громадномъ большинствѣ своемъ вполнѣ правоспособными для прохожденія пастырскаго служенія, особенно со стороны своего умственнаго развитія.

Но на самомъ дѣлѣ для греко-католическаго богослова далеко еще недостаточно одного надлежащаго образованія для полученія священническаго мѣста. Ему недостаетъ еще самаго главнаго, безъ чего онъ, будь хоть самый образованный и достойный кандидатъ, никогда и ни за что не получитъ священническаго мѣста въ Галиціи.

Дѣло въ томъ, что, хотя на священническія мѣста въ Галиціи кандидаты опредѣляются епархіальными епископами, по представленію консисторіи, но не иначе, какъ по сношенію и соглашенію съ приходскими патронами, отъ которыхъ кандидатъ, ищущій извѣстнаго мѣста, долженъ получить предварительно согласіе, или т. н. презенту. Патронатъ и презентація представляютъ страшное зло въ жизни греко-католической галицко-русской церкви; они являются однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ, которыми пользуются враги уніатской церкви въ Галиціи для ея совершенной дезорганизаціи и демораліазаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ сильнѣйшихъ тормазовъ благотворной пастырской дѣятельности греко-католическихъ священниковъ,—словомъ, тягчайшимъ игомъ, подъ бре-

менемъ котораго положительно стонетъ все галицко-русское греко-католическое духовенство.

Кто знакомъ съ древней исторіею западно-русской церкви, тотъ хорошо знаетъ, что такое патронатъ и презентація, и какими послѣдствіями они сопровождались для западно-русскаго края, когда онъ находился подъ властію Польши.

Патронатъ, какъ наслѣдіе феодальнаго права владѣльцевъ распоряжаться своими имѣніями и состоявшими въ нихъ учрежденіями, восходитъ, по своему происхожденію, къ очень древнему времени. Сначала онъ былъ дѣломъ усердія благочестивыхъ ревнителей западно-русской православной церкви, которые, строя на собственной своей землѣ храмы и монастыри, снабжали ихъ всѣмъ необходимымъ для ихъ содержанія и обезпеченія, заботились о пріисканіи и поставленіи игуменовъ для монастырей и священниковъ для приходскихъ церквей, и въ то же самое время пользовались правомъ высшаго управленія въ патронатскихъ монастыряхъ и церквахъ какъ по имущественнымъ, такъ и по судебнымъ дѣламъ.

Такимъ образомъ, патронатъ частнѣе выражался въ формахъ: 1) общаго покровительства (jus patronatus); 2) права подаванія, или отдачи монастырей и церквей извѣстнымъ лицамъ (jus donandi); 3) *права презентаціи, или рекомендаціи извѣстныхъ лицъ на должности монастырскихъ настоятелей и приходскихъ священниковъ (jus praesentationis)* и 4) права управленія и суда въ опредѣленныхъ границахъ по отношенію къ общей подсудности церквей и монастырей государству и духовной власти.

Разумѣется, что когда такимъ широкимъ патронатскимъ правомъ пользовались ревнители православія, то это было весьма полезно для православной церкви. Но когда съ теченіемъ времени наслѣдники древнихъ православныхъ патроновъ ополячились и окатоличились и когда, такимъ образомъ, патронатскія учрежденія перешли во владѣніе иновѣрцевъ, смотрѣвшихъ на нихъ съ ненавистію, или, въ лучшемъ случаѣ, съ жаждою наживы, какъ на доходныя статьи своихъ имѣній,

то патронатъ принялъ такія формы, при которыхъ это учрежденіе обезобразилось страшными злоупотребленіями и сдѣлалось источникомъ величайшихъ бѣдствій для западно-русской православной церкви.

Такія же бѣдствія причиняетъ и теперь греко-католической церкви въ Галиціи сохранившійся здѣсь патронатъ. Правда, нынѣшній патронатъ значительно съузился сравнительно съ древнимъ, такъ что изъ всѣхъ тѣхъ правъ, какія принадлежали древнимъ патронамъ и выше указаны нами, современные патроны сохранили одно только право презентаціи. Но и оно, какъ увидимъ сейчасъ, приноситъ величайшій вредъ уніи и русской народности въ Галиціи.

Право патроната въ Галиціи теперь принадлежитъ всѣмъ вообще владѣльцамъ имѣній, въ чертѣ которыхъ находятся уніатскія церкви, начиная съ императора Австрійскаго и оканчивая евреемъ-землевладѣльцемъ; въ городахъ иногда право патроната принадлежитъ городскимъ магистратамъ, а въ селахъ—„громадамъ“; въ монастырскихъ имѣніяхъ правомъ патроната владѣютъ римско-католическіе монастыри; довольно много приходскихъ греко-уніатскихъ церквей находятся подъ патронатствомъ римско-католическихъ епископовъ и ихъ каѳедральныхъ капитулъ; очень часто въ „шематизмахъ“ греко-католическихъ галицко-русскихъ епархій, подъ рубрикою: „патронъ“ можно читать слѣдующую отмѣтку: *„властитель израилитъ“*.

Мы сказали, что патронатъ причиняетъ величайшій вредъ и неисчислимыя бѣдствія для греко-католической галицко-русской церкви. На первомъ мѣстѣ здѣсь должно поставить величайшее униженіе, какое терпитъ, благодаря патронатскому праву, галицко-русское духовенство и вся вообще греко-католическая церковь въ Галиціи. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, какимъ униженіямъ и оскорбленіямъ можетъ подвергнуться греко-католическій священникъ, вынужденный просить о презентѣ римско-католическаго епископа, или польскаго магната.

Вотъ какъ разсказываетъ одинъ галицко-русскій грекокатолическій священникъ о тѣхъ унизительныхъ мытарствахъ, съ которыми неизбѣжно бываетъ связано полученіе презенты.

„По истеченіи одного года сотрудничества, былъ я завѣдующимъ маленькаго прихода, древней капелланіи, не далеко отъ Милятинскаго костела. Туда являлся я отъ поры до времени, какъ и многіе другіе священники—русскіе и латинскіе, просто для „хапатни“ отъ пробощa, а главное—для пріобрѣтенія знакомствъ среди шляхты съ цѣлію полученія въ будущемъ презенты. Умалчиваю объ испытаніяхъ, какимъ подвергали меня въ костелѣ для того, чтобы убѣдиться, что я не схизматикъ, или—что еще хуже—не москаль. А чего я насмотрѣлся и какихъ соблазнительныхъ рѣчей наслушался въ домѣ пробоща отъ шляхтичей-подпанковъ, а больше всего отъ „мучениковъ“, бѣжавшихъ изъ Холмщины уніатскихъ священниковъ, которыхъ тогда была тьма въ Милянщинѣ,—того и на воловьей кожѣ не исписалъ бы! Не разъ я кусалъ себѣ языкъ, стискивалъ зубы, слезы застилали мнѣ глаза и я готовъ былъ рыдать отъ сознанія, что я не могу ничего отвѣтить клеветникамъ, такъ какъ зналъ, что дома жена и двое дѣтей дожидаютъ „хлѣба“ отъ презенты...

Не будучи увѣренъ, что въ другомъ случаѣ съ такимъ же терпѣніемъ могу удержать свой языкъ за зубами, сознавая, съ другой стороны, и то, что ни консисторія, ни владыка за меня не вступятся, я однажды палъ въ церкви предъ иконою св. Николая и началъ молиться такъ: „прости мнѣ, св. отче Николаю, мои прегрѣшенія, благодаря которымъ я получу презенту; но... потомъ я вдесятеро имъ всѣмъ отплачу“. Черезъ три года священства, по ходатайству польскихъ шляхтичей, латинскихъ ксендзовъ и даже іезуитовъ, одинъ шляхтичъ самъ прислалъ ко мнѣ депутацію поселянъ съ заявленіемъ, что никому другому, но только мнѣ, истинному русину-католику, подпишетъ презенту на освободившійся приходъ. Только уже сдѣлавшись священникомъ, я показалъ самыми дѣйствіями своими, каковъ я на самомъ дѣлѣ русинъ и свя-

щенникъ, поступая во всемъ честно, совѣстно и справедливо. Тогда среди польской братіи возникъ споръ, поднялись крики во всемъ повѣтѣ, при чемъ одинъ шляхтичъ на другого сваливалъ вину за проведеніе такого полякоѣда и замаскированнаго москаля, какимъ былъ я, на что я самъ спокойно отвѣчалъ: „такъ какъ вы, паны и ксендзы, поступаете нечестно, то и намъ нужно отплачивать вамъ тѣмъ же“.

На десятомъ году моего пребыванія на приходѣ, я однажды пошутилъ, въ присутствіи шляхты, говоря: „вижу, панове, я вамъ не нравлюсь. Милости вашей я не ищу и не приму; хотя приходъ мой малъ, но для меня достаточенъ. Но, впрочемъ, если вы хочете освободиться отъ меня, то дайте мнѣ приходъ, какой я самъ выберу, и тогда вы освободитесь отъ „враждебнаго элемента“. Одинъ шляхтичъ тотчасъ же протянулъ мнѣ руку и при всѣхъ заявилъ, что постарается доставить мнѣ приходъ, какой я выберу. Въ томъ же самомъ году освободился мой нынѣшній приходъ. Узнавши по шематизму ближайшія подробности о приходѣ, я, даже не освѣдомляясь о томъ, кто состоитъ коллляторомъ (патрономъ) прихода, заявляю шляхтѣ, что желалъ бы получить этотъ приходъ. Черезъ нѣсколько времени я представился коллятору, человѣку честному и симпатичному, который мнѣ заявилъ: „дѣло рѣшено; подписываю для васъ презенту, такъ какъ на меня оказываютъ давленіе сильные, которымъ я долженъ подчиниться; десяти правоспособнымъ кандидатамъ я уже отказалъ, а подпишу презенту вамъ, хотя васъ не знаю“. Вотъ какимъ способомъ выпроводили меня поляки изъ повѣта (уѣзда), и такими-то вотъ путями, правда, не компрометирующими меня, получилъ я двѣ презенты. *Но есть въ этомъ дѣлѣ и другія дороги, чаще всего настолько соблазнительныя и унизительныя, что сами священники, прошедшіе ими, стыдятся потомъ до смерти вспоминать о нихъ*“.

„Замѣщеніе приходовъ по нынѣшнему способу“, т. е. на основаніи и въ зависимости отъ презентаціи, „есть чистый скандалъ, позорящій высокое достоинство Христовой Церкви“,

справедливо говоритъ другой изъ греко-католическихъ галицко-русскихъ священниковъ. „Священникъ, выдержавшій экзаменъ зрѣлости, имѣющій дипломъ всеучилища (т. е. университета), лицо высокообразованное, ставится въ зависимость отъ людей, окончившихъ иногда, и то еще съ плохимъ успѣхомъ, сельскую школу! Служитель Христовой Церкви третируется надменными аристократами, не имѣющими никакого соприкосновенія съ церковью и часто прямо враждебно настроенными къ русскому обряду. А весьма часто бываетъ и такъ, что колляторы публично ведутъ безнравственную жизнь, самымъ ужаснымъ образомъ издѣваясь надъ предписаніями Церкви. Въ одномъ, напр., приходѣ живетъ ясновельможный женатый графъ, держащій ко всеобщему соблазну при себѣ сожительницу, съ которою незаконно живетъ на глазахъ всѣхъ. Сей графъ—образецъ чревоугодника—управленіе своими имѣніями передалъ своей конкубинѣ. Представь себѣ, читатель, положеніе священника, который, когда освободится этотъ приходъ, вынужденъ будетъ искать презенты. Онъ долженъ будетъ, прежде всего, поклониться, и, можетъ быть, даже и поцѣловать ручку развратницѣ, послѣ чего онъ удостоится чести быть допущеннымъ предъ лицо ясновельможнаго графа, такого же развратника. Какой позоръ для служителя Христовой Церкви! А тѣ многіе, многіе случаи, когда священники черезъ посредство панскихъ лакеевъ получаютъ презенту, не свидѣтельствуютъ ли о томъ, что презентаційное право отжило свой вѣкъ, принадлежитъ къ разряду тѣхъ антиковъ, которымъ мѣсто только въ музеяхъ древностей?

Было время, когда зельманы (т. е. евреи) имѣли ключи отъ церквей: нѣчто подобное представляетъ и нынѣ презентаційное право“.

Кромѣ величайшаго униженія для священниковъ и всей вообще греко-католической церкви въ Галиціи, патронатское право необходимо сопровождается и другими весьма печальными и пагубными послѣдствіями. Патронатское право даетъ возможность имѣющимъ его римско-католикамъ проводить на

мѣста священническія людей малоспособныхъ, или совершенно неспособныхъ, а иногда даже и прямо недостойныхъ. Патронатское право даетъ возможность владѣльцамъ его держать священническія мѣста праздными иногда по нѣсколько лѣтъ, когда сосѣдніе ксендзы занимаются открытою пропагандою среди русскихъ галичанъ, совращая ихъ въ католичество. Пользуясь патронатскимъ правомъ, польскіе паны требуютъ отъ русскихъ священниковъ иногда самыхъ тяжкихъ національныхъ жертвъ, берутъ съ нихъ взятки, развиваютъ среди нихъ искательство и т. п.

„Историческіе зельманы“ (т. е. евреи-арендаторы патроновъ), справедливо замѣчаетъ одинъ изъ галицко-русскихъ греко-католическихъ священниковъ, „требовали грошевыхъ оплатъ за презенты: нынѣшніе же патроны требуютъ отъ ищущихъ презенты на приходъ національныхъ жертвъ. Три года тому назадъ освободился приходъ въ имѣніяхъ графа Казиміра Бадени. Искавшій презенты священникъ поѣхалъ въ Бускъ, чтобы представиться коллятору. Первыя слова сего врага всего русскаго въ нашемъ краѣ, обращенныя къ священнику, были слѣдующія: „ксендзъ-москаль?“ Не правда ли, читатель, лестное поздравленіе? Объ искательствѣ священниковъ съ цѣлію полученія прихода, особенно если еще послѣдній имѣетъ славу „толстаго“,—и способахъ сего искательства, безусловно компрометирующихъ священническое званіе, излишне и говорить. Лѣта служенія Богу, образованіе, патріотизмъ, каноническія требованія и правила, при замѣщеніи приходовъ, не принимаются колляторами въ разсчетъ. Удивительно ли послѣ этого, что теперь священники, старшіе возрастомъ, испытанные патріоты, по нѣскольку лѣтъ сидящіе на „голодовкахъ“, даже и не пробуютъ искать лучшихъ приходовъ, напередъ зная, что трудъ ихъ будетъ совершенно напраснымъ“?

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ злоупотребленій, тѣсно связанныхъ съ патронатскимъ правомъ, среди галицкаго уніатскаго духовенства въ послѣднее время возникло сильное движеніе

въ пользу уничтоженія, или же, по крайней мѣрѣ, коренной реформы презентаційнаго права. Вопросъ этотъ живо обсуждался въ минувшемъ (1901) году на страницахъ галицко-русскихъ газетъ. При этомъ выяснилась еще болѣе вся ненормальность такого анахронизма, какъ патронатское право. Была заявлена священниками масса поразительныхъ злоупотребленій, вызываемыхъ этою аномаліею. Вопросъ объ уничтоженіи презентаційнаго права обсуждался также и на деканальныхъ (по нашему: благочинническихъ) соборчикахъ духовенства, происходившихъ осенью 1901 г.

Путемъ такого обсужденія для всѣхъ выяснилась безусловная необходимость уничтоженія, или же, по крайней мѣрѣ, коренной реформы патронатскаго института. Когда въ 1901 г. митрополитъ Шептицкій предложилъ греко-католическому духовенству, чтобы оно вносило свои петиціи въ державную думу (государственный совѣтъ) Габсбургской монархіи объ увеличеніи жалованья, то духовенство поголовно заявило тогда свое горячее желаніе также и о томъ, чтобы былъ устраненъ патронатъ. „То прямо аномалія“, говорилось въ тѣхъ петиціяхъ, „чтобы одинъ человѣкъ назначалъ, такъ сказать, чиновника, съ которымъ не имѣетъ ничего общаго, которому ничего не платитъ и который совершенно независимъ отъ него“.

Въ настоящее время, по поводу устрояемаго паломничества въ Римъ для поздравленія папы съ 25-лѣтнимъ юбилеемъ его служенія, галицко-русское греко-католическое духовенство въ числѣ многихъ другихъ желаній памѣрено возбудить чрезъ своего митрополита также ходатайство и объ уничтоженіи патронатскаго права. Неизвѣстно и трудно предвидѣть, чѣмъ можетъ закончиться все это движеніе, направленное къ отмѣнѣ патронатскаго права.

Любопытно при этомъ отмѣтить, что само духовенство галицко-русское доселѣ еще не согласилось между собою въ рѣшеніи вопроса о томъ, чѣмъ лучше всего замѣнить право патроната, въ случаѣ его уничтоженія, и кому должно быть

предоставлено тогда право рѣшающаго голоса въ выборѣ священника для того или другого прихода.

Казалось бы, что естественнѣе всего это право слѣдовало бы передать самимъ прихожанамъ, „громадамъ“, такъ какъ они наиболѣе заинтересованы въ этомъ дѣлѣ и имъ ближе и дороже, чѣмъ кому-либо другому, интересы приходской церкви и жизни. Однако же, духовенство галицко-русское, повидимому, единодушно не желаетъ, чтобы право выбора священниковъ было предоставлено „громадамъ“, боясь, что эти послѣднія будутъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ представителей польской администраціи въ краѣ, или что въ этомъ случаѣ могутъ возникнуть такія злоупотребленія, какъ подкупы „громадъ“ водкою и т. п.

„Чтобы селяне—громадяне давали священнику презенту на приходъ“, говоритъ одинъ изъ галицко-русскихъ грекокатолическихъ священниковъ, „о томъ не можетъ быть и рѣчи. Они еще не доросли до достоинства колляторовъ; тогда, навѣрное, выдача презенты происходила бы въ корчмѣ. Тогда при каждой смѣнѣ священника возобновлялись бы торги за церковныя требы, при чемъ дошло бы до того, что мы видимъ теперь съ церковными дьяками, которые при каждой смѣнѣ сбавляютъ цѣну, и тамъ, гдѣ лѣтъ 30—40 тому назадъ дьякъ получалъ въ годъ по четверти ржи съ каждаго хозяина въ селѣ, тамъ онъ теперь, благодаря конкурренціи, соглашается служить за 10 кр. въ годъ“.

„Извѣстно“, замѣчаетъ другой галицко-русскій священникъ по тому же предмету, „что наши „громады“, особенно старшина—слѣпое орудіе въ рукахъ не только старостъ, но даже и громадскихъ писарей“. Такимъ образомъ, передача права патроната въ руки „громадъ“ сельскихъ, вообще прихожанъ, была бы равносильна передачѣ его правительству.

Но противъ этой послѣдней передачи галицко-русское греко-католическое духовенство рѣшительно и совершенно справедливо возражаетъ, что это было бы равносильно совершенному порабощенію Церкви Христовой свѣтскому иновѣр-

ному и иноплеменному правительству, враждебно настроенному ко всему русскому.

Остается тогда еще двоякій выходъ изъ непормальнаго положенія, обусловленнаго существованіемъ въ галицко-русской церкви патронатскаго права: передача этого послѣдняго въ распоряженіе духовныхъ консисторій, или же епископовъ. Было высказано даже и въ печати желаніе, чтобы патронатское право было передано духовнымъ консисторіямъ, впрочемъ, безъ серьезной мотивировки этого проекта, за исключеніемъ того полуироническаго замѣчанія, что „священнику лучше исполнить рабское: „пріидите, поклонимся“ дѣятелямъ въ вертоградѣ Христовомъ, нежели мірскимъ людямъ“.

Другіе же не желали бы передачи патронатскаго права въ распоряженіе духовныхъ консисторій на томъ основаніи, что галицко-русское греко-католическое духовенство, какъ заявляетъ о томъ печатно одинъ священникъ, „не имѣетъ никакого довѣрія къ своимъ консисторіямъ. Въ случаѣ презентованія приходовъ консисторіями, необходимо бы оставить по меньшей мѣрѣ по 10 самыхъ лучшихъ приходовъ для каждаго референта (члена) консисторіи, чтобы онъ могъ надѣлить ими своихъ сыновей, зятьевъ, шуриновъ до четвертой степени, а для владыки также слѣдовало бы оставить, по крайней мѣрѣ, до 20 лучшихъ приходовъ въ его распоряженіе съ тою же цѣлію. Если теперь крылошанинъ (членъ „крылоса“, капитулы), или консисторскій референтъ старается для своего молоденькаго сына объ одномъ изъ лучшихъ приходовъ, то это еще простительно, ибо prima charitas ab ego, дѣло идетъ здѣсь о насущномъ хлѣбѣ; но чтобы крылошанинъ въ дополненіе къ лучшему приходу старался выхлопотать для своего сына, едва шестилѣтняго священника, крылошанское отличіе, это—больно, соблазнительно, даже смѣшно“.

Такимъ образомъ, остается одинъ только выходъ изъ непормальнаго положенія, именно: передача права презентаціи приходовъ архіереямъ. Въ пользу такого рѣшенія склоняется, кажется, большинство галицко-русскаго духовенства.

Одинъ изъ священниковъ въ такомъ видѣ представляетъ своимъ собратьямъ дѣло будущаго распредѣленія приходовъ владыкою. Консисторія, по его мнѣнію, должна имѣть самыя точныя свѣдѣнія о нравственномъ состояніи каждаго отдѣльнаго прихода, о характерѣ прихожанъ, о направленіи ихъ поведенія, о добрыхъ и дурныхъ качествахъ. Она должна также имѣть точныя свѣдѣнія о способностяхъ, характерѣ и поведеніи каждаго священника, на основаніи истинныхъ и справедливыхъ, а не ложныхъ донесеній. Особенно архіерею слѣдовало бы какъ можно ближе узнавать каждаго священника въ отдѣльности, путемъ непосредственнаго наблюденія и личной бесѣды убѣждаться, что то за человѣкъ, каковъ его характеръ, способности и на мѣстѣ ли онъ? Священникъ, въ свою очередь, долженъ былъ бы вести точный списокъ своихъ прихожанъ, съ отмѣтками о томъ, какого каждый изъ нихъ духа и характера. Такую хронику прихода священникъ долженъ былъ бы представлять черезъ каждые пять лѣтъ въ консисторію, а эта послѣдняя, по смерти того или другого священника, должна бы представлять такой списокъ съ хроникою архіерею. Въ такомъ случаѣ, архіерей могъ бы знать, въ какомъ священникѣ нуждается извѣстный приходъ. Священники—также люди и съ хорошими и съ плохими характерами и качествами, такъ что священникъ, который, какъ нельзя болѣе, можетъ подходить и годиться для одного прихода, для другого прихода, имѣющаго совсѣмъ иныя нужды, можетъ оказаться совершенно неподходящимъ.

Съ своей стороны, можемъ сказать, что на основаніи сдѣланныхъ нами наблюденій, проектируемая и желательная для многихъ членовъ греко-католическаго галицко-русскаго духовенства передача патронатскаго права въ распоряженіе владыкъ можетъ оказаться совершенно пагубною для уніатской, галицко-русской церкви, особенно если на архіерейскихъ мѣстахъ позасядутъ базиліане, руководимые іезуитами и движимые въ своей дѣятельности одною только мыслію объ окатоличеніи галицко-русскаго народа. Что это наше опасеніе

не безосновательно, можно видѣть изъ слѣдующаго. Тотъ же самый священникъ, который стоитъ за передачу права презентаціи въ распоряженіе владыкъ и мнѣніе котораго по сему предмету мы привели выше, дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующее характерное замѣчаніе. „Если владыка", говоритъ онъ, „будетъ презентовать священниковъ на приходы, то будетъ больше надежды у насъ на болѣе справедливое распредѣленіе приходовъ, ибо отъ одного человѣка скорѣе можно ожидать справедливости, чѣмъ отъ 16 членовъ консисторіи, имѣющихъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ до четвертой степени. *Только сохрани насъ, Боже, отъ повторенія эры несчастнаго кардинала (т. е. Сильвестра Сембратовичи, митрополита галицко-русскаго, греко-католическаго, получившаго кардинальскую шапку за то, что онъ содѣйствовалъ окатоличенію русскихъ галичанъ), который больше всего и самого себя и все духовенство наше унижалъ*"...

Да, къ сожалѣнію, это такъ и было. И если бывшій митрополитъ Сильвестръ Сембратовичъ, даже не располагая презентаційнымъ правомъ, успѣлъ сдѣлать столько зла галицко-русской церкви, то не трудно себѣ представить, что бы онъ сдѣлалъ, если бы еще имѣлъ и это право въ своемъ распоряженіи! И что можетъ сдѣлать такой архіерей, какъ Платонидъ Филясъ, базиліанинъ, котораго всѣ прочатъ теперь на Станиславовскую архіерейскую каѳедру и который преисполненъ глубочайшей ненависти ко всему русскому и, въ частности, къ русскому бѣлому духовенству, если только онъ будетъ имѣть въ своихъ рукахъ право презентаціи священниковъ на приходы?

Въ заключеніе нашей рѣчи о способахъ опредѣленія кандидатовъ на священническія мѣста въ Галиціи мы считаемъ необходимымъ сдѣлать еще слѣдующее замѣчаніе. Въ послѣднее время среди галицко-русскаго духовенства укрѣпляется мысль о необходимости распредѣленія приходовъ между священниками соотвѣтственно ихъ заслугамъ и, въ частности, соотвѣтственно количеству лѣтъ ихъ службы, разумѣется, по-

лезной для церкви. Такое предложеніе было внесено въ Станиславовскую консисторію нѣсколько лѣтъ тому назадъ членомъ ея крылошаниномъ Литвиновичемъ. Предложеніе это было принято консисторіей и имъ руководились при опредѣленіи кандидатовъ на священническія мѣста въ Станиславовской епархіи во время управленія ею нынѣшняго галицко-русскаго митрополита Шептицкаго. Теперь духовенство галицко-русское желаетъ, чтобы тотъ же самый порядокъ, насколько онъ, разумѣется, совмѣстимъ съ патронатскимъ правомъ, былъ введенъ и во всѣхъ вообще трехъ епархіяхъ галицко-русской греко-католической церкви.

Въ своей рѣчи о возможныхъ выходахъ изъ того ненормальнаго положенія, въ какое поставлена галицко-русская греко-католическая церковь, благодаря патронатскому праву, мы указали, что галицко-русское духовенство рѣшительно не сочувствуетъ мысли о передачѣ права патроната прихожанамъ, городскимъ магистратамъ и сельскимъ громадамъ. Особенно оно не можетъ никакъ примириться съ мыслію о томъ, чтобы право выбора священниковъ было предоставлено сельскимъ громадамъ. Какими побужденіями можетъ руководиться галицко-русское духовенство въ этомъ отношеніи?

Открыто были высказаны два соображенія противъ передачи презентаційнаго права сельскимъ „громадамъ“: а) сельскія „громады“, будто бы, еще не созрѣли до того, чтобы могли воспользоваться этимъ правомъ, и б) духовенство боится въ этомъ случаѣ неизбѣжнаго возбужденія больного вопроса о платѣ за требоисправленія.

Но первое изъ этихъ соображеній не заслуживаетъ никакого серьезнаго вниманія. Дѣло въ томъ, что сельскія „громады“, при выборѣ себѣ священника, будутъ руководиться оцѣнкою не ума его, а практической дѣятельности его. И это тѣмъ болѣе можетъ сдѣлать приходъ, что въ Галиціи существуетъ извѣстная постепенность при опредѣленіи кандидатовъ на священническія мѣста. Тамъ окончившій курсъ богословскаго факультета и выдержавшій окончательный экза-

менъ предъ особою комиссіею не можетъ, какъ это практикуется иногда у насъ, въ Россіи, сразу получить мѣсто приходского священника. Нѣтъ, сначала онъ долженъ еще прослужить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ качествѣ помощника приходского священника. Такіе помощники приходскихъ священниковъ называются въ Галиціи обыкновенно „заступниками“, или же „сотрудниками“. Послѣ болѣе или менѣе продолжительной службы въ должности „заступника“, или „сотрудника“, онъ назначается такъ называемымъ „завѣдывателемъ“ прихода, свободнаго почему-либо (напр., вслѣдствіе продолжительной болѣзни священника и т. п.), при чемъ ему предоставляется возможность испробовать свои силы и практическую опытность на поприщѣ самостоятельной дѣятельности. Только уже послѣ того онъ можетъ искать презенты на мѣсто приходского священника, который въ Галиціи называется „приходникомъ“.

При такомъ порядкѣ подготовленія кандидатовъ на должности „приходниковъ“, сельскія „громады“, разумѣется, имѣютъ полную возможность присмотрѣться къ дѣятельности этихъ кандидатовъ въ то время, когда они еще исполняютъ обязанности „заступниковъ“ и „завѣдывателей“. А для того, чтобы не было злоупотребленій, чтобы на мѣста „приходниковъ“ не проходили лица недостойныя, церковная власть можетъ, разумѣется, опредѣлить ясно и точно требованія со стороны образовательнаго ценза и нравственныхъ качествъ, какимъ должны удовлетворять кандидаты, желающіе получить отъ „громады“ презенту на мѣсто „приходника“.

Болѣе серьезнаго вниманія заслуживаетъ то соображеніе, что сельскія „громады“ легко могутъ сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ представителей польской администраціи въ краѣ, или же самихъ русскихъ, принадлежащихъ къ такъ называемой радикальной партіи, враждебно относящейся ко всему религіозному, церковному. Но если бы даже и такъ было, то все таки это было бы несравненно лучше нынѣшняго порядка, ибо со стороны русской „громады“, насчитывающей

въ себѣ 500—1000 человѣкъ, скорѣе можно ожидать и справедливаго и—главное—внимательнаго отношенія къ интересамъ своей родной церкви, нежели отъ какого-либо польскаго шляхтича, пропитаннаго до мозга костей ненавистію ко всему русскому.

Что же касается боязни возбужденія вопроса о платѣ за требоисправленія, въ случаѣ передачи презентаційнаго права въ руки прихожанъ, то, хотя это опасеніе и справедливо, но едва ли его можно выдвигать на первый планъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ защита и спасеніе галицко-русской церкви отъ страшно вреднаго для нея патроната. А между тѣмъ галицко-русское греко-католическое духовенство, какъ намъ кажется, потому именно и противится передачѣ презентаційнаго права въ руки прихожанъ, что оно серьезно боится коренной перемѣны во взаимныхъ отношеніяхъ между священниками и прихожанами, установившихся (отношеніяхъ) въ Галиціи. Къ рѣчи объ этихъ взаимныхъ отношеніяхъ между галицко-русскимъ духовенствомъ и прихожанами мы и переходимъ.

б) Отношенія галицко-русскаго духовенства къ прихожанамъ и матеріальное обезпеченіе галицко-русскаго духовенства.

Галицко-русское духовенство составляетъ передовое, интеллигентное сословіе въ русскомъ населеніи Галиціи. Безспорно образованное, независимое отъ прихода ни въ дѣлѣ опредѣленія на приходъ, ни даже въ дѣлѣ обезпеченія, такъ какъ оно получаетъ казенное жалованье, духовенство занимаетъ руководящее, господствующее положеніе въ средѣ русскаго населенія въ Галиціи. Такое положеніе русскаго духовенства въ Галиціи весьма замѣтно отражается и на характерѣ чисто пастырскихъ отношеній его къ прихожанамъ. Отношенія русскаго священника въ Галиціи къ своимъ прихожанамъ напоминаютъ до извѣстной степени отношенія пана-помѣщика къ своимъ крестьянамъ. Панскій духъ галицко-русскаго духовен-

ства, проникающій пастырское служеніе его, несомнѣнно поддерживается и питается въ немъ примѣромъ отношеній римско-католическихъ ксендзовъ къ своимъ прихожанамъ и вообще господствующимъ въ Галиціи, напоминающей въ миніатюрѣ древнюю Польшу, духомъ аристократизма, пренебрежительнаго отношенія правящаго меньшинства къ подчиненному большинству. Панскій духъ галицко-русскаго духовенства выражается преимущественно въ легкомысленномъ отношеніи его къ исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей, въ открытой роскошной жизни, отчужденіи отъ народа, стремленіи къ сближенію съ мелкою шляхтою и т. п. Митрополитъ Шептицкій, хотя самъ полякъ по происхожденію и аристократъ по родственнымъ связямъ, сильно и рѣшительно порицаетъ этотъ панскій духъ галицко-русскаго духовенства въ своихъ посланіяхъ къ семинаріи и всей вообще паствѣ своей. „Воспитанникъ семинаріи“, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ посланій, „который не даетъ себѣ яснаго отчета относительно своего будущаго назначенія, у котораго остался бы хотя одинъ атомъ того убѣжденія, что его обязаны содержать, который бы, вообще, привыкъ ѣсть хлѣбъ даромъ, могъ бы современемъ, будучи священникомъ, также точно разсуждать, что ввѣренный ему народъ существуетъ для него, чтобы его кормить и на него работать. Такой священникъ умѣлъ бы доить и стричь овецъ, но не умѣлъ бы ихъ пасти. Онъ былъ бы непремѣнно священникомъ жаднымъ на деньги, а такой не можетъ не быть наемникомъ, будетъ не священникомъ, а только ремесленникомъ. Всечестные отцы“, обращается затѣмъ митрополитъ къ ректору, префектамъ и профессорамъ семинаріи, „знаютъ лучше, нежели я, какой видъ представляетъ село и какъ бѣдный народъ страдаетъ, имѣя подобнаго пастыря. Онъ не даетъ людямъ подступиться къ нему! Онъ обходится съ людьми, какъ съ скотомъ, ибо въ глубинѣ души своей онъ, дѣйствительно, считаетъ ихъ настоящимъ скотомъ. Въ основныхъ понятіяхъ, на которыхъ зиждется пастырство, онъ до такой степени далекъ отъ идеала христіанскаго священника,

что и народъ не можетъ смотрѣть на него, какъ на своего отца, и онъ самъ не въ состояніи по-христіански исполнить ни одного пастырскаго дѣйствія".

Въ другомъ посланіи, направляя свою рѣчь, очевидно, противъ того же самаго ненормальнаго отношенія священниковъ къ народу, митрополитъ, обращаясь къ духовенству, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „*Мы, всечестные отцы, должны во всемъ сблизиться съ народомъ, должны любовію, снисходительностію и самоотверженіемъ уничтожить ту пропасть, которая, по причинѣ различія въ соціальномъ положеніи, могла бы отдѣлять священника отъ вѣрныхъ.* Сближаясь съ народомъ, мы должны, какъ граждане, а тѣмъ болѣе, какъ пастыри, поддерживать всякое культурно-экономическое стремленіе, къ которому наши люди рвутся".

Во время такъ называемыхъ „каноничныхъ визитацій", т. е. ревизіи приходскихъ церквей, митрополитъ Шептицкій старается поближе познакомиться съ жизнію, бытомъ, матеріальнымъ состояніемъ и пастырскою дѣятельностію галицкорусскаго духовенства. Особенное вниманіе онъ обращаетъ при этомъ на отношенія священниковъ къ своей паствѣ, съ большимъ тактомъ осуждая и порицая всякое стремленіе духовенства къ роскоши, къ жизни выше своихъ средствъ, хотя бы это стремленіе вызывалось даже такимъ исключительнымъ событіемъ, какъ, напр., посѣщеніе села и дома священника митрополитомъ. Замѣчательна въ этомъ отношеніи рѣчь, съ которою обратился митрополитъ Шептицкій къ священникамъ, при посѣщеніи имъ Бережанскаго деканата въ мартѣ—апрѣлѣ 1901 года. „*Старайтесь жить*", говорилъ онъ, „*скромно, ибо намъ нужны гроши.* Мы должны уменьшить свои издержки ad minimum и всякій сбереженный грошъ нашъ могъ бы пойти на различныя благотворительныя учрежденія. Мнѣ то непріятно бываетъ, если священникъ принимаетъ меня въ своемъ домѣ съ большими издержками. Я того не желаю; напротивъ, я предпочитаю 2—3-х-часовое время обѣда употребить на то, чтобы поговорить въ семейномъ кругу свя-

щенника и подробно узнать его обыденную жизнь. Тотъ возъ, на которомъ сами ѣздите, вышлите и за мною; тѣ блюда, которыя кушаете сами, подавайте и мнѣ, и я тѣмъ буду несказанно доволенъ... А если вы, исполнивъ это мое желаніе, вызовете упрекъ съ какой-либо стороны, то скажите въ свое оправданіе, что митрополитъ—чудакъ, и вы вынуждены примѣняться къ его чудачествамъ".

Еще болѣе непріятную черту, нежели панскій духъ и стремленіе къ роскоши, составляетъ въ галицко-русскомъ духовенствѣ, разумѣется, въ нѣкоторой части его, заискиванье предъ польскою мелкою шляхтою, а равно и предъ римско-католическими ксендзами, и основанное на этомъ заимствованіе у польской шляхты нѣкоторыхъ привычекъ, перенесеніе ихъ въ свою домашнюю жизнь. Это послѣднее стремленіе особенно замѣтно у молодыхъ священниковъ, воспитанниковъ „новой эры", какъ ихъ называютъ въ Галиціи, ставленниковъ митрополита Сильвестра Сембратовича. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время, время чрезвычайнаго оживленія національнаго самосознанія среди русскихъ галичанъ, какъ память покойнаго кардинала, такъ и эти его ставленники, полякующіе священники, пользуются глубочайшимъ презрѣніемъ въ Галиціи и какого-нибудь особеннаго вліянія на общую жизнь галицко-русской церкви не могутъ имѣть.

Что касается матеріальнаго положенія галицко-русскаго духовенства, то, хотя оно и не можетъ быть названо бѣдственнымъ, какъ, повидимому, стараются представить его сами галицко-русскіе священники, но въ то же время не можетъ быть признано оно и вполнѣ достаточнымъ. Источниками содержанія галицко-русскаго духовенства служатъ: а) жалованье, получаемое отъ правительства изъ такъ называемаго „религійнаго фонда", т. е. фонда, какой образовался вслѣдствіе продажи конфискованныхъ правительствомъ Австріи церковныхъ имѣній еще въ концѣ XVIII в., б) земельные надѣлы, которые существуютъ почти при каждой галицко-русской греко-католической церкви, и в) плата за требоисправленія.

Основнымъ источникомъ содержанія русскаго духовенства въ Галиціи считается собственно земельный надѣлъ. Въ зависимости отъ дохода, какой приноситъ церковное поле, опредѣляется и количество жалованья изъ „религійнаго“ фонда, которое составляетъ, такимъ образомъ, дополненіе, „додатокъ“ къ доходамъ отъ земли. Бываютъ такіе приходы, гдѣ земля приноситъ настолько значительный доходъ, что священникъ долженъ бываетъ даже уплачивать въ кассу религійнаго фонда разность между земельнымъ доходомъ и нормальнымъ содержаніемъ священника По сознанію самихъ галицко-русскихъ священниковъ, земельный доходъ является самымъ надежнымъ и лучшимъ источникомъ матеріальнаго обезпеченія ихъ. Земля въ Галиціи весьма плодородна, цѣны на нее весьма высоки, между тѣмъ какъ земледѣльческія орудія сравнительно очень недороги, а потому обработка земли какъ своими средствами, такъ и путемъ отдачи въ аренду доставляетъ болѣе или менѣе значительный доходъ. Приходы, имѣющіе бо́льшіе земельные надѣлы, считаются въ Галиціи лучшими приходами. Кромѣ пахатной земли, церкви владѣютъ также сѣнокосами, лѣсными дачами, доставляющими священникамъ дрова, огородами и мельницами. Количество церковной земли различно и колеблется между 10—300 моргами; среднее количество земельнаго надѣла можетъ быть опредѣлено приблизительно около 100 морговъ. Кромѣ того, почти при каждой приходской церкви имѣются общественные дома, или же наемныя квартиры для священниковъ.

Правительственное жалованье изъ такъ называемаго „религійнаго“ фонда, какъ сказано, находится въ прямой зависимости отъ количества и доходности земельнаго церковнаго надѣла. Въ приходахъ, совсѣмъ неимѣющихъ, или имѣющихъ малый земельный надѣлъ, правительственное жалованье для священника равняется приблизительно 1200—1400 коронамъ (корона австрійская равняется приблизительно нашимъ 40 коп.). Среди галицко-русскаго духовенства раздаются совершенно справедливыя жалобы на недостаточность такого казеннаго

жалованья. Галицко-русское духовенство, какъ на основаніе своего домогательства увеличенія казеннаго жалованья, указываетъ, прежде всего, на то, что „религійный“ фондъ, незаконно присвоенный правительствомъ, даетъ возможность значительно увеличить казенную прибавку духовенству къ тому доходу, какой получается имъ отъ пользованія земельными надѣлами. Кромѣ того, „религійный“ фондъ незаконно эксплоатируется правительствомъ совершенно для другихъ цѣлей, неимѣющихъ ничего общаго съ греко-католическою галицко-русскою церковью.

Ссылается, далѣе, галицко-русское духовенство на крайнее несоотвѣтствіе получаемаго имъ казеннаго жалованья съ жалованьемъ, какое получаютъ въ Австріи свѣтскіе чиновники. Въ то время, какъ чиновники самой низшей категоріи, напр., 11-го ранга, отъ которыхъ не требуется даже средняго образованія, получаютъ въ Австріи до 1600 кор., а учители среднихъ школъ—до 2800 кор., при чемъ какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ еще прибавки за каждое пятилѣтіе по 400 и 600 кор., священники, отъ которыхъ требуется университетское образованіе, должны довольствоваться 1200—1400 кор., безъ всякихъ прибавокъ въ теченіе послѣдующей службы.

Наконецъ, въ своемъ домогательствѣ увеличенія правительственнаго содержанія себѣ галицко-русское духовенство совершенно резонно ссылается на то, что оно исполняетъ безплатно многія такія функціи, которыя не входятъ въ сферу его прямыхъ обязанностей, но которыя безусловно необходимы и важны для государства, края, повѣтовъ, сельскихъ громадъ, суда и т. п. Въ особенности духовенство указываетъ на свою умѣлую и образцовую дѣятельность по веденію метрикъ. Метрики ведутся духовенствомъ безплатно, а между тѣмъ если бы правительство содержало особыхъ чиновниковъ даже самаго низшаго ранга для веденія метрикъ, то оно вынуждено было бы тратить на нихъ несравненно больше, чѣмъ сколько оно теперь уплачиваетъ изъ „религійнаго“ фонда всему вообще греко-католическому галицко-русскому духовенству.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, галицко-русское духовенство въ самое послѣднее время возбудило чрезъ своего митрополита ходатайство предъ австрійскимъ правительствомъ, чтобы это послѣднее на счетъ суммъ „религійнаго“ фонда установило для священниковъ, по крайней мѣрѣ, пятилѣтнія прибавки (квинквенціи) въ 400 кор.

Однимъ изъ источниковъ доходности галицко-русскаго священника служитъ плата за требоисправленія. Эта плата за требоисправленія составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма больное мѣсто въ пастырской практикѣ и матеріальномъ обезпеченіи галицко-русскаго духовенства. Юридически этотъ вопросъ поставленъ въ Галиціи такимъ образомъ. Еще 1 іюля 1785 г. изданъ былъ императоромъ Іосифомъ законъ, устанавливавшій размѣръ платы за требы, совершаемыя галицко-русскимъ духовенствомъ. Даже для того времени весьма низкія цѣны, назначенныя этимъ закономъ, съ теченіемъ времени сдѣлались положительно несообразными съ условіями жизни. Закономъ 7 мая 1874 г. австрійское правительство обѣщало издать новое распоряженіе касательно платы галицко-русскому духовенству за требоисправленія; но и доселѣ не исполнило своего обѣщанія. Такимъ образомъ, галицко-русское духовенство de jure и теперь должно было бы придерживаться Іосифовскаго патента 1785 г. Но на практикѣ, разумѣется, допускаются постоянныя отступленія отъ установленной закономъ нормы, что и служитъ причиною всегдашнихъ недоразумѣній между духовенствомъ и прихожанами. Въ свою очередь, и старосты, въ случаѣ разногласія съ священникомъ, указываютъ ему на пресловутый „патентъ“. Поэтому галицко-русское духовенство, вынужденное, въ силу необходимости, прибѣгать въ своей пастырской практикѣ къ платѣ за требоисправленія, въ послѣднее время усиленно домогается пересмотра закона о таксѣ за требы. Какъ и въ назначеніи жалованья, такъ и здѣсь галицко-русское духовенство ищетъ для себя уравненія со всѣми другими правительственными чиновками. Въ Австріи существуетъ особенный законный тарифъ

на вознагражденіе правительственнымъ чиновникамъ за дѣйствія ихъ, совершаемыя внѣ мѣста ихъ службы, напр., суда, а также для лицъ свободныхъ профессій, напр., врачей, адвокатовъ, нотаріусовъ и др. Духовенство галицко-русское желаетъ, чтобы правительство, по соглашенію съ епархіальною властію, установило подобный же тарифъ и для него на вознагражденіе за совершаемыя имъ требы своимъ прихожанамъ.

Но такъ думаетъ далеко не все галицко-русское духовенство, а преимущественно молодое поколѣніе его. Старое же галицко-русское духовенство, входящее въ критическое экономическое положеніе, какое переживаетъ теперь русское крестьянство въ Галиціи, стоитъ за полную отмѣну всякой платы за требоисправленія и за увеличеніе правительственнаго жалованья духовенству изъ суммъ „религійнаго“ фонда. Замѣчательно, что статья нашего „Церковнаго Вѣстника“ за 1901 г. по вопросу о назначеніи нашему православному духовенству жалованья, съ отмѣною унизительныхъ сборовъ съ прихожанъ за требоисправленія, встрѣтила рѣдкое сочувствіе въ средѣ галицко-русскаго духовенства, была перепечатана и обсуждалась на страницахъ многихъ галицко-русскихъ газетъ.

Изъ сказаннаго нами по вопросу о матеріальномъ обезпеченіи галицко-русскаго духовенства видно, что главными, наиболѣе прочными и устойчивыми источниками сего обезпеченія служитъ все таки доходъ отъ церковной земли и плата за требоисправленія. А такъ какъ въ послѣдніе годы Галиція переживала весьма тяжелый экономическій, въ частности, земледѣльческій кризисъ, то духовенство галицко-русское, живущее главнымъ образомъ доходами отъ земли и прихожанъ-землевладѣльцевъ, сильно обѣднѣло. Теперь галицко-русское духовенство живетъ гораздо бѣднѣе, нежели 20—30 лѣтъ тому назадъ.

Не можемъ не отмѣтить здѣсь одного курьезнаго, по нашему мнѣнію, факта. Въ числѣ многихъ другихъ причинъ своего обѣдненія галицко-русское духовенство указываетъ, между прочимъ, и слѣдующую. Воспитанники духовной семи-

наріи во Львовѣ, въ годы своего обученія въ этой послѣдней вынуждены бываютъ дѣлать довольно значительные долги на покрытіе такихъ расходовъ, которые не предусмотрѣны уставомъ семинарскимъ. Эти долги бываютъ настолько значительны, что на покрытіе ихъ иногда недостаетъ, будто бы, приданаго, которое кандидаты священства въ Галиціи получаютъ за своими невѣстами и котораго они, поэтому, усиленно ищутъ, такъ что галицко-русскіе священники иногда въ теченіе многихъ лѣтъ службы вынуждены бываютъ расплачиваться за сдѣланные ими въ семинаріи долги. Долги же эти, безъ сомнѣнія, весьма значительны, если галицко-русское духовенство ссылается на нихъ, какъ на одну изъ причинъ своего обѣдпѣнія и говоритъ о нихъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ищетъ у правительства увеличенія своего казеннаго жалованья. Теперь понятно, почему и митрополитъ Шептицкій такъ сильно нападаетъ въ своемъ посланіи на долги, которые дѣлаютъ богословы во время своего обученія въ семинаріи. Само духовенство галицко-русское настолько озабочено этимъ печальнымъ явленіемъ въ своей жизни, что придумываетъ разные способы къ тому, чтобы совершенно уничтожить его въ самомъ корнѣ. Нѣкоторые совѣтуютъ для этого учредить въ семинаріи кассу, изъ которой воспитанники могли бы брать деньги для покрытія своихъ экстра-ординарныхъ расходовъ, съ уплатою даже % по 5—6 вмѣсто 100—200%, какіе они теперь платятъ своимъ частнымъ кредиторамъ. Основной расходный капиталъ для этой кассы совѣтуютъ иниціаторы учрежденія ея позаимствовать изъ фонда вдовъ и сиротъ духовенства, который существуетъ во всѣхъ трехъ епархіяхъ галицко-русской греко-католической церкви.

Галицко-русское духовенство имѣетъ нѣкоторыя спеціальныя общества, или учрежденія, назначенныя для облегченія тяжелаго матеріальнаго положенія его и возникшія благодаря заботамъ самаго же духовенства преимущественно въ самое послѣднее время.

Такъ, въ августѣ 1901 года учреждено въ Галиціи, во Львовѣ, „Краевое кредитное общество чиновниковъ и священниковъ". Въ этомъ обществѣ священники участвуютъ наравнѣ со всѣми вообще русскими чиновниками. Цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность своимъ членамъ хранить свои сбереженія въ вѣрномъ мѣстѣ, выдавать ссуды за небольшіе проценты и вообще оказывать матеріальную помощь въ хозяйственныхъ нуждахъ и затрудненіяхъ своихъ членовъ.

Вопросъ о пенсіи галицко-русскому духовенству находится пока въ неопредѣленномъ положеніи. На основаніи закона 3 іюля 1898 года, разрѣшается просить, въ видѣ милости, у правительства пенсіи для вдовъ священническихъ до 400 кор., а для сиротъ, не достигшихъ 24 лѣтъ, добавленія въ размѣрѣ до 200 кор. на воспитаніе ихъ, для неспособныхъ же къ труду сиротъ дозволялось ходатайствовать о пенсіи наравнѣ съ сиротами всѣхъ вообще государственныхъ чиновниковъ. Но этотъ законъ осуществлялся до послѣдняго времени съ большими затрудненіями и придирками со стороны разныхъ представителей мѣстной польской администраціи. Вслѣдствіе разныхъ проволочекъ со стороны намѣстничества и старостъ, часто бывало такъ, что вдовы и сироты галицко-русскаго духовенства получали пенсію только черезъ два, даже черезъ 4 года послѣ смерти мужа или отца. Въ 1901 году галицко-русскіе послы державной думы входили съ соотвѣтствующимъ представленіемъ по этому поводу къ министру исповѣданій и просвѣщенія, который исходатайствовалъ у императора на этотъ счетъ особое распоряженіе. Согласно сему распоряженію, если вдовы, или сироты галицко-русскаго духовенства подадутъ прошеніе о пенсіи въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ смерти мужа, или отца своего, то пенсія имъ будетъ назначена со дня смерти мужа или отца, а если послѣ трехъ мѣсяцевъ, то—со дня подачи прошенія.

Въ виду незначительности пенсіи, полагающейся вдовамъ и сиротамъ галицко-русскаго духовенства, это послѣднее само

принимаетъ нѣкоторыя мѣры къ облегченію тяжкой доли своихъ сиротъ и вдовъ. Для этой цѣли въ каждой изъ трехъ епархій галицко-русской церкви существуетъ особый „фондъ вдовъ и сиротъ“, которымъ управляетъ особая коммиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ во Львовской епархіи—митрополита, въ другихъ епархіяхъ—одного изъ крылошанъ. Фондъ вдовъ и сиротъ Перемышльской епархіи въ 1900 г. равнялся 245.827 кор. 57 гел.; въ 1901 г.=355.920 кор. и въ 1902 г.=367.479 кор. 87 гел; въ Станиславовской епархіи такой же фондъ въ 1900 г. равнялся 365.219 кор. 76 гел.; въ 1902 г. немного болѣе 251.000 кор. Наличность фонда вдовъ и сиротъ духовенства Львовской архіепархіи неизвѣстна въ точности. Извѣстно только, что сборы съ духовенства въ этотъ фондъ поступаютъ весьма неисправно, напр., въ 1899 г. поступило 15.598 кор., въ 1900 г. 16.928 кор., въ 1901 г. 16.252 кор., а въ 1902 г. только 12.026 кор. Поэтому, Львовская консисторія нашлась вынужденною обратиться къ о.о. деканамъ съ воззваніемъ о болѣе исправномъ представленіи сборовъ съ духовенства въ кассу фонда; а нѣсколько раньше о томъ же самомъ просилъ духовенство и митрополитъ Шептицкій.

Какихъ-либо благотворительныхъ учрежденій, въ родѣ богадѣленъ, пріютовъ и т. п. для бѣдныхъ и нуждающихся галицко-русское духовенство, кажется, не имѣетъ. Можно упомянуть, впрочемъ, о такъ называемыхъ „пресвитерскихъ домахъ“, которые существуютъ во всѣхъ трехъ епархіяхъ галицко-русской митрополіи и въ которыхъ имѣютъ пребываніе кандидаты священства, ищущіе, или уже получившіе мѣста, но ожидающіе т. н. канонической институціи, т. е. рукоположенія въ священный санъ.

Совершеніе хиротоніи священнической въ галицко-русской греко-католической Церкви представляетъ одну существенно-важную особенность, обычную, впрочемъ, въ уніатской Церкви. Архіерей рукополагаетъ во пресвитера одновременно и на одной и той же литургіи нѣсколько человѣкъ, до 15—20.

Въ декабрѣ 1901 г. намъ пришлось присутствовать при рукоположеніи митрополитомъ Шептицкимъ въ Св.-Юрской (св.-Георгіевской) каѳедральной церкви во Львовѣ нѣсколькихъ ставленниковъ Львовской и Станиславовской епархій. Благодаря множеству ставленниковъ и неизбѣжной при этомъ сумятицѣ, чинъ хиротоніи произвелъ на насъ крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Невольно при этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мысль наша перенеслась на родину, припомнился нашъ величественный, торжественный и глубоко трогательный чинъ пресвитерской хиротоніи, и сердце болѣзненно сжалось при видѣ того, какъ человѣческое легкомысліе, страсти и политика испортили нынѣшнее уніатское богослуженіе.

в) Уніатское богослуженіе и церковное пѣніе.

Переходимъ къ рѣчи объ этомъ богослуженіи. Во время болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ Галиціи намъ приходилось присутствовать при совершеніи уніатскаго богослуженія въ разныхъ храмахъ. Мы были въ уніатскихъ храмахъ при совершеніи богослуженія въ различное время: и въ простые дни, и въ воскресные дни и, наконецъ, въ большіе праздники. Присутствуя при богослуженіи, мы старались забыть, что находимся въ уніатскихъ храмахъ, заглушить въ себѣ всякую попытку критическаго, а тѣмъ болѣе пристрастнаго отношенія къ уніатскому богослуженію, которое мы къ тому же видѣли въ первый разъ въ жизни. Но всегда и вездѣ получалось одинаково неблагопріятное впечатлѣніе. Да, нисколько не впадая въ преувеличеніе, а тѣмъ болѣе въ сознательное осужденіе не-своего, мы должны сказать, что уніатское богослуженіе—неторжественное, невеличественное, немогущее возбуждать молитвеннаго благоговѣйнаго настроенія. Отчасти, быть можетъ, это происходитъ и отъ того, что въ галицко-русской уніатской церкви почти совершенно отсутствуютъ діаконы. Священникъ самъ одинъ совершаетъ всю службу, напр., ли-

тургію, утреню, вечерню и др. Произносимыя имъ въ алтарѣ эктеніи, призывающія вѣрныхъ къ общей, мирной, усердной молитвѣ, бываютъ едва слышны въ храмѣ.

Тому же самому, т. е неблагопріятному впечатлѣнію уніатскаго богослуженія, несомнѣнно, содѣйствуетъ также и общая манера греко-католическихъ священниковъ произносить молитвы и возгласы спѣшно, невнятно, то очень крикливо, то совершенно тихо, какъ бы для самого себя. Тоже самое должно сказать и о чтеніи Евангелія въ уніатскихъ храмахъ: весьма неблагоговѣйное, нецерковное чтеніе.

Но что въ особенности портитъ впечатлѣніе, какое производитъ богослуженіе на молящагося въ уніатскомъ храмѣ.— это, безъ сомнѣнія, пѣніе. Пѣніе, употребляющееся въ галицкорусскихъ уніатскихъ храмахъ, крайне неблагообразное: крикливое, неровное, безпокойное, способное скорѣе разстроить душу молящагося, нежели успокоить и умиротворить ее. Мы присутствовали при богослуженіи въ самыхъ главныхъ церквахъ Львова: Св.-Юрской и Успенской, гдѣ поютъ лучшіе хоры; очень часто бывали мы въ семинарской церкви; во всѣхъ этихъ церквахъ поютъ самые лучшіе хоры, особенно въ семинарской. И вездѣ мы получали одно и то же впечатлѣніе, именно то, что уніатское пѣніе—неблагообразное, необработанное, рѣзкое и грубое, неспособное, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь находится, трогать, умилять, восторгать душу молящагося русскаго христіанина.

Болѣе благопріятное впечатлѣніе производило на насъ общее хоровое пѣніе, въ которомъ участвовали всѣ присутствовавшіе при богослуженіи. Крикливость и рѣзкость здѣсь значительно умѣрялась и сглаживалась общимъ воодушевленіемъ и могучестью звуковъ. Чувствовалось, что здѣсь хотя пѣли и неправильно, нестройно, но могучіе звуки выливались, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ, прямо изъ глубины души, шли изъ самаго сердца. Какое, дѣйствительно, важное значеніе имѣетъ общенародное хоровое пѣніе! Какъ оно возбуждаетъ духъ молящихся, трогаетъ, умиляетъ и возвышаетъ

христіанскую душу! Видно, что галицко-русское духовенство не обращаетъ никакого вниманія на обработку, улучшеніе и вообще организацію общенароднаго пѣнія при богослуженіи. А между тѣмъ какъ это важно! Если даже въ своемъ первобытномъ, неотдѣланномъ видѣ общенародное пѣніе производитъ такое сильное и доброе впечатлѣніе, то что же получилось бы въ томъ случаѣ, если бы его организовать какъ слѣдуетъ! Намъ кажется, что общенародное пѣніе должно составлять необходимую принадлежность каждаго приходскаго храма. Въ общенародномъ пѣніи конкретно выражается, осязательно чувствуется соборность Христовой Церкви, какъ Тѣла Христова, когда каждый молящійся дѣятельно, активно участвуетъ въ общей, соборной молитвѣ къ Богу, Творцу и Промыслителю вселенной, Спасителю всего міра человѣческаго. Ничѣмъ такъ реально не выражается эта идея, какъ именно общенароднымъ пѣніемъ. А галицко-русскому духовенству это было бы удобнѣе всего сдѣлать, такъ какъ галицко-русскій народъ, видимо, любитъ пѣніе вообще и, въ частности, церковное пѣніе.

Должно замѣтить, что церковное пѣніе, употребляющееся теперь въ галицко-русскихъ храмахъ, совершенно не удовлетворяетъ и самихъ галичанъ. Не можемъ здѣсь не привести слѣдующаго отзыва одного изъ галичанъ, отзыва, который, съ одной стороны, заключаетъ въ себѣ много прекрасныхъ мыслей о значеніи общенароднаго церковнаго пѣнія, а съ другой стороны, вполнѣ подтверждаетъ наши вышеизложенныя наблюденія, тѣмъ самымъ освобождая насъ отъ возможнаго упрека въ пристрастномъ отношеніи къ уніатскому церковному пѣнію.

„Съ давнихъ временъ“, говорится здѣсь, „пѣніе причислялось къ существеннымъ частямъ богослуженія. Въ Ветхомъ Завѣтѣ царь Давидъ подъ аккомпаниментъ гуслей величалъ Господа самыми нѣжными напѣвами, и пѣніе было однимъ изъ способовъ его богопочитанія въ теченіе всей его жизни, какъ онъ самъ говоритъ о томъ въ своемъ чудномъ 103-мъ

псалмѣ: „*воспою Господеви въ животѣ моемъ, пою Богу моему, дондеже есмь* (ст. 34). Въ Новомъ Завѣтѣ Самъ Христосъ благоволилъ употреблять пѣніе, какъ выраженіе молитвеннаго настроенія, ибо читаемъ въ Евангеліи отъ Матѳея гл. 26 ст. 30, что Онъ, по тайной вечери, со Своими учениками, „*воспѣвше, изыдоша на гору Елеонскую*“. Также у первыхъ христіанъ пѣніе занимало большую часть времени при священнодѣйствіяхъ. Богослуженіе и нашъ великолѣпный (?) обрядъ прямо немыслимы безъ пѣнія. Русскій народъ отъ самой природы „спѣволюбивъ“, и пѣніе является неразлучнымъ спутникомъ его во всѣ минуты жизни его, особенно же при богослуженіи. Соотвѣтственно нашему плѣнительному (?) обряду съ теченіемъ времени образовались простые, но воодушевляющіе, благоговѣйные церковные напѣвы, которые умилительно дѣйствуютъ на душу и сердце вѣрующихъ. Эти напѣвы, особенно „*кіевскіе*“, освящены вѣками и, хотя начало ихъ относится къ минувшимъ столѣтіямъ, но и теперь они не потеряли своей прелести и свѣжести. Но tempora mutantur et nos mutamur in illis. Прогрессъ человѣчества наложилъ свою печать и на церковное пѣніе, которое постепенно было преобразовано. Мѣсто природнаго, естественнаго, свободнаго и непринужденнаго пѣнія заняло пѣніе искусственное, хоральное. На церковно-пѣвческомъ полѣ являются выдающіеся композиторы съ недосягаемымъ и неподражаемымъ Димитріемъ Бортнянскимъ во главѣ, которые составленіемъ оригинальныхъ церковныхъ концертовъ оказали церковному пѣнію громадныя услуги. Древній народный русскій институтъ „Ставропигійская бурса“, а въ послѣднее время и бурса „Народнаго Дома“ ввели у себя хоральное пѣніе, которому правильно обучаются воспитанники. Въ львовскихъ церквахъ св. Георгія, Успенской, въ духовной семинаріи, въ каѳедральномъ храмѣ св. Іоанна Предтечи въ Перемышлѣ теперь неслышно по воскреснымъ днямъ и праздникамъ древнихъ прекрасныхъ напѣвовъ, мѣсто которыхъ заняли искусственныя произведенія, исполняемыя съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣ-

хомъ. По примѣру городовъ пошли теперь городки и селенія. Не нужно, однако, быть особеннымъ знатотомъ музыки, чтобы о новомодныхъ произведеніяхъ во время литургіи, особенно по селамъ, высказаться совершенно отрицательно. Какъ бывшій воспитанникъ Ставропигійской бурсы, участвовавшій въ бурсацкомъ хорѣ 8 лѣтъ, я могу смѣло утверждать, что села ко введенію нотнаго пѣнія еще неподготовлены надлежащимъ образомъ. Хоральныя произведенія, хотя бы то самыя знаменитыя, требуютъ безупречнаго исполненія. Но возможно ли это на селѣ, гдѣ управитель хора, дьякъ, имѣетъ едва элементарныя понятія о нотной системѣ и гдѣ участники хора берутъ все только „на ухо“? Теперь у насъ водится обыкновенно такъ, что какъ только гдѣ нибудь получитъ мѣсто дьякъ, кончившій съ достаточнымъ успѣхомъ дьяковскій курсъ въ Перемышлѣ, сейчасъ вводитъ нотное пѣніе, хотя бы даже онъ понималъ столько же въ дѣлѣ управленія хоромъ, сколько слѣпой въ краскахъ и живописи. *Неудивительно, поэтому, если такое хоральное пѣніе можетъ только выводить изъ терпѣнія. Мнѣ случилось разъ присутствовать въ одномъ селѣ на храмовомъ праздникѣ Когда на литургіи хоръ началъ пѣть: „Отче нашъ“ по нотамъ, то пѣлъ такъ мастерски, что вся церковь хохотала, а священнодѣйствующій долженъ былъ громогласнымъ возгласомъ прекратить ошеломляющій вой Извѣстно также, что церковныя произведенія новѣйшихъ композиторовъ содержатъ въ себѣ много несходнаго съ духомъ нашего обряда, ибо авторы ихъ, вѣроятно, руководились тѣмъ соображеніемъ, что ихъ композиціи будутъ исполняться исключительно по городскимъ церквамъ, куда въ воскресные дни и праздники спѣшатъ нѣкоторые изъ интеллигенціи больше ради развлеченія пѣніемъ, нежели привлекаемые истинною набожностію. Нашъ русскій крестьянскій народъ, который съ радостію и охотно спѣшитъ въ церковь, чтобы тамъ проліяти моленіе свое и печаль свою предъ Богомъ возвѣстити, негодуетъ за то, что онъ во время литургіи не можетъ принимать живого участія въ богослуже-*

ніи и пѣть вмѣстѣ съ дьякомъ: „Господи помилуй“, ибо пѣніе по нотамъ устраняетъ всякое постороннее участіе въ пѣніи. Для того, чтобы хоральное пѣніе понравилось слушателямъ, отъ нихъ требуется извѣстное развитіе вкуса, котораго напрасно будемъ искать у простолюдина. Когда я однажды спросилъ почтеннаго крестьянина, понравилось ли ему нотное пѣніе, слышанное имъ на „отпустѣ“ (т. е. престольномъ праздникѣ), то онъ отвѣтилъ чистосердечно, *что новое пѣніе похоже на „коломыйки“, для которыхъ мѣсто въ театрѣ, а не въ церкви. Того же мнѣнія, безъ сомнѣнія, и всѣ крестьяне, въ селеніяхъ которыхъ „хоръ“ обезображиваетъ прекрасное церковное пѣніе до смѣшного и неузнаваемаго и потому они такъ неохотно, только подъ сильнымъ давленіемъ священника, вводятъ у себя нотное пѣніе.* Гдѣ существуетъ организованный хоръ, тамъ онъ долженъ только въ большіе праздники исполнять и притомъ только такія композиціи, которыя, дѣйствительно, умиляютъ и возвышаютъ душу молящагося къ горнему, а не содѣйствуютъ смѣху и разсѣянности. *Въ воскресные же дни должны употребляться обыкновенные напѣвы, въ которыхъ можетъ участвовать весь народъ, ибо въ случаѣ, если бы нотное пѣніе было введено всюду, то слова священника, произносимыя на литургіи: „и даждь намъ едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпное имя Твое“ потеряютъ всякое значеніе и всякій смыслъ“..*

Едва ли нужно прибавлять что-либо къ этимъ прекраснымъ и совершенно вѣрнымъ разсужденіямъ о важности общенароднаго пѣнія въ храмахъ при богослуженіи и о неумѣстности здѣсь, особенно въ сельскихъ храмахъ, новаго искусственнаго пѣнія по нотамъ.

Въ галицко-русскихъ уніатскихъ храмахъ, по примѣру католической церкви, существуетъ обыкновеніе совершать т. н. тихія обѣдни, а равно и другія службы, даже нѣкоторыя требы; такъ, напр., въ ноябрѣ 1901 г. намъ пришлось въ Св.-Юрской каѳедральной церкви во Львовѣ присутствовать при

совершеніи „тихаго“ бракосочетанія. Совершеніе тихихъ службъ, въ особенности тихихъ обѣденъ въ галицко-русскихъ грекокатолическихъ церквахъ производило на насъ всегда самое неблагопріятное впечатлѣніе. Особенно непріятно поражаетъ при этомъ полнѣйшее разъединеніе между священнослужащимъ и вѣрующими, съ одной стороны, и между самими вѣрующими, съ другой стороны. Такое разъединеніе мыслимо еще въ римско-католическихъ костелахъ, вообще въ римско-католической церкви, гдѣ іерархія стремится отгородить себя отъ мірянъ „китайскою“ стѣною; но оно немыслимо, поражаетъ ужасною неестественностію въ русскихъ уніатскихъ храмахъ.

Всегда, когда мы присутствовали въ галицко-русскихъ уніатскихъ храмахъ при совершеніи тихихъ обѣденъ, намъ невольно вспоминались прекрасныя, идеально мѣтко и вѣрно характеризующія особенность нашего православно-русскаго богослуженія, слѣдующія слова автора „Московскаго Сборника“: „Православная Церковь красна народомъ. Какъ войдешь въ нее, такъ почувствуешь, что въ ней все едино, все народомъ осмыслено и народомъ держится. *Войдите въ католическій храмъ: какъ въ немъ все кажется пусто, холодно, искусственно православному собранію. Священникъ служитъ и читаетъ самъ по себѣ, какъ бы поверхъ народа и отлученный отъ народа. Онъ самъ по себѣ молится по своей книжкѣ; народъ молится по своимъ, приходитъ и уходитъ, совершивъ свои моленія и дождавшись того или другого церковнаго дѣйствія. На алтарѣ совершается священнодѣйствіе; народъ лишь присутствуетъ при немъ, но какъ будто не содѣйствуетъ ему общею молитвою.* Обрядъ не говоритъ нашему чувству, и мы чувствуемъ, что красота, какая можетъ быть въ немъ, не наша красота, а чужая. Всѣ движенія обряда, механически расположенныя, кажутся намъ странными, холодными, невыразительными; очертанія, образы, одежды—неблагообразными, звуки церковнаго речитатива—нестройными и бездушными; пѣніе на чужомъ языкѣ, въ которомъ не распо-

знаешь словъ,—не гимномъ народнаго собранія, не воплемъ, льющимся изъ души, но концертомъ, искусственно устроеннымъ, который покрываетъ собою богослуженіе, но не сливается съ нимъ. Душа наша тоскуетъ здѣсь по своей церкви, какъ тоскуетъ между чужими по родинѣ. То ли дѣло у насъ: вотъ красота неописанная, красота, понятная русскому человѣку, красота, за которую онъ душу готовъ положить, такъ онъ ее любитъ. Русское церковное пѣніе, какъ народная пѣснь, льется широкою, вольной струею изъ народной груди, и чѣмъ оно вольнѣе, тѣмъ полнѣе говоритъ сердцу. Напѣвы у насъ одинаковые съ греками, но русскій народъ иначе поетъ ихъ, потому что положилъ въ нихъ свою русскую душу. Кто хочетъ послушать, какъ эта душа сказывается, тому надобно идти не туда, гдѣ орудуютъ голосами знаменитые хоры и капеллы, гдѣ исполняется музыка новыхъ композиторовъ и справляется обиходъ по новымъ оффиціальнымъ переложеніямъ. Ему надо слушать пѣніе въ благоустроенномъ монастырѣ, или въ одной изъ тѣхъ приходскихъ церквей, гдѣ сложилось добрымъ порядкомъ хоровое пѣніе; тамъ услышитъ онъ, какимъ широкимъ, вольнымъ потокомъ выливается праздничный ирмосъ изъ русской груди, какою торжественною поэмой выпѣвается догматикъ, слагается стихира съ канонархомъ, какимъ одушевленіемъ радости проникнутъ канонъ Пасхи или Рождества Христова... Богослуженіе стройное, истовое— дѣйствительно праздникъ русскому человѣку и внѣ церкви душа хранитъ глубокое ощущеніе, которое отражается въ ней, даже при воспоминаніи о томъ или другомъ моментѣ“...

Рѣшительно нельзя сказать этого о галицко-русскомъ уніатскомъ богослуженіи и особенно о т. н. тихомъ богослуженіи, безъ пѣнія и даже безъ чтенія молитвъ вслухъ. И зачѣмъ и для кого назначено такое богослуженіе? Вопросъ этотъ весьма часто возникалъ самъ собою въ нашей головѣ, когда намъ приходилось присутствовать въ уніатскихъ храмахъ при совершеніи тихого богослуженія. Положимъ, вначалѣ тихія обѣдни были введены въ уніатской церкви, вопреки желанію

народа и даже духовенства (особенно низшаго), по видамъ политическимъ, чтобы унію возможно болѣе сблизить съ католичествомъ. Съ теченіемъ времени русскій народъ привыкъ и сжился съ такимъ богослуженіемъ, какъ можетъ человѣкъ сжиться со всѣмъ. Но какой же смыслъ въ тихомъ богослуженіи? Что испытываютъ сами уніаты, присутствуя при совершеніи этого богослуженія? Какая польза народу отъ присутствія при тихомъ чтеніи молитвъ и пѣснопѣній, которыхъ не слышишь и которыхъ часто не знаешь? Какъ относится къ этому само галицко-русское духовенство?

Всѣ эти вопросы были предложены нами одному галицко-русскому священнику во Львовѣ, человѣку весьма умному, искреннему, несочувствующему происходящему теперь въ Галиціи окатоличенію уніатской церкви, трезво смотрящему и на самую унію. Для характеристики убѣжденій его въ этомъ послѣднемъ отношеніи достаточно будетъ замѣтить, что во время приготовленій къ возможно болѣе торжественному празднованію трехсотлѣтняго юбилея Брестской уніи (въ 1896 г.) онъ открыто заявилъ, что галичанамъ рѣшительно не слѣдуетъ праздновать сего юбилея, такъ какъ унія причинила много великаго зла галицко-русскому народу. И вотъ отъ этого священника, искренне убѣжденнаго патріота, мы ждали отвѣта на вопросы о смыслѣ и значеніи т. н. тихаго богослуженія, принятаго въ галицко-русской уніатской церкви. Онъ старался оправдать употребленіе тихой обѣдни чисто практическими соображеніями, тѣмъ, чтобы дать возможность и священнику совершать въ одинъ день двѣ обѣдни (что́ также практикуется въ галицко-русской уніатской церкви, по примѣру римско-католической церкви) и народу, особенно людямъ, занятымъ службою и не располагающимъ свободнымъ временемъ, дать возможность прослушать краткую обѣдню. „Идетъ“,—говорилъ онъ,—„кухарка съ базара, купивъ провизіи; у нея нѣтъ столько свободнаго времени, чтобы прослушать „спѣваную обѣдню“, тогда она заходитъ въ церковь и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ прослушаетъ всю тихую обѣд-

ню и уходитъ"... Но неискренность и неубѣжденность слышались въ такихъ объясненіяхъ нашего почтеннаго собесѣдника..

И, дѣйствительно, неужели только ради того, чтобы дать возможность людямъ малосвободнымъ, занятымъ службою или своими спѣшными дѣлами, *простоять совершенно безсознательно и механически въ церкви*, ничего не слыша, не зная, что дѣлается,—неужели только для этого потребовалось такое искаженіе торжественной и величественной службы, какъ Божественная литургія? Вѣдь, помолиться Богу въ храмѣ всякій можетъ и въ то время, когда тамъ не совершается богослуженія? Къ тому же мы указали своему собесѣднику факты. прямо противорѣчащіе его домыслу. Намъ приходилось неоднократно присутствовать при совершеніи „тихой обѣдни" въ Св.-Духовской семинарской церкви, которая совершалась спеціально для русскихъ воспитанниковъ гимназій. Неужели и эти молодые люди не располагаютъ свободнымъ временемъ, какими-нибудь $1^1/_2$ часами для того, чтобы прослушать и помолиться въ храмѣ за литургіей? Неужели и здѣсь нужно сокращать время совершенія обѣдни до $^1/_4$ часа? Еще менѣе правдоподобнымъ и хоть сколько-нибудь основательнымъ можетъ быть признано такое объясненіе въ отношеніи къ частнымъ требамъ, напр., крещенію, браку и т. п.

г) Уніатская проповѣдь въ галицко-русскихъ храмахъ.

Лучшимъ украшеніемъ уніатскаго богослуженія, слышаннаго нами въ галицко-русскихъ храмахъ во Львовѣ и Перемышлѣ, служитъ, безъ сомнѣнія, *проповѣдь*. Не знаемъ, какъ въ сельскихъ храмахъ, но въ городскихъ проповѣдь составляетъ въ Галиціи необходимую принадлежность не только литургіи, но даже и другихъ церковныхъ службъ, напр., вечерни, особенно въ воскресные и праздничные дни. Видимо, что галицко-русское духовенство съ большимъ вниманіемъ и усердіемъ относится къ своему долгу проповѣдыванія слова Божія. Видно,

что и въ школѣ, именно въ духовной семинаріи греко-католической, обращается серьезное вниманіе на обученіе кандидатовъ священства хорошему проповѣдничеству. Замѣтно, что и самъ народъ галицко-русскій и любитъ слушать хорошія проповѣди и высоко цѣнитъ усердныхъ проповѣдниковъ.

Какъ и въ римско-католической церкви, въ галицко-русскихъ храмахъ проповѣдь произносится непосредственно послѣ прочтенія евангелія. Проповѣдь произносится съ возвышенной, особо устроенной, каѳедры. Предметомъ проповѣди, по крайней мѣрѣ, сколько намъ приходилось слышать, бываетъ преимущественно евангельское рядовое чтеніе, а на вечернемъ богослуженіи—или событіе праздника, или жизнь святого дня, или просто современная жизнь общества въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Галицко-русское духовенство проповѣдуетъ всегда живою рѣчью. Ни одного раза и нигдѣ намъ не приходилось слушать проповѣдника галицко-русскаго, читающаго свою проповѣдь народу по тетрадкѣ. Проповѣдники держатъ себя на церковной каѳедрѣ свободно и непринужденно, всѣмъ своимъ поведеніемъ и образомъ дѣйствій ясно показывая, что они совершаютъ привычное, хорошо знакомое имъ дѣло. Какихъ-либо особенно экспрессивныхъ дѣйствій, бьющихъ на эффектъ, а тѣмъ болѣе дѣйствій рѣзкихъ, какія иногда дозволяютъ себѣ римско-католическіе ксендзы, нами нигдѣ въ галицко-русскихъ храмахъ во время произнесенія священниками проповѣдей не замѣчено. Всѣ слышанныя нами проповѣди произносились на обыкновенномъ разговорномъ малороссійскомъ языкѣ. Только въ двухъ случаяхъ, въ Св.-Юрской каѳедральной и Успенской при Ставропигійскомъ институтѣ церквяхъ было замѣтно стремленіе проповѣдниковъ говорить на новомъ, т. н. русинскомъ языкѣ, съ употребленіемъ словъ, видимо, искусственно придуманныхъ и потому непонятныхъ для слушателей.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о содержаніи проповѣдей, на основаніи собственныхъ нашихъ наблюденій, и пріемахъ проповѣдническихъ.

Всякая проповѣдь начиналась и оканчивалась произнесеніемъ словъ: „во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь“.

За произнесеніемъ этихъ словъ, слѣдовало обыкновенно чтеніе евангелія, положеннаго на литургіи.

Тема для проповѣди бралась изъ прочитаннаго евангелія и развивалась такимъ образомъ: объясненіе, или истолкованіе событія, или ученія евангельскаго, приложеніе его къ современной жизни и, наконецъ, нравоученіе.

При изображеніи евангельскихъ событій, или же при разъясненіи евангельскаго ученія замѣтно стремленіе представить то и другое слушателямъ какъ можно яснѣе, реальнѣе; отсюда подробныя описанія, изображеніе палестинскихъ мѣстностей, быта, обычаевъ народныхъ во время земной жизни Спасителя и т. п.

Въ рѣчахъ проповѣдниковъ касательно примѣненія евангельскихъ событій и ученія замѣтна особенная любовь къ употребленію образовъ и примѣровъ, выхваченныхъ, такъ сказать, изъ текущей жизни, изъ привычной и хорошо знакомой слушателямъ житейской обстановки. Одинъ проповѣдникъ, напр., слышанный нами, въ примѣръ того, какъ грѣхъ можетъ укореняться въ душѣ человѣка, указывалъ своимъ слушателямъ на „лопухъ“, при чемъ онъ изложилъ исторію сего растенія, его особенности, остановившись больше всего на необыкновенной плодовитости его.

Другой проповѣдникъ, заговоривъ о томъ, какъ грѣхъ бываетъ заразителенъ и какія средства употребляетъ діаволъ для того, чтобы соблазнить христіанина, перешелъ къ рѣчи о порочныхъ женщинахъ, которыхъ, по словамъ проповѣдника, такъ много во Львовѣ и которыхъ онъ изобразилъ съ такою реальностію, что въ иныхъ мѣстахъ его рѣчи слушатели и особенно слушательницы чувствовали себя, видимо, смущенными.

Въ нравоучительной части замѣтно у галицко-русскихъ проповѣдниковъ стремленіе къ обличительному тону. Есть основаніе думать, что страстію обличать своихъ пасомыхъ въ

особенности отличаются молодые сельскіе галицко-русскіе священники. Такъ заставляетъ думать и митрополитъ Шептицкій, который въ своемъ окружномъ посланіи къ духовенству, по поводу вступленія его на митрополичью каѳедру, нашелъ нужнымъ предостеречь духовенство отъ употребленія рѣзкихъ обличеній въ проповѣди.

„*Избыая проповѣдей обличающихъ и не затрагивая въ нихъ никакихъ личностей*“, говоритъ митрополитъ Шептицкій, „будемъ стараться, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ каждые два года разъ проходить въ своихъ проповѣдяхъ катихизисъ отъ первой и до послѣдней страницы“.

Указаніе митрополита на катихизическое ученіе, какъ на главный предметъ желательныхъ для него проповѣдей духовенства даетъ нѣкоторый поводъ предполагать, что галицко-русское духовенство уклоняется отъ этого рода проповѣдей. Наши наблюденія, правда, ограниченныя, до нѣкоторой степени подтверждаютъ вѣроятность даннаго предположенія. У галицко-русскихъ проповѣдниковъ подмѣчается особенность, склонность обсуждать въ своихъ проповѣдяхъ предметы современной жизни, не исключая и политической. О чемъ бы ни заговорилъ проповѣдникъ, онъ старается какъ можно скорѣе покончить съ догматическими и катихизическими сюжетами и перейти къ современной жизни. Самые примѣры, которые галицко-русскіе проповѣдники такъ любятъ употреблять въ своихъ проповѣдяхъ для поясненія своихъ мыслей, они, видимо, стараются брать не изъ библіи и даже не изъ священной и церковной исторіи, но преимущественно изъ окружающей дѣйствительной жизни, или изъ гражданской исторіи. Особенно памятна намъ въ этомъ отношеніи одна проповѣдь. слышанная нами въ церкви св. Николая на Жолкевской улицѣ во Львовѣ Проповѣднику, который обращался со своимъ словомъ къ слушателямъ, состоявшимъ почти исключительно изъ простолюдиновъ, нужно было пояснить ту мысль, что въ царствѣ небесномъ—много обителей, которыя раздаетъ Спаситель вѣрующимъ въ Него, сообразно съ ихъ заслугами. Лучшаго

примѣра для этого проповѣдникъ не нашелъ, кромѣ факта раздачи Александромъ Македонскимъ своего царства своимъ военачальникамъ-діадохамъ. Казалось намъ, что слушатели совершенно не поняли проповѣдника.

Несмотря на такіе недочеты въ проповѣдничествѣ галицко-русскаго духовенства, проповѣди и слышанныя и читанныя нами въ галицко-русскихъ періодическихъ духовныхъ изданіяхъ производили на насъ всегда общее самое благопріятное впечатлѣніе. Что особенно хорошо у галицко-русскихъ проповѣдниковъ, такъ это, безъ сомнѣнія, хорошій навыкъ произносить проповѣдь живою, свободною, разговорной рѣчью. Быть можетъ, этимъ именно объясняется и то, что намъ никогда не приходилось наблюдать въ галицко-русскихъ храмахъ массоваго выхода изъ храма богомольцевъ предъ и во время произнесенія проповѣди.

Одну изъ отличительныхъ особенностей проповѣдничества галицко-русскаго духовенства составляетъ *публицистическій характеръ его*. Это—не случайное явленіе. Оно обусловливается самымъ положеніемъ греко-католическаго духовенства въ Галиціи. Галицко-русское духовенство представляетъ передовой, руководящій и притомъ единственный интеллигентный классъ русскаго населенія Галиціи. По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, русское населеніе Галиціи равняется 3.103.410 чел. (за 1900 годъ [1]). Преимущественное, подавляющее большинство въ средѣ русскаго населенія Галиціи составляетъ именно крестьянство, простой народъ, живущій по селамъ; незначительный процентъ его приходится на долю мѣщанства и вообще мелко-торговаго населенія, проживающаго въ городахъ; наконецъ, еще меньшій, сравнительно съ общимъ числомъ всего русскаго населенія Галиціи ничтож-

[1]) Любопытно, что въ исчисленіи русскаго населенія въ Галиціи замѣчается большая разница между показаніями шематизмовъ уніатскихъ, которые теперь редактируются базиліанами и по показаніямъ которыхъ за 1900 годъ въ Галиціи было русскихъ 2.982 456 чел., и свѣдѣніями общегосударственной переписи, которыми и мы пользовались.

ный процентъ, составляетъ интеллигенція, образованный классъ къ которому принадлежатъ: духовенство, мелкое чиновничество и учители гимназій. Такъ какъ чиновники и учители гимназій живутъ въ городахъ, гдѣ русское населеніе сравнительно немногочисленно, то, слѣдов., главными образованными представителями русскаго народа въ Галиціи, руководителями его въ религіозной, умственной, нравственной и соціально-экономической жизни являются священники. Такимъ образомъ, самое положеніе священниковъ, какъ единственно образованныхъ представителей русскаго (преимущественно) сельскаго населенія Галиціи, призываетъ ихъ къ широкой общественной дѣятельности.

Кромѣ того, положеніе русскаго населенія въ Галиціи было и есть боевое въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Съ одной стороны, польская администрація и польское панство, а съ другой стороны, жидовство силятся завладѣть галицко-русскимъ крестьяниномъ, поработить его себѣ умственно и въ экономическомъ отношеніи, убить въ немъ все русское, родное...

И у крестьянъ галицко-русскихъ нѣтъ рѣшительно никого, кромѣ духовенства, кто бы могъ поддержать, ободрить, утѣшить и поруководить ихъ въ этой неравной, исключительной культурной борьбѣ.

И должно правду сказать, что галицко-русское духовенство до послѣдняго времени сознавало всю важность и величайшую отвѣтственность положенія, какое указано ему самимъ Провидѣніемъ въ многострадальной исторіи родного народа. Въ большинствѣ случаевъ галицко-русскіе священники всегда стояли на высотѣ своего призванія пастырей русскаго населенія Галиціи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Какъ искренніе, убѣжденные патріоты, галицко-русскіе священники всегда были и духовными руководителями-пастырями и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтниками, учителями своей паствы въ соціально-экономической жизни ея. Типичнѣйшимъ представителемъ галицко-русскаго священника этого рода можетъ служить хо-

рошо извѣстный у насъ, въ Россіи галицко-русскій патріотъ протоіерей Іоаннъ Наумовичъ, сложившій кости свои въ Кіевѣ, на Аскольдовой могилѣ, вдали отъ родины, которую онъ вынужденъ былъ оставить именно потому, что былъ истиннымъ отцомъ, другомъ, совѣтникомъ и руководителемъ своихъ пасомыхъ. Духъ протоіерея І. Наумовича, къ счастію, и доселѣ еще не умеръ въ средѣ галицко-русскаго духовенства. Встрѣчаются и теперь среди этого послѣдняго священники, которые въ своей дѣятельности далеко не ограничиваются исполненіемъ чисто пастырскихъ обязанностей. Такъ, напр., о нынѣшнемъ приходникѣ Вѣнской греко-католической церкви во имя св. великом. Варвары Николаѣ Семеновѣ извѣстно, что онъ будучи „сотрудникомъ“ въ одномъ изъ приходовъ Станиславовской епархіи въ Галиціи устроилъ два общественныхъ дома, основалъ двѣ читальни народныхъ, завель два общественныхъ магазина для ссыпки хлѣба на случай неурожая и т. п, наконецъ, расширилъ и украсилъ приходскій храмъ Въ бытность же свою „приходникомъ“ въ одномъ изъ селеній той же епархіи, онъ организовалъ мужское и основалъ женское церковно-приходское братство и учредилъ кассу для бѣдныхъ прихода подъ именемъ „Самарянинъ“.

Къ сожалѣнію, не на основаніи уже своихъ личныхъ наблюденій, а на основаніи словъ самихъ же галицко-русскихъ нашихъ знакомыхъ, мы должны сказать, что ряды такихъ галицко-русскихъ священниковъ, добрыхъ пастырей, ревностныхъ и убѣжденныхъ патріотовъ, неустрашимыхъ борцовъ за дѣло своей церкви и своего народа все болѣе и болѣе рѣдѣютъ. Вмѣсто нихъ нарождается новое поколѣніе священниковъ, зараженныхъ духомъ панства, легкомысленнаго отношенія къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, съ пренебреженіемъ отвращающихъ лице свое отъ родной паствы въ сторону польской шляхты и даже римско-католической церкви... Типъ этого нарождающагося галицко-русскаго священника превосходно и мастерски изображенъ нынѣшнимъ галицко-русскимъ митрополитомъ Шептицкимъ въ его пастыр

скихъ посланіяхъ, съ которыми мы уже знакомы. Молодые галицко-русскіе священники очень часто сквозь пальцы смотрятъ на то, какъ римско-католическіе ксендзы воруютъ изъ ихъ стада овецъ. Молодые священники равнодушно относятся къ обыкновенію своихъ прихожанъ ходить на польскіе „отпусты“, во время которыхъ они не только участвуютъ въ латинскомъ богослуженіи, но иные даже исповѣдуются и причащаются у римско-католическихъ ксендзовъ. А находятся и такіе между молодыми галицко-русскими священниками, которые спѣшатъ на польскіе „отпусты“ даже впереди своихъ прихожанъ...

д) Партійность, господствующая въ средѣ галицко-русскаго уніатскаго духовенства.

Другое зло и зло страшное, парализующее доброе пастырское вліяніе галицко-русскихъ священниковъ на своихъ прихожанъ, есть партійность, царящая между галицко-русскимъ духовенствомъ. Къ сожалѣнію, партійность, какъ мы выше видѣли, составляетъ отличительную особенность общественной жизни всего русскаго населенія Галиціи. Русскій галичанинъ, по условіямъ этой общественной жизни, рѣшительно не можетъ существовать безъ того, чтобы не принадлежать къ какой либо политической партіи: старо-русской, младо-русской, народно-русской, украинофильской, радикальной и т. п. Разумѣется, въ этомъ господствѣ партійности среди русскихъ галичанъ и вообще въ боевомъ положеніи русскаго населенія Галиціи заключается нѣкоторая доля и оправданія для духовенства, которое волею неволею должно считаться съ раздѣленіемъ народа на партіи. Но бѣда въ томъ, что есть и очень много среди галицко-русскихъ священниковъ такихъ, которые уже чрезмѣрно увлекаются партійностію, которые интересы политическихъ партій ставятъ выше интересовъ пастырскихъ, которые партійную страстность вносятъ въ чисто духовныя, пастырскія отношенія свои къ прихожанамъ. Такая именно партійность составляетъ ве-

ликое зло церковно-общественной дѣятельности галицко-русскаго духовенства, такъ какъ весьма сильно подрываетъ авторитетъ священника въ глазахъ народа, довѣріе послѣдняго къ слову, пастырскому наставленію и увѣщанію перваго. Такую же именно партійность среди галицко-русскаго духовенства осуждаетъ и порицаетъ и митрополитъ Шептицкій, говоря: „тамъ, гдѣ вѣрные дѣлятся на партіи, пастырь не можетъ становиться на сторонѣ однихъ *для борьбы* съ другими. Поступая такимъ образомъ, онъ создалъ бы между собою и частію своего стада стѣну, которая раздѣляла бы его отъ людей, съ которыми онъ долженъ быть неразрывно связанъ для высшихъ интересовъ и цѣлей. Разногласіе убѣжденій во многихъ дѣлахъ останется между вами всегда; но не должно быть между вами яркихъ контрастовъ и тѣмъ болѣе страстной партійности. И уже никакимъ образомъ не можетъ быть между вами той безумной нетерпимости, которой столько между нами, русинами, и которая начинается съ ожесточеннаго бросанія грязи въ своего противника. У насъ водится такъ, что нѣтъ, кажется, замѣчательнѣйшаго русина, котораго бы кто либо изъ русиновъ же не забросалъ грязью, не обвинялъ публично въ измѣнѣ и безчестіи. Исчерпавши весь запасъ эпитетовъ брани и презрѣнія къ противникамъ, по поводу самаго факта разногласія въ убѣжденіяхъ, мы не имѣемъ уже критерія для оцѣнки того, что называется доброю дѣятельностію человѣка. Называя своего противника измѣнникомъ, человѣкомъ безчестнымъ потому только, что онъ нашъ политическій противникъ, мы чрезъ то самое бываемъ недалеки и отъ того, чтобы признать его даже злодѣемъ. А между тѣмъ для насъ, пастырей, „кто не противъ насъ, есть съ нами“; единственными нашими противниками должны быть противники Господа и Спасителя нашего Христа, да и тѣхъ мы должны побѣждать любовію, чтобы пріобрѣсти ихъ для Христа и для церкви. Даже непринадлежащихъ къ нашему стаду привлекайте любовію: пусть они познаютъ въ насъ служителей Христовыхъ, отцовъ, пастырей духовныхъ, пусть при-

ходятъ къ намъ съ довѣріемъ и мы, навѣрно, не откажемъ имъ ни въ отеческой любви, ни въ трудѣ".

А вотъ что пришлось одному священнику, радикалу, украинофилу, произнесшему предъ собраніемъ замѣчательную рѣчь, въ которой онъ забросалъ грязью своихъ противниковъ, называя ихъ „кацапами", „москвофилами", выслушать отъ одного изъ этихъ послѣднихъ: ваша рѣчь, изобиловавшая фразами: „кацапы", москвофилы", „кацапская ложь" и т. д., произвела на насъ удручающее впечатлѣніе. Вы увлеклись риторическимъ рвеніемъ и забыли о собственномъ достоинствѣ и о своемъ званіи. Вы ругали публично своихъ собратьевъ о Христѣ! Народъ остолбенѣлъ отъ ужаса. Онъ никогда еще ни на какихъ собраніяхъ не слышалъ такихъ словъ изъ устъ священника. Онъ, читая газеты, освѣдомлялся о нашей русской жизни и о партійной борьбѣ, но объ этой борьбѣ онъ читалъ доселѣ на столбцахъ газетъ, предполагая, что полемическія статьи пишутся мірскими людьми. А тутъ онъ услышалъ рѣчь изъ устъ священника, сердце котораго преисполнено жаждою мести и ненавистію къ „кацапамъ". Прилично ли вамъ говорить такъ: „враги наши—поляки, враги—нѣмцы, враги—правительство, но наибольшіе наши враги—„кацапы", „москвофилы". Значитъ, они ниже и хуже жидовъ. которые, по вашему мнѣнію, суть друзья нашего народа... Ваша безтактность вызвала постройку латинской каплицы въ вашемъ приходѣ, а духовно-религіозная жизнь прихожанъ значительно упала, ибо вашъ взоръ обращенъ не на церковь, а на Украину"...

Борьба партій въ Галиціи неблагопріятно отражается на пастырской дѣятельности галицко-русскаго духовенства и въ другомъ отношеніи. Ожесточенно борющіяся между собою галицко-русскія партіи стремятся овладѣть простымъ русскимъ населеніемъ въ Галиціи, подчинить его себѣ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Однимъ изъ самыхъ главныхъ средствъ къ достиженію сей цѣли избирается учрежденіе разныхъ правительственныхъ обществъ, назначенныхъ спеціально

для распространенія въ народѣ полезныхъ свѣдѣній. Такія просвѣтительныя общества имѣются какъ у старо-русской, или народно-русской партіи, такъ и у младо-русской, или украинофильской партіи. Изъ просвѣтительныхъ учрежденій первой заслуживаютъ упоминанія въ особенности институтъ, извѣстный подъ именемъ „Народнаго Дома“, существующій во Львовѣ и владѣющій богатѣйшею *русскою* библіотекою и *русскимъ же* музеемъ, и Общество имени М. Качковскаго, раскинувшее свою просвѣтительную дѣятельность на все пространство восточной Галиціи подъ видомъ народныхъ домовъ и народныхъ читаленъ, существующихъ теперь едва ли не во всякомъ болѣе или менѣе значительномъ русскомъ поселеніи.

Изъ просвѣтительныхъ учрежденій младо-русской партіи намъ извѣстно общество „Просвѣтъ“, существующее во Львовѣ и проявляющее свою энергичную, можно сказать, даже лихорадочную дѣятельность преимущественно въ изданіи и въ распространеніи всевозможныхъ популярныхъ брошюръ.

Сами мы не имѣли возможности ближайшимъ образомъ наблюдать просвѣтительную дѣятельность двухъ главныхъ партій въ Галиціи, въ частности, вліяніе этой ихъ дѣятельности на простой народъ. Сами мы, при встрѣчѣ и сношеніяхъ съ представителями украинофильской партіи, не получали отъ нихъ ничего, кромѣ самаго добраго впечатлѣнія. Но справедливость требуетъ въ то же самое время сказать, что все то, что намъ приходилось слышать и читать о просвѣтительной дѣятельности двухъ главныхъ галицко-русскихъ народныхъ партій, говоритъ не въ пользу украинофильской партіи.

Не говоримъ уже о томъ, какое чисто политическое вліяніе на русскій народъ въ Галиціи можетъ имѣть партія, стремящаяся всѣми возможными средствами къ отдѣленію, къ обособленію Галицкой Руси отъ нашей Россіи. Нашему „Русскому“, путешествовавшему недавно среди „Зарубежной Руси“, представители старо-русской партіи такъ изображали это вліяніе украинофильской партіи на народъ. „Не унія религіозная страшна для насъ“, говорили они. „Эта унія утратила въ

настоящее время всякій смыслъ, да и сами поляки махнули на нее рукой, ибо убѣдились, что она не даетъ имъ того, чего они искали. Галицкая Русь осталась Русью и останется ею навсегда и именно благодаря этой самой уніатской вѣрѣ, которая является хранительницею русской народности. Но у насъ—новое историческое несчастіе, которое будетъ похуже религіозной уніи. Это—политическое украинофильство, дѣйствующее въ союзѣ съ поляками, которые видятъ въ украинофилахъ разновидность поляка. Украинофильство съ его фонетикой, а, можетъ быть, со временемъ и съ латиницей,—вотъ то страшное зло, которое, въ случаѣ успѣха, погубитъ Галичину, отторгнетъ эту вѣтвь русскаго дерева отъ его ствола и привьетъ къ польскому дереву... Нѣтъ русскихъ: свѣтъ знаетъ только Москву и Польшу Вотъ новая польская программа: на сценѣ появляется союзъ русскихъ съ поляками. Средствомъ къ осуществленію этого адскаго плана служитъ украинофильство, которое поляки всѣми мѣрами постарались поставить во враждебныя отношенія къ русской исторической партіи,—постарались, какъ говорятъ сами поляки, „пустить русина на русина“ [1]).

Хотя въ этой характеристикѣ украинофильства есть доля преувеличенія, внушеннаго ожесточенною партійною борьбою, какая теперь происходитъ въ Галиціи и какую, какъ мы видѣли, такъ сильно порицаетъ митрополитъ Шептицкій, но есть здѣсь и своя доля правды. Несомнѣнно, что младо-русская партія, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые представители ея сильно нерасположены къ Россіи, а газеты этой партіи преисполнены такой вражды и такой брани въ отношеніи ко всему русскому, что мы, просматривая ихъ сначала, съ теченіемъ времени не имѣли возможности читать ихъ...

Но для насъ важна не столько политическая, сколько именно просвѣтительная сторона дѣятельности галицко-русскихъ партій. Съ этой стороны между двумя главными галицко-

---

[1]) См. „Странникъ“ 1900 г т. 3, стр 414—415

русскими партіями существуетъ глубокое и радикальное различіе. Старо-русская партія, какъ консервативная, въ своей народно-просвѣтительной дѣятельности идетъ рука объ руку съ церковью и съ духовенствомъ, стремится распространять въ народѣ просвѣщеніе въ духѣ христіанской религіи, въ согласіи съ преданіями родной, отеческой, греко-католической церкви. Наоборотъ, украинофильская партія, какъ либеральная, несетъ въ народъ просвѣщеніе въ новомъ современномъ духѣ, часто совершенно несогласномъ и даже противномъ не только традиціямъ родной церкви, но и ученію христіанской религіи.

Приходилось намъ слышать и читать, что „народники“ изъ т. н. украинофиловъ проповѣдуютъ среди простого галицко-русскаго населенія крайне отрицательныя, антихристіанскія идеи, въ родѣ того, напр., что ему „не нуженъ якійтамъ Богъ“, не нужна церковь, не нужны и „попы“. Но прискорбнѣе всего то, что и само духовенство галицко-русское, особенно молодое, принадлежащее къ младо-русской партіи, равнодушно, сквозь пальцы смотритъ на такую „просвѣтительную“ дѣятельность такихъ „просвитніківъ“, какъ ихъ называютъ въ Галиціи, не препятствуетъ имъ развращать простой, вѣрующій народъ, не заботится о принятіи рѣшительныхъ мѣръ, которыми можно было бы парализовать вредное вліяніе непризванныхъ просвѣтителей народа.

Какъ иллюстрація такого именно печальнаго настроенія извѣстной части галицко-русскаго духовенства, любопытна слѣдующая привѣтственная рѣчь, съ которою обратились 6-го февраля 1901 года члены „Селянской Рады“ г. Бродъ къ митрополиту Андрею Шептицкому. „Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь“, говорила делегація, состоявшая изъ 3 священниковъ, 3 мѣщанъ и 3 крестьянъ. „Съ сыновнею преданностію и довѣріемъ приходимъ мы, депутаты „Селянской Рады“, представляющіе національные интересы русскаго населенія въ Бродскомъ повѣтѣ, чтобы отъ имени того же населенія привѣтствовать васъ на галицкомъ митро-

поличьемъ престолѣ. Но мы имѣемъ также и просьбу, къ которой просимъ васъ милостиво отнестись. Просимъ именно, чтобы вы, нашъ архипастырь, силою своего высокаго и авторитетнаго положенія повліяли на духовенство, дабы оно держалось возможно ближе къ народу и заботилось о немъ. Нашъ русскій народъ—набожный, вѣрующій, преданный своей святой греко-католической церкви, обрядъ которой неразрывно связанъ съ русскою народностію. Противъ сей церкви возстаютъ нынѣ чужіе враги и свои отступники, *а одна часть нашего духовенства, вмѣсто того, чтобы защищать народъ отъ пропаганды невѣрія, нерѣдко соединяется съ этими врагами нашего народа, подрываетъ авторитетъ духовенства и сама расчищаетъ путь къ упадку вѣры въ народѣ. Просимъ также взять подъ свою защиту тѣхъ нашихъ священниковъ, которые, честно исполняя свои пастырскія обязанности и не служа противонароднымъ планамъ, не пользуются милостію вліятельныхъ сферъ и за свою вѣрную службу церкви и народу терпятъ преслѣдованія и не могутъ получить лучшаго прихода*".

е) Церковныя братства въ Галиціи и другія мѣры для оживленія пастырской дѣятельности галицко-русскаго духовенства и для усиленія солидарности между членами его.

Печальнымъ положеніемъ галицко-русской церкви сильно смущены добрые пастыри изъ среды галицко-русскаго духовенства, равно какъ и нѣкоторые изъ мірянъ, искренно желающіе блага своему и безъ того злосчастному народу. Указываютъ, между прочимъ, на *церковныя братства*, которыя, при хорошемъ устройствѣ и умѣломъ веденіи дѣла, могли бы принести величайшую пользу дѣлу истиннаго просвѣщенія народа.

Должно сказать, что въ Галиціи доселѣ сохранился и пользуется широкимъ распространеніемъ этотъ древне-русскій церковный институтъ. Въ Галиціи и теперь существуютъ почти при каждой не только „матерней" (т. е приходской, самостоятельной), но и „дочерней" (т. е. приписной) церкви братства. Цѣль этихъ братствъ—преимущественно, почти исключительно ре-

лигіозно-просвѣтительная. Для осуществленія этой высокой цѣли они могли бы имѣть достаточныя средства въ видѣ существующихъ также при всякой церкви братскихъ кассъ („скарбекъ"), которыми особо завѣдуютъ избранные братчики, т. н. провизоры, соотвѣтствующіе нашимъ церковнымъ старостамъ. Средства этихъ церковныхъ кассъ собираются во 1) изъ обязательныхъ сборовъ, производимыхъ съ прихожанъ за освѣщеніе храма при браковѣнчаніи, погребеніи, крещеніи и проч. священнодѣйствіяхъ, и во 2) изъ добровольныхъ пожертвованій набожныхъ прихожанъ.

Къ сожалѣнію только, въ послѣднее время галицко-русское духовенство обращало весьма мало вниманія и на церковныя братства и на церковно-приходскія кассы, почему первыя въ послѣднее время почти совершенно бездѣйствуютъ, а вторыя или совершенно опустѣли, или же находятся въ безконтрольномъ распоряженіи т. н. провизоровъ, которые рѣшительно не желаютъ допускать священниковъ не только до распоряженія, но даже и до ревизіи церковно-приходскихъ кассъ. Недавно былъ такой случай. Одинъ священникъ, поступивъ на приходъ, пожелалъ посмотрѣть церковно-приходскую кассу и попросилъ провизора открыть ее. Но провизоръ дерзко отвѣтилъ ему на это слѣдующее: „*его милость можетъ заниматься престоломъ, а я—деньгами*". Впослѣдствіи оказалось, что предшественникъ этого священника не обращалъ никакого вниманія на церковно-приходскую кассу и не заботился о томъ, чтобы провѣрять отъ времени до времени дѣятельность поставленныхъ имъ провизоровъ: онъ ввѣрилъ имъ ключи, передалъ имъ всецѣло распоряженіе церковнымъ имуществомъ и церковно-приходскими суммами и больше ни во что не вмѣшивался. Такіе же порядки существуютъ и во всѣхъ галицко-русскихъ приходахъ. Оттого галицко-русскія церкви въ послѣднее время не имѣютъ средствъ для покрытія самыхъ необходимыхъ расходовъ. Оттого же галицко-русскія церковныя братства теперь всѣ „спятъ", какъ о нихъ выражаются сами ревнители „русской вѣры" въ Галиціи.

Въ самое послѣднее время было высказано слѣдующее предложеніе касательно пробужденія галицко-русскихъ церковныхъ братствъ отъ „спячки“ и оживленія ихъ религіозно-просвѣтительной дѣятельности. Предполагается основать во Львовѣ *всеобщее церковное братство во имя св. ап. Андрея Первозваннаго*. Это, такъ сказать, архибратство должно состоять подъ покровительствомъ галицко-русскаго митрополита. Въ составъ членовъ сего архибратства должны войти всѣ галицко-русскія церковныя братства, находящіяся во всѣхъ трехъ галицко-русскихъ уніатскихъ епархіяхъ,—Львовской, Перемышльской и Станиславовской. Цѣлію всеобщаго Андреевскаго церковнаго братства должно служить, съ одной стороны, оживленіе религіозно-просвѣтительной дѣятельности всѣхъ вообще „спящихъ“ теперь галицко-русскихъ церковныхъ братствъ, а съ другой стороны, и ближайшимъ образомъ, изданіе и возможно болѣе широкое распространеніе среди галицко-русскаго народа дешевыхъ популярныхъ брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія. Въ этихъ брошюрахъ должны кратко и общедоступно излагаться важнѣйшія истины христіанской вѣры, изъясняться главнѣйшіе вопросы христіанской этики и описываться религіозно-церковные обычаи русскаго народа. Цѣль этихъ листковъ должна быть преимущественно полемическая, или, точнѣе, пропедевтическая, чтобы, какъ выражаются сами иниціаторы сего симпатичнаго дѣла, „парализовать дьявольскую работу безъидейныхъ просьвѣтниківъ“. Печатное слово больше побуждаетъ къ размышленію, чѣмъ слово живое. Поэтому, въ нынѣшнія времена побѣдителемъ оказывается тотъ, кто свои воззрѣнія и убѣжденія распространяетъ посредствомъ письма. Авторитетный писатель Альбанъ Штольцъ говоритъ, что „въ наше время на бумагѣ и буквами сражаются между собою небо и адъ.“ Поэтому, и намъ, говорятъ ревнители галицко-русской греко-католической церкви, слѣдуетъ взять въ руки то же оружіе и побѣда будетъ несомнѣнно за нами по всей линіи.“

Нынѣшній галицко-русскій митрополитъ Андрей Шептицкій имѣетъ въ виду еще другой способъ для оживленія и даже для радикальнаго преобразованія существующихъ галицко-русскихъ церковныхъ братствъ, равно какъ и вообще для искорененія серьезныхъ недостатковъ и безпорядковъ, вкравшихся въ церковно-приходскую жизнь галицко-русской уніатской церкви. Онъ предполагаетъ завести по всѣмъ приходамъ галицко-русской церкви особыя *братства любви*. Такое свое предположеніе онъ высказалъ въ посланіи, съ которымъ обратился къ своей паствѣ въ началѣ 1901 года, при прощаніи съ Станиславовскою епархіею, предъ вступленіемъ на митрополичью каѳедру. Въ этомъ своемъ посланіи онъ, между прочимъ, въ такомъ видѣ изображаетъ задачи и цѣли дѣятельности проэктируемыхъ имъ братствъ любви „По селамъ", говоритъ онъ, „имѣется уже множество различныхъ братствъ. Существуетъ братство трезвости, братство св. таинъ. Оба прекрасны и приносятъ свою пользу. Однако ихъ цѣль, будетъ ли то трезвость, будетъ ли то чествованіе Іисуса Христа, не обнимаетъ всей общественной жизни прихода. Есть при каждой церкви и братство, называемое обыкновенно „свѣчевымъ", такъ какъ цѣль сего братства часто не иная, какъ только та, чтобы держать свѣчу. Я же хотѣлъ бы учредить у васъ братство любви, которое помогло бы ввести вамъ всякіе порядки въ вашей приходской жизни... Тотъ приходъ будетъ въ мирѣ и въ силѣ, въ которомъ будетъ больше любви. При христіанской любви, легко устроится и общественная лавка, и общественный погребъ, и приходская читальня, общественное имущество не будетъ напрасно тратиться, легко учредите у себя и общественную кассу, и церковь, когда явится нужда, построите себѣ и украсите безъ особенныхъ затрудненій, избавитесь отъ тяжелыхъ процентовъ по долгамъ, пробудитесь отъ пьянства и самая корчма преобразуется въ полезнѣйшее для прихода заведеніе, люди просвѣтятся, а что самое главное—не будетъ въ такомъ приходѣ никакихъ судебныхъ процессовъ и сосѣдъ не будетъ обижать своего сосѣда, но каждый будетъ заботиться о благѣ

всѣхъ, потому что всѣ будутъ заботиться о благѣ его: одинъ будетъ стоять за всѣхъ, а всѣ за одного, и, дѣйствительно, такая громада будетъ однимъ великимъ человѣкомъ. И во всемъ вообще тогда для васъ будетъ лучше, однако только посредствомъ христіанской любви. Если же не будетъ между вами любви, то не помогутъ вамъ и самыя лучшія учрежденія, не поможетъ вамъ ничто".

Съ именемъ митрополита Андрея Шептицкаго, проявляющаго, при расположеніи и сочувствіи къ бѣлому галицко-русскому духовенству, широкую и кипучую церковно-общественную дѣятельность, галицко-русское духовенство соединяетъ надежду на осуществленіе еще одной своей завѣтной мечты. Дѣло въ томъ, что одну изъ важныхъ отрицательныхъ сторонъ въ жизни и дѣятельности галицко-русскаго духовенства составляетъ отсутствіе живого общенія между духовенствомъ галицко-русскимъ. Правда, въ галицко-русской церкви существуетъ обыкновеніе собираться священникамъ ежегодно на т. н. соборики. Эти соборики составляются по деканатамъ (нашимъ благочиніямъ) и въ нихъ участвуютъ только священники, принадлежащіе къ тому или другому деканату, почему и называются *деканальными соборами*. Дѣятельность этихъ деканальныхъ соборіковъ—чисто юридическая , формальная, весьма много напоминающая наши благочинническія собранія духовенства. На деканальныхъ соборикахъ галицко-русскаго духовенства обсуждаются вопросы преимущественно административнаго, или же экономическаго характера.

Между тѣмъ въ средѣ галицко-русскаго духовенства, особенно лучшей части его, сознающей серьезность положенія своей церкви и отвѣтственность своего служенія, живо чувствуется потребность возможно большаго чисто интеллектуальнаго и нравственнаго общенія другъ съ другомъ. Галицко-русское духовенство сознаетъ всю необходимость и пользу такихъ собраній, въ которыхъ бы принимали участіе священники (если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ избранныхъ представителей) всѣхъ трехъ епархій галицко-русской церкви и на

которыхъ бы могли обсуждаться вопросы касательно положенія русскаго духовенства въ Галиціи, условій его пастырскаго служенія, быта и т. п. Такія собранія галицко-русскихъ священниковъ всѣхъ трехъ епархій тѣмъ болѣе, казалось бы, естественны и возможны, что подобныя явленія существуютъ въ Галиціи и вообще въ Австріи уже давно. Такъ, напр., католическое духовенство Австріи отъ времени до времени устраиваетъ общіе „конгрессы“, въ которыхъ участвуютъ всѣ желающіе изъ среды католическихъ ксендзовъ и на которыхъ обсуждаются и рѣшаются вопросы, подобные именно тѣмъ, какіе выше обозначены.

Къ сожалѣнію, практиковавшіяся доселѣ попытки устроить собранія галицко-русскихъ священниковъ не удавались, потому что встрѣчали сильное противодѣйствіе со стороны высшей іерархіи. Въ 1895, или 1896 г. два священника Львовской епархіи пригласили желающихъ собратьевъ изъ всѣхъ трехъ епархій на „вѣче священническое“. „Вѣче“ собралось, поставлены были на обсужденіе животрепещущіе вопросы, распредѣлены были и рефераты... но бывшій митрополитъ галицко-русскій Сильвестръ Сембратовичъ, положившій начало происходящему теперь постепенному окатоличенію галицко-русской церкви, наложилъ свое veto на собраніе священническое, которое такъ и не состоялось. Въ 1899 году снова была сдѣлана попытка, по иниціативѣ одного священника, устроить „вѣче“ священниковъ галицко-русской церкви, но тоговременный митрополитъ Юліанъ Куиловскій своимъ нерасположеніемъ воспрепятствовалъ развитію дѣла.

Въ самое послѣднее время среди галицко-русскаго духовенства оживились надежды на осуществленіе завѣтной идеи. Дѣло въ томъ, что нынѣшній митрополитъ Андрей Шептицкій—самъ сторонникъ возможно большаго общенія между священниками. Въ бытность свою Станиславовскимъ епископомъ, онъ не только охотно разрѣшилъ въ 1896 году вѣче мѣстныхъ священниковъ, но и самъ даже обѣщалъ прибыть на вѣче, и, если не исполнилъ своего обѣщанія, то по независѣвшимъ отъ

него обстоятельствамъ. Сдѣлавшись митрополитомъ, онъ началъ и словомъ и дѣломъ покровительствовать развитію общенія и солидарности среди галицко-русскаго духовенства. Во время т. н. каноничныхъ визитацій церквей, онъ обыкновенно собираетъ въ извѣстные пункты окрестное духовенство и старается, по возможности, объединить его, держитъ предъ нимъ пространныя краснорѣчивыя рѣчи о задачахъ современнаго пастырства, входитъ въ положеніе духовенства, ближайшимъ образомъ знакомится съ интересами, его занимающими и т. п. Кромѣ того, у себя въ архіепископскомъ дворцѣ во Львовѣ онъ каждую недѣлю по вторникамъ устраиваетъ „вечеринки“, или „конференціи“. Онѣ начинаются въ 6 ч. в. и оканчиваются въ $9^1/_2$ ч в. На нихъ собирается только духовенство г. Львова и окрестныхъ селеній. На этихъ собраніяхъ, подъ руководствомъ гостепріимнаго хозяина, ведутся оживленныя и непринужденныя бесѣды о предметахъ церковныхъ вообще и, въ частности, о приходскихъ, пастырскихъ и т. п. „Вечеринки“ обыкновенно заканчиваются скромнымъ угощеніемъ присутствующихъ. Духовенство относится весьма сочувственно къ заведеннымъ митрополитомъ Андреемъ Шептицкимъ конференціямъ.

Митрополитъ Андрей Шептицкій видимо желалъ бы идею солидарности, живого общенія другъ съ другомъ провести въ сознаніе и всего вообще галицко-русскаго духовенства, именно какъ противовѣсъ той партійности, какая господствуетъ особенно въ послѣднее время среди него. Въ изданномъ недавно пастырскомъ посланіи подъ заглавіемъ: „О каноничной визитаціи“, по поводу послѣдней ревизіи церквей, митрополитъ Андрей Шептицкій съ особенною силою настаиваетъ на необходимости возможно большей солидарности и товарищески-сосѣдской жизни между духовенствомъ. „Товарищеская жизнь среди духовенства,“ говоритъ онъ, „имѣетъ, несомнѣнно, гораздо большее значеніе, чѣмъ это кажется. Она состоитъ не только въ добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ, но утверждается на основѣ любви къ Богу, любви къ ближнимъ и на трудѣ надъ ихъ спасеніемъ, которыя соединяютъ насъ неразрывно въ одну

семью. Эта солидарность должна выражаться въ сердечныхъ ежедневныхъ сношеніяхъ между нами, людьми, которые посвятили себя одному и тому же дѣлу. Партійные политическіе раздоры, составляющіе несчастье въ нашемъ обществѣ, никогда не найдутъ доступа въ такое солидарное общество, развѣ только въ томъ случаѣ, если священники отступятъ отъ духа Христова... Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что свѣтскіе люди, которые различаются между собою въ общественныхъ и политическихъ убѣжденіяхъ, вѣчно спорятъ между собою, хотя и можно было бы удивляться такому спору ихъ; но было бы совсѣмъ непонятно, еслибы различіе во взглядахъ на свѣтскія дѣла до такой степени раздѣляло священниковъ, чтобы утрачивалась сердечность отношеній между ними. Отголосокъ свѣтскихъ дѣлъ и споровъ легко можетъ проникнуть и къ намъ, но, кажется, и онъ не можетъ стереть духовнаго, клерикальнаго признака съ жизни и взаимныхъ отношеній нашего клира".

ж) Приниженное положеніе греко-католическаго обряда въ Галиціи, ненормальная постановка религіозно-нравственнаго воспитанія русской молодежи въ школахъ и малочисленность уніатскихъ священниковъ въ Галиціи, какъ неблагопріятныя условія пастырской дѣятельности галицко-русскаго духовенства.

Кромѣ сильнаго распространенія въ народѣ невѣрія, или же индифферентизма въ вѣрѣ и партійности въ средѣ самаго духовенства, къ числу неблагопріятныхъ условій пастырской дѣятельности галицко-русскаго духовенства должны быть отнесены: угнетенное, или, въ крайнемъ случаѣ, приниженное положеніе греко-католическаго обряда въ Галиціи, неправильная постановка религіозно-нравственнаго воспитанія русской молодежи въ школѣ и малочисленность священниковъ, сравнительно съ общимъ русскимъ населеніемъ Галиціи и, въ частности, съ количествомъ греко-католической паствы отдѣльныхъ приходовъ.

Угнетенное, или, въ крайнемъ случаѣ, приниженное положеніе греко-католическаго обряда въ Галиціи съ особенною рельефностію выражается въ пренебрежительномъ отношеніи мѣстной власти и даже низшей администраціи, каковая въ Галиціи преимущественно польская, къ русскимъ праздникамъ и церковнымъ торжествамъ. Въ Галиціи весьма нерѣдко практикуется и теперь такое же отношеніе къ русской греко-католической церкви и ея обряду, какое существовало въ давно прошедшее время въ Польшѣ. Чаще всего бываетъ такъ, что представители мѣстной администраціи, разумѣется, поляки, назначаютъ разныя собранія крестьянъ русскихъ въ селахъ и мѣщанъ въ городахъ, или же вызываютъ ихъ въ судебныя учрежденія для допросовъ, или же производятъ сборы повинностей въ самые большіе праздники русскіе, и притомъ именно въ часы, назначенные для совершенія богослуженія. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ общаго усиленія польскаго господства въ Галиціи, случаи подобнаго пренебрежительнаго отношенія къ русскимъ праздникамъ и вообще къ религіозно-нравственнымъ потребностямъ и запросамъ русскаго населенія сдѣлались особенно частыми.

Вотъ нѣсколько примѣровъ подобнаго отношенія. Въ городѣ Любачевѣ, населенномъ почти исключительно русскими, громадскій секретарь Козеровскій, полякъ, вызвалъ всѣхъ русскихъ мѣщанъ къ себѣ въ канцелярію на 10 час. утра 14 сентября 1901 г., въ праздникъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня. 6 августа 1902 г. въ г. Тоусте явился экзекуторъ уѣзднаго суда въ Грималовѣ, Вильчинскій, для сбора налога на собакъ. Несмотря на то, что жители этого города, почти исключительно русскаго обряда, указывали на всю неумѣстность и даже незаконность такого сбора въ великій русскій праздникъ, чиновникъ-полякъ произвелъ экзекуцію сбора налога на собакъ какъ разъ въ то время, когда въ храмѣ совершалась Божественная литургія.

Такіе факты являются странными и обидными для галицко-русскаго населенія особенно потому, что существуютъ прямыя и

рѣшительныя распоряженія высшей власти о томъ, чтобы ни суды, никакія вообще правительственныя учрежденія и лица не отвлекали русскихъ жителей Галиціи отъ дома въ дни русскихъ праздниковъ Впрочемъ, это самое обычное правило польскаго права: высшая власть издаетъ самыя строгія распоряженія касательно непритѣсненія русскихъ, а низшая администрація всячески тѣснитъ и давитъ ихъ, а когда русскіе начнутъ жаловаться, то высшая власть наивно указываетъ имъ на свои гуманныя и либеральныя распоряженія касательно ихъ.

Но прискорбнѣе всего то, что въ пренебрежительномъ отношеніи къ русскимъ праздникамъ и вообще къ религіознымъ и церковнымъ обычаямъ галицко-русскаго народа повинно даже само духовенство русское, особенно молодое и именно украинофильскаго направленія. Въ повременной печати намъ приходилось читать жалобы самихъ же русскихъ на то, что духовенство украинофильской партіи пренебрежительно относится къ церковнымъ праздникамъ и уставамъ, назначая, напр , прогулки и вечера съ танцами во время поста, или же наканунѣ праздниковъ.

Еще больше доброе пастырское вліяніе русскаго духовенства на своихъ прихожанъ и въ особенности на молодое поколѣніе парализуетъ въ высшей степени ненормальное положеніе дѣла съ религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ русской молодежи въ школѣ Положеніе это до такой степени печально, что едва ли гдѣ-либо въ другой странѣ и съ другимъ народомъ что нибудь подобное практикуется.

Прежде всего, далеко не во всякой низшей школѣ, часто состоящей преимущественно изъ русскихъ дѣтей, имѣется русскій священникъ-законоучитель, такъ называемый катихитъ. Польская администрація пользуется всякимъ случаемъ для того, чтобы законоучителемъ въ школѣ былъ латинскій ксендзъ, которому поручается обучать закону Божію и русскихъ дѣтей. Такимъ образомъ, русскіе греко-католики уже съ дѣтскихъ лѣтъ отдаляются отъ своего пастыря и постепенно привыкаютъ къ латинскому ксендзу.

Управленіемъ низшихъ народныхъ школъ завѣдуетъ особый училищный совѣтъ („школьная рада“), предсѣдателемъ и вліятельными членами котораго обыкновенно бываютъ поляки. Совѣтъ и пользуется всякимъ случаемъ для того, чтобы возможно болѣе парализовать доброе пастырское вліяніе русскихъ священниковъ на дѣтей своего народа. Съ этою же цѣлью совѣтъ старается, гдѣ только возможно, унижать русскихъ греко-католическихъ священниковъ предъ латинскими ксендзами. Такъ, напр., въ испытательныя коммиссіи на экзамены въ народныхъ школахъ делегатами - экзаменаторами по Закону Божію назначаются преимущественно латинскіе ксендзы и притомъ именно въ такія школы, въ которыхъ учатся преимущественно, почти исключительно русскія дѣти. Несмотря на самые сильные протесты со стороны русскихъ, этотъ порядокъ практикуется и доселѣ и, очевидно, будетъ практиковаться до тѣхъ поръ, пока училищные совѣты не будутъ состоять изъ двухъ филій (отдѣленій)— польской и русской, чего желаютъ и сами русскіе.

Дѣло съ религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ русскихъ дѣтей въ среднихъ школахъ—гимназіяхъ еще хуже того обстоитъ. И здѣсь, какъ и въ низшихъ школахъ, бываетъ нерѣдко, что русскіе гимназисты остаются безъ своего катихита и слушаютъ уроки Закона Божія вмѣстѣ съ католическими товарищами у латинскаго ксендза. Но даже и тамъ, гдѣ есть русскій катихитъ, дѣло часто стоитъ весьма неправильно, что зависитъ частію отъ общей постановки преподаванія закона Божія въ средней школѣ, частію же и, главнымъ образомъ, отъ приниженнаго положенія русскихъ катихитовъ въ этой школѣ.

„Хотя“, говоритъ одинъ изъ видныхъ публицистовъ галиційскихъ, „въ гимназіяхъ нашихъ наука религіи есть обязательный предметъ и занимаетъ въ школьныхъ свидѣтельствахъ даже первое мѣсто, однако, этого еще далеко недостаточно, чтобы правила Христовой науки перешли въ плоть и кровь ученика и стали руководствомъ его будущей жизни. *Не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что нынѣ многіе аби-*

туріенты, оставляющіе разъ на-всегда гимназію, не обладаютъ изъ христіанскаго ученія даже такимъ запасомъ свѣдѣній, какой имѣютъ порядочно воспитанныя сельскія дѣти, окончившія лишь сельскую школу. Теперь самое обыкновенное явленіе, что многіе абитуріенты, желающіе поступить въ семинарію, только передъ т. н. элекціею на-скоро изучаютъ шесть правдъ (истинъ) вѣры, семь главныхъ грѣховъ, десять заповѣдей Божіихъ и пр. О томъ же, чтобы такой „зрѣлый“ юноша имѣлъ страхъ Господень, чтобы его жизнь была проникнута христіанскою этикою, терпимостію и т. п., нѣтъ и рѣчи. Неудивительно, поэтому, что первымъ подвигомъ такихъ „зрѣлыхъ“ гражданъ является исповѣданіе изреченія царя Давида: *„рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“*. Соотвѣтственно этому же принципу развивается и дальнѣйшая пылкая юношеская жизнь такихъ „зрѣлыхъ“ гражданъ, изобилующая подвигами дикости...

Мы далеки отъ того, чтобы считать катихитовъ гимназій главными и тѣмъ болѣе единственными виновниками упадка религіозной морали среди учащейся молодежи. Положеніе законоучителей бываетъ часто прямо невыносимымъ. Находясь среди элементовъ, равнодушно относящихся ко всему, что касается религіи, катихитъ, естественно, не пользуется среди учениковъ авторитетомъ, какой онъ долженъ былъ бы имѣть. Если законоучитель внушаетъ ученикамъ любовь и уваженіе къ ближнимъ, кто бы онъ ни былъ, слѣдовательно, ко всѣмъ людямъ безъ исключенія, а свѣтскій учитель своимъ поведеніемъ прямо парализуетъ ученіе катихита и похваляетъ глупыя выходки юнцевъ, то ясно, что самыя усердныя старанія законоучителей останутся безъ всякаго успѣха. Для того, чтобы сколько нибудь усилить вліяніе катихитовъ на ихъ учеников и чтобы послѣдніе оставляли гимназію проникнутыми духомъ Христова ученія, необходимо, по крайней мѣрѣ, ввести экзаменъ зрѣлости и по наукѣ религіи. Теперь ученикъ долженъ выдержать экзаменъ зрѣлости по языкамъ: латинскому, греческому, нѣмецкому, польскому, по исторіи и мате-

матикѣ, а религія, которая служитъ вѣнцомъ науки, упущена изъ вида... Ученикъ, зная напередъ о томъ, что по предмету религіи ему не нужно держать экзамена зрѣлости, трактуетъ этотъ предметъ, какъ самый маловажный, относится къ нему равнодушно и, благодаря этому, въ теченіе гимназическаго курса забываетъ изъ закона Божія то, что онъ вынесъ изъ своего родительскаго дома.

Нельзя сказать однако, чтобы и сами русскіе катихиты были совершенно неповинны въ печальномъ положеніи религіозно-нравственнаго воспитанія русской молодежи. Въ періодической галицко-русской печати отмѣчались примѣры такихъ русскихъ катихитовъ, которые, какъ, напр., Ѳеодоръ Костишинъ, катихитъ въ школѣ св. Антонія во Львовѣ, учитъ закону Божію *русскихъ дѣтей по польски*. Есть несомнѣнно и такіе катихиты, которые болѣе или менѣе равнодушно относятся къ исполненію своихъ законоучительскихъ обязанностей.

Нынѣшній митрополитъ Андрей Шептицкій, повидимому, намѣренъ обратить самое серьезное вниманіе на преподаваніе закона Божія русскимъ дѣтямъ въ низшихъ и среднихъ школахъ. Въ своемъ посланіи, по поводу вступленія на митрополію, онъ обращается ко всѣмъ вообще катихитамъ народныхъ школъ съ такими словами: „буду домогаться хорошей катихизаціи дѣтей. Не будетъ въ моихъ глазахъ хорошимъ священникомъ тотъ, въ селѣ котораго дѣти не будутъ знать катихизиса. Катихизація есть первая и самая важная обязанность пастыря. Кто не исполняетъ ея, того вполнѣ справедливо можно упрекнуть въ совершенно безсовѣстномъ отношеніи къ своему пастырскому долгу. Наоборотъ, кто заботится о школьной молодежи и воспитываетъ изъ нея хорошихъ христіанъ, тотъ заслуживаетъ глубокой признательности. Въ виду этого, при визитаціяхъ буду обращать особенное вниманіе на катихизацію и, помимо каноничнаго обозрѣнія, не буду упускать случая, чтобы убѣдиться, насколько школьная молодежь обучена истинамъ христіанской вѣры“.

Въ томъ же самомъ своемъ пастырскомъ посланіи митрополитъ проситъ и обязываетъ всѣхъ катихитовъ среднихъ школъ доставлять ему самые подробные и точные отчеты о состояніи учащейся русской молодежи и обращать особенное вниманіе на тѣхъ молодыхъ людей, которые изъявляютъ желаніе поступить въ духовную семинарію.

Наконецъ, одно изъ самыхъ неблагопріятныхъ условій пастырской дѣятельности галицко-русскаго духовенства составляетъ, какъ сказано, малочисленность галицко-русскаго духовенства сравнительно съ общимъ числомъ русскаго грекокатолическаго населенія Галиціи. При 3.103.410 чел. всего галицко-русскаго населенія, въ трехъ епархіяхъ галицко-русской митрополіи насчитывается всѣхъ священниковъ только 2,423 (967 во Львовской, 900 въ Перемышльской и 556 въ Станиславовской епархіяхъ), притомъ вмѣстѣ съ монахами-базиліанами.

Въ виду особеннаго, исключительнаго положенія духовенства въ средѣ галицко-русскаго народа, гдѣ священникъ является не только пастыремъ, но и учителемъ, совѣтникомъ и руководителемъ своего народа, опекуномъ вдовъ и сиротъ его, посредникомъ между властію и народомъ русскимъ, это количество русскихъ священниковъ въ Галиціи является безусловно недостаточнымъ.

Галицко-русское духовенство само сознаетъ это и настоятельно, хотя и безуспѣшно, домогается увеличенія числа русскихъ священниковъ въ Галиціи. Вопросъ объ этомъ предполагалось возбудить и на конгрессѣ всего католическаго духовенства Австріи, къ которому желало примкнуть и русское духовенство въ Галиціи и который предполагалось созвать въ 1901 году. Одинъ изъ иниціаторовъ этого дѣла такъ мотивировалъ необходимость увеличенія числа русскихъ священниковъ въ Галиціи. „Въ то время, какъ, напр., въ другихъ провинціяхъ (Каринтіи, Стиріи, Крайнѣ, Верхней Австріи и пр.), говоритъ онъ, „на одного пастыря приходится приблизительно по 444—938 душъ, нашъ, т. е. га-

лицко-русскій пастырь долженъ имѣть попеченіе приблизительно о 1131—1702 душахъ. Сколько у насъ священниковъ, вдвое столько церквей, а школъ еще больше! Гдѣ же физическія (другія оставляю въ сторонѣ) силы для удовлетворенія такимъ великимъ и сложнымъ обязанностямъ? То не штука—быть канонически поставленнымъ пастоятелемъ прихода въ 2000 душъ: но кто изъ насъ въ силахъ на самомъ дѣлѣ пасти этихъ 2000 Христовою кровію искупленныхъ людей, какъ училъ и велѣлъ пасти Христосъ? Изъ этого слѣдуетъ, что мы должны всѣми силами домогаться, чтобы въ приходахъ съ населеніемъ свыше 1200 душъ назначались на счетъ „религійнаго фонда“ сотрудники священникамъ и, кромѣ того, на счетъ того же фонда поставлены были при школахъ особые катихиты. Ибо требовать отъ пастыря, которому ввѣряются 2000 нашихъ крестьянъ, или мѣщанъ, чтобы онъ исполнялъ среди нихъ, какъ слѣдуетъ, апостольское и культурно-просвѣтительное служеніе, положительно немыслимо“.

Затруднительное положеніе галицко-русскихъ священниковъ, въ виду крайней малочисленности ихъ сравнительно съ обширностію приходовъ и общимъ числомъ русскаго населенія въ Галиціи, увеличивается еще значительно въ виду особеннаго положенія галицко-русскихъ приходовъ, въ составъ которыхъ иногда входитъ нѣсколько храмовъ.

з) Галицко-русскіе храмы, замѣчательные изъ нихъ; общество „Ризница“.

Всѣ русскія церкви въ Галиціи раздѣляются на два разряда: 1) *церкви матерныя*, т. е. самостоятельныя, приходскія и 2) церкви *дочерныя*, т е. приписныя къ самостоятельнымъ. Количество *дочерныхъ* церквей довольно значительно. Такъ, напр., во Львовской епархіи въ 1900 году *матерныхъ* церквей числилось 751 и *дочерныхъ* 496; въ Перемышльской епархіи къ началу 1902 г. *матерныхъ* церквей было 712 и *дочерныхъ* 572 (относительно Станиславовской епархіи точныхъ свѣдѣній у насъ не имѣется; но можно думать, что и тамъ

отношеніе *дочерныхъ* церквей къ *материымъ* такое же, какъ и въ остальныхъ двухъ епархіяхъ). Кромѣ *дочерныхъ* церквей, при нѣкоторыхъ *материыхъ* церквахъ имѣются каплицы; напр., во Львовской епархіи въ 1900 г таковыхъ каплицъ было 28. Еще характернѣе въ данномъ случаѣ свѣдѣнія объ отношеніи *материыхъ* и *дочерныхъ* церквей въ отдѣльныхъ приходахъ. Есть, напр, приходы, которые имѣютъ въ себѣ, при одной *материей*, но двѣ и даже по три *дочерныхъ* церкви, причемъ не всегда настоятели такихъ приходовъ имѣютъ у себя сотрудниковъ. Понятно теперь, какъ неблагопріятно все это должно отзываться на пастырской дѣятельности русскихъ священниковъ въ Галиціи. Несомнѣнно, что, вслѣдствіе многочисленности паствы, множества церквей и школъ въ приходѣ, русскіе священники въ Галиціи физически не могутъ быть вполнѣ исправными не только въ дѣлѣ пастырства и катихизаціи, но даже и въ отношеніи священнослуженія. Сами галицко-русскіе священники, какъ мы видѣли, желаютъ облегчить свое положеніе чрезъ увеличеніе т. н. *систематизированныхъ* (т. е. штатныхъ) сотрудниковъ. Но едва ли эта мѣра можетъ быть признана дѣйствительною и радикальною. Сотрудникъ, какъ несамостоятельный и временный дѣятель, не можетъ замѣнить настоящаго пастыря, дѣятеля самостоятельнаго и отвѣтственнаго. Поэтому, гораздо полезнѣе для дѣла было бы образованіе самостоятельныхъ „приходовъ“ при каждой церкви т. н. дочерней, разумѣется, при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы правительство на счетъ т. н. „религійнаго фонда“ вознаградило теперешнихъ галицко-русскихъ священниковъ, матеріальные интересы которыхъ, при такой реформѣ, обязательно должны пострадать, и обезпечило матеріальное положеніе новыхъ „приходниковъ“.

Что касается церквей галицко-русскихъ, то со стороны своего внѣшняго благоустройства онѣ весьма разнообразны. Въ этомъ отношеніи существуетъ большое различіе, прежде всего, между городскими и сельскими церквями. Городскія церкви въ Галиціи—преимущественно каменныя, просторныя, свѣтлыя

и довольно красивой архитектуры, представляющей оригинальное смѣшеніе византійскаго съ западно-европейскимъ стилемъ.

Самыя лучшія церкви находятся несомнѣнно во Львовѣ, главномъ городѣ Галиціи. Есть между ними и весьма дорогія, по своей судьбѣ, для всякаго православно-русскаго человѣка. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи должно быть, безспорно, отведено церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, находящейся на улицѣ Русской, рядомъ съ зданіемъ Ставропигійскаго института, и извѣстной подъ именемъ *Волошской*. Называется она такъ потому, что построена на средства Волошскихъ (Молдавскихъ) господарей. Построена эта церковь въ XVI в. на мѣстѣ прежней церкви, существовавшей съ начала XVI в. и сгорѣвшей въ 1527 г. Въ XVII в. она была значительно расширена на средства Молдавскихъ господарей изъ рода Могилъ и освящена въ 1631 г. Рядомъ съ церковью находится высокая, 6—7 ярусная колокольня, имѣющая форму башни и устроенная въ1570—1580 гг. Константиномъ Корніактомъ. Церковь и колокольня построены изъ тесаннаго камня, въ стилѣ renaissance, изобилуютъ пилястрами и арками съ дорическимъ карнизомъ и скульптурными украшеніями. Великолѣпный храмъ увѣнчивается 3 куполами. Церковь сравнительно невелика, но свѣтла и уютна. Она представляетъ продолговатый 4-угольникъ, заканчивающійся полукруглымъ абсидомъ. 4 тосканскія колонны дѣлятъ храмъ по длинѣ его на три части, изъ коихъ первую и третью покрываютъ крестообразно пересѣкающіеся своды, а надъ среднею, оканчивающеюся стрѣльчатыми аркадами, возвышается куполъ, украшенный гербами московскихъ великихъ князей, польскихъ королей и молдавскихъ господарей. Другой куполъ находится надъ хорами, при входѣ въ храмъ, а третій надъ алтарною частію. Иконостасъ—XVII в., невысокій, въ стилѣ гососсо. Съ лѣвой стороны церкви, во дворѣ, находится часовня, построенная въ 1672 г., украшенная снаружи и внутри оригинальными барельефами и вообще представляющая драгоцѣнный архитектурный памятникъ въ византійскомъ стилѣ.

Не менѣе замѣчательна и церковь св. Георгія, или, какъ во Львовѣ принято выражаться, св. Юра, каѳедральный храмъ, при которомъ находится резиденція галицко-русскаго митрополита Храмъ этотъ построенъ въ половинѣ XVIII в. львовскими уніатскими епископами—Аѳанасіемъ и Леонтіемъ Шептицкими для монаховъ-базиліанъ, на мѣстѣ принадлежавшей послѣднимъ древней деревянной церкви. Въ 1817 г базиліане были переведены къ церкви св. Онуфрія, а монастырь ихъ былъ превращенъ въ каѳедральную капитулу, при чемъ храмъ св. Юра сдѣлался митрополичьею церковью. Особенно замѣчательно мѣстоположеніе храма. Онъ находится на высокой горѣ, господствующей надъ Львовомъ. Величественный храмъ имѣетъ форму греческаго креста, устроенъ въ стилѣ гососсо, зданіе увѣнчивается красивыми широкими куполами, фасадъ украшенъ конною статуею св. великомуч. Георгія Побѣдоносца, а всѣ колонны и пилястры—красивыми вазами. Внутри храмъ св. Юра, въ отличіе отъ Волошской церкви, болѣе похожъ на католическій костелъ, чѣмъ на уніатскую церковь. Алтарь находится въ западной сторонѣ, иконостаса почти нѣтъ, иконы очень малы, почти незамѣтны и развѣшаны на колоннахъ, стѣны храма, вмѣсто иконъ, украшены портретами митрополитовъ львовскихъ, а въ правомъ углу церкви возвышается громадная фигура папы Пія IX, по сторонамъ храма — нѣсколько открытыхъ престоловъ и между ними конфессіоналы (исповѣдальни).

Изъ другихъ церквей Львова замѣчательны или своею древностію, или оригинальною архитектурою, или же сравнительнымъ благоустройствомъ еще слѣдующія русскія церкви: св. Онуфрія при базиліанскомъ монастырѣ, св. Параскевы съ 5-ти яруснымъ, совершенно православнымъ, богато раззолоченнымъ иконостасомъ, св. Николая на Жолкевской улицѣ, св. Духа при семинаріи и еще только строющаяся новая каѳедральная церковь.

Въ Перемышлѣ замѣчателенъ каѳедральный храмъ св. Іоанна Предтечи, въ Галичѣ церковь Богородичная и въ Кра-

ковѣ единственная уніатская (этимъ и ограничивается ея знаменитость) церковь во имя св. Бенедикта.

Сельскія церкви намъ не пришлось видѣть вблизи. Сколько можно заключить по наблюденіямъ, сдѣланнымъ изъ вагона желѣзной дороги, которая, пересѣкая Галицію поперекъ, даетъ путешественнику возможность сравнительно широкаго наблюденія, сельскія церкви въ Галиціи—преимущественно деревянныя, незатѣйливой архитектуры Въ глаза ярко бросается мизерность и бѣдность уніатскихъ церквей по сравненію съ возвышающимися гордо рядомъ съ ними римско-католическими костелами. Сразу видно, что если въ такихъ центрахъ Галицкой Руси, какъ Перемышль и особенно Львовъ, унія стоитъ еще болѣе или менѣе прочно, то въ селахъ она уже совершенно подавлена католичествомъ.

Судя по печатнымъ извѣстіямъ, внутреннее устройство и украшеніе большинства уніатскихъ церквей въ Галиціи, особенно же сельскихъ, отличается поразительною бѣдностію, крайнимъ убожествомъ. Объясняется это тѣмъ, что русское населеніе Галиціи, состоящее, какъ мы выше видѣли, преимущественно изъ крестьянъ и мелкихъ мѣщанъ, очень бѣдно, а въ послѣдніе годы особенно обѣднѣло.

Для воспособленія приходамъ, которые отъ времени до времени рѣшаются строить новыя, или же ремонтировать старыя церкви, въ Галиціи существуетъ особый „фондъ построенія новыхъ и обновленія старыхъ“ уніатскихъ церквей. По львовской епархіи въ 1901 г. этотъ фондъ равнялся 8.766 кор. 95 гел.

Кромѣ того, въ галицко-русской церкви существуетъ особое общество подъ именемъ „Ризницы“. Ближайшая цѣль этого симпатичнаго общества заключается въ снабженіи галицко-русскихъ церквей различными предметами церковной утвари.

Въ Галиціи вся торговля сосредоточена въ рукахъ евреевъ. Эти послѣдніе были прежде поставщиками и всѣхъ предметовъ церковной утвари для галицко русскихъ церквей. Ре-

лигіозное чувство ревнителей галицко-русской церкви давно возмущалось этимъ ненормальнымъ явленіемъ. Къ тому же еврейскія фирмы, по обыкновенію своему, страшно эксплоатировали галицко-русскія церкви и духовенство. Тогда и возникла среди нѣкоторой части галицко-русскаго духовенства мысль объ освобожденіи церквей отъ еврейской зависимости и эксплоатаціи путемъ учрежденія общества подъ именемъ „Ризницы“. Основной капиталъ общества образовался изъ членскихъ взносовъ преимущественно отъ самихъ же церквей и священниковъ. „Ризница“ выдѣлываетъ и торгуетъ всѣмъ, что необходимо для церквей: сосудами, крестами, иконами, облаченіями и т. п. Ближайшая цѣль учрежденія „Ризницы“— освобожденіе галицко-русскихъ церквей отъ зависимости со стороны еврейскихъ эксплоататоровъ—была скоро и весьма успѣшно достигнута. Еврейскія фирмы, богатѣвшія торговлею церковными вещами, прекратили свое существованіе, а христіанскія фирмы, однородныя съ обществомъ „Ризницей“, значительно понизили цѣны на всѣ предметы церковно-богослужебнаго обихода. Но задача „Ризницы“—далеко не исключительно торгово-промышленная Общество это есть церковное и въ высокой степени гуманно-благотворительное. „Ризница“ даетъ 40% чистаго своего дохода въ пользу фонда вдовъ и сиротъ галицко-русскаго духовенства, 10% отлагаетъ въ капиталъ, собираемый для учрежденія пріюта-богадѣльни для совершенно неимущихъ вдовъ и сиротъ священническихъ, даетъ мѣста крайне бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ священниковъ въ своихъ магазинахъ и швейняхъ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ ссужаетъ въ долгъ церкви и братства церковными вещами и, сверхъ всего этого, роздала до 1000 кор. нуждающимся церквамъ и бурсамъ (низшимъ русскимъ училищамъ). Въ самое послѣднее время среди галицко-русскаго духовенства и ближайшимъ образомъ среди управителей „Ризницы“ возникла мысль объ учрежденіи на собранный „Ризницею“ капиталъ, вмѣсто проэктированнаго пріюта для вдовъ и сиротъ, которыя съ 1896 г. пользуются пенсіей, училища для

дѣвочекъ—дочерей галицко-русскаго духовенства. Вопросъ объ этомъ возбужденъ на одномъ изъ послѣднихъ собраній „Ризницы“ и, къ сожалѣнію, вызвалъ сильный расколъ среди галицко-русскаго духовенства, дотолѣ согласно участвовавшаго въ дѣятельности и сочувствовавшаго интересамъ „Ризницы“.

Причина происшедшаго раскола, впрочемъ, заключается не въ самой дѣятельности „Ризницы“ Эта причина коренится въ господствующей среди галицко-русскаго духовенства партійной борьбѣ.

Дѣло въ томъ, что завѣдываніе дѣлами „Ризницы“ до послѣдняго времени находилось въ рукахъ духовенства, принадлежащаго къ старо-русской, или народно-русской партіи. Въ то же самое время единственное во всей Галиціи женское учебное заведеніе, въ которомъ доселѣ могли получать образованіе,—сколько-нибудь удовлетворительное и соотвѣтственное интересамъ русскаго народа вообще и, въ частности, русской церкви и духовенства въ Галиціи,—именно женскій институтъ въ Перемышлѣ перешелъ недавно въ руки сторонниковъ младо-русской, или украинофильской партіи, крайнихъ сепаратистовъ, которые стремятся всячески оттереть отъ института не только духовенство народно-русской партіи, но и вообще бѣлое духовенство. Въ виду этого среди членовъ и дѣятелей „Ризницы“ возникла симпатичная мысль основать свой женскій институтъ, въ которомъ могли бы воспитываться дочери духовенства. Но противъ этого проэкта со всею рѣшительностію выступили члены „Ризницы“, принадлежащіе къ украино-фильской партіи, и въ своемъ ожесточеніи противъ своихъ же собратьевъ дошли до того, что объявили даже бойкотированіе „Ризницы“ .. Печальная картина этого бойкотированія, чрезвычайно ярко характеризующая нравы галицко-русскаго духовенства и особенно извѣстной части его, и нынѣ продолжаетъ смущать всѣхъ преданныхъ и благоразумныхъ членовъ галицко-русской церкви.

IV.

Галицко-русскіе дьяки.

Клиръ галицко-русской греко-католической церкви, по подобію римско-католической церкви, состоитъ изъ епископовъ и пресвитеровъ. Діаконовъ въ ней нѣтъ. Только при архіерейской капитулѣ имѣется должность архидіакона, но и то почетная, которую занимаетъ обыкновенно одинъ изъ самыхъ видныхъ крылошанъ—протоіереевъ. Во Львовѣ, напр., должность эту занимаетъ бывшій ректоръ духовной семинаріи, митрофорный протоіерей Л. Туркевичъ.

Причтъ каждой отдѣльной церкви, такимъ образомъ, состоитъ изъ священника, или же, въ большихъ приходахъ, изъ нѣсколькихъ священниковъ Помощниками священниковъ, преимущественно въ дѣлѣ совершенія богослуженія и требоисправленія, являются т. н. *дьяки.* Дьяки въ Галиціи до недавняго еще времени сохраняли типъ древняго русскаго дьяка, долѣе всего существовавшій у насъ въ малороссійскихъ епархіяхъ. Галицко-русскій *дьякъ* еще въ недавнее сравнительно время былъ столько же церковнымъ чтецомъ и пѣвцомъ, сколько и насадителемъ и распространителемъ элементарной грамоты среди русскаго населенія Галиціи. Дьякъ галицко-русскій былъ преимущественно вольнонаемнымъ служителемъ церкви. На обязанности его лежало читать и пѣть во время богослуженія и при требоисправленіяхъ, а также слѣдить за чистотою и порядкомъ въ церкви. Очень часто дьякъ церковный бывалъ служителемъ священника, отъ котораго главнымъ образомъ зависѣло и опредѣленіе, служеніе и увольненіе его отъ должности. Высшая церковная власть не обращала почти никакого вниманія на дьяковское сословіе, которое, поэтому, было безправнымъ, бѣднымъ и униженнымъ.

Въ средѣ этого сословія господствовали недостатки, которые бываютъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ бѣдности, забитости

и безправія. Прежде всего, галицко-русскіе дьяки до самаго недавняго времени были почти поголовно невѣжественны. Это объясняется просто тѣмъ, что они не получали обыкновенно никакого школьнаго образованія. Да тогда не существовало въ Галиціи и такихъ школъ, гдѣ бы кандидаты дьяковства могли получить хоть какое-либо образованіе.

Другимъ недостаткомъ дьяковскаго сословія, сильно распространеннымъ среди него и теперь, служитъ пьянство. Пьянство до такой степени обычно для галицко-русскаго дьяка, что составляло до недавняго времени едва ли не самую характеристическую черту его. На этотъ недостатокъ указываетъ и галицко-русская пословица: „что ни дьякъ, то піякъ“.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что какъ теперь, такъ и прежде существовали среди дьяковскаго сословія въ Галиціи добрые, симпатичные типы. Встрѣчались въ Галиціи и даже не такъ ужъ рѣдко дьяки, которые были не только хорошими чтецами и пѣвцами въ церкви, но и вмѣстѣ съ тѣмъ добрыми и усердными распространителями грамотности среди русскаго народа въ Галиціи. Въ настоящее время подобныя личности встрѣчаются еще чаще.

Кромѣ того, въ послѣднее время, такъ-же какъ и прежде, дьяки, помимо прямыхъ своихъ обязанностей, исполняютъ и другія должности, являясь весьма полезными дѣятелями общественной русской жизни въ Галиціи. Благодаря тому, что дьяки выходятъ изъ среды самаго же народа и очень часто являются въ селахъ единственно грамотными людьми, галицко русскіе дьяки очень часто исполняютъ въ селахъ обязанности сельскихъ господарей, громадскихъ писарей, завѣдующихъ общественными лавками, нерѣдко даже начальниками сельскихъ громадъ. Благодаря всему этому, дьяки галицко-русскіе находятся въ ближайшей и тѣснѣйшей связи съ народомъ, знаютъ его нужды, потребности, недостатки, прекрасно понимаютъ духъ и настроеніе народной массы. Такимъ образомъ, дьяки, при умѣломъ и хорошемъ руководствѣ ими, могли бы являться и быть весьма полезными помощниками галицко-

русскихъ священниковъ въ ихъ пастырской и общественной дѣятельности.

Къ сожалѣнію, этого нѣтъ въ дѣйствительности. Зависитъ это, кажется, больше всего отъ неправильныхъ отношеній, существующихъ между священниками и дьяками. Галицкорусскіе священники, сколько позволяютъ намъ судить о томъ наши наблюденія, и теперь относятся къ дьякамъ очень пренебрежительно, глядя на нихъ не столько какъ на своихъ помощниковъ, при совершеніи богослуженія и требоисправленій, сколько какъ на церковныхъ и *своихъ* служителей. Галицкорусскій дьякъ и теперь, какъ прежде, является не штатнымъ, постояннымъ членомъ церковнаго причта, а вольно-наемнымъ церковникомъ.

Впрочемъ, въ послѣднее время въ Галиціи обращено серьезное вниманіе на прискорбное положеніе дьяковъ. Прежде всего, принимаются мѣры къ тому, чтобы хоть сколько-нибудь возвысить умственный уровень дьяковскаго сословія. Съ этою цѣлію во Львовѣ, Перемышлѣ и Станиславовѣ устроены спеціальныя дьяковскія школы. Въ этихъ школахъ обращается особенное вниманіе на обученіе кандидатовъ дьяковства церковному чтенію и пѣнію и знанію церковнаго устава. Сколько можно судить по печатнымъ свѣдѣніямъ о томъ, нынѣшнія дьяковскія школы въ Галиціи имѣютъ много существенныхъ недостатковъ въ своей организаціи. На это теперь обращено вниманіе и заявляются настойчивыя требованія открытія новыхъ дьяковскихъ школъ, или же, по крайней мѣрѣ, радикальнаго реформированія нынѣ существующихъ.

Въ послѣднее время во всѣхъ трехъ епархіяхъ галицкорусской церкви при консисторіяхъ образованы особыя коммиссіи, которыя въ установленные сроки производятъ испытанія всѣмъ кандидатамъ, ищущимъ дьяковскаго званія. Мѣра эта, недавно еще введенная, оказала самое благодѣтельное вліяніе на дьяковское сословіе въ Галиціи.

Съ тою же самою цѣлію—внести хотя какой-либо умственный свѣтъ въ массу дьяковскаго сословія — основанъ

особый печатный органъ для дьяковъ подъ заглавіемъ: *„Дьяковскій гласъ“*.

Не менѣе серьезныя и дѣятельныя мѣры принимаются и къ тому, чтобы облегчить и улучшить тяжкое и крайне бѣдственное матеріальное положеніе галицко-русскихъ дьяковъ.

Съ этою цѣлію вотъ уже нѣсколько лѣтъ во всѣхъ трехъ епархіяхъ галицко-русской церкви функціонируютъ особыя *дьяковскія общества*. Главная задача дѣятельности этихъ обществъ, состоящихъ подъ покровительствомъ высшей епархіальной власти, заключается въ изысканіи и собираніи средствъ для помощи нуждающимся дьякамъ.

Съ особенною энергіею дьяковскія общества стремятся добиться у правительствъ—центральнаго и мѣстнаго—назначенія опредѣленнаго содержанія галицко-русскимъ дьякамъ. Съ этою цѣлію дьяковскія общества ежегодно высылаютъ свои петиціи и особыя депутаціи на сеймъ.

И хотя доселѣ просимое содержаніе дьякамъ еще не назначено, но нельзя сказать, чтобы дѣятельность дьяковскихъ обществъ въ этомъ направленіи оставалась совершенно безрезультатною. Вопросъ о назначеніи содержанія дьякамъ и объ установленіи опредѣленной платы имъ за исполняемыя ими обязанности не сходитъ съ очереди неотложныхъ вопросовъ сеймоваго обсужденія съ 1889 года.

Главнымъ мотивомъ домогательства дьяковскихъ обществъ и всѣхъ вообще лицъ, стремящихся хоть сколько-нибудь облегчить матеріальное положеніе дьяковскаго сословія, служитъ то совершенно резонное соображеніе, что большинство галицко-русскихъ дьяковъ, какъ мы видѣли, кромѣ исполненія прямыхъ своихъ служебныхъ обязанностей, исполняетъ много и другихъ важныхъ функцій общественно-народной дѣятельности.

Не меньшую энергію обнаруживаютъ дьяковскія общества и въ изысканіи и собираніи матеріальныхъ средствъ другими путями и способами. Такъ, напр., общества эти въ послѣднее время, по иниціативѣ священника Танякевича, одного изъ ревностнѣйшихъ дѣятелей по улучшенію матеріаль-

наго быта галицко-русскихъ дьяковъ, устраиваютъ спеціальныя *дьяковскія лоттереи*. Доходъ съ этихъ лоттерей поступаетъ въ капиталъ, съ процентовъ котораго выдаются пособія бѣднѣйшимъ дьякамъ, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ.

V.

Высшая іерархія галицко-русской церкви.

Галицко-русская греко-католическая церковь, по своему управленію и устройству, принадлежитъ къ типу т. н. митрополій, но съ существенными отличіями отъ митрополитальной формы устройства и управленія, какая существуетъ въ православной церкви.

Эта существенная особенность галицко-русской греко-католической митрополіи отъ нашихъ митрополій-церквей заключается въ томъ, что первая не есть автокефальная церковь. Галицко-русская митрополія не только признаетъ римскаго папу своимъ главою, что̀ имѣетъ болѣе догматическое, нежели каноническое значеніе, но и находится въ подчиненіи ему.

Римскій папа, однакоже, управляетъ галицко-русскою греко-католическою церковью не самъ непосредственно, а черезъ посредство особой конгрегаціи propagandae de fide. Черезъ посредство этой послѣдней конгрегаціи папа разрѣшаетъ для галицко-русской церкви рѣдкіе, недоумѣнные или же вообще въ какомъ-либо отношеніи трудно разрѣшимые случаи супружескихъ дѣлъ, вопросы о переходахъ изъ римско-католическаго въ греко-католическій обрядъ, и наоборотъ, прошенія объ „отпустахъ“ для отдѣльныхъ церквей, наконецъ, нѣкоторыя дѣла обрядоваго и чисто литургійнаго, или дисциплинарнаго характера. Впрочемъ, въ послѣдніе годы, когда галицко русская церковь, въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, базиліанъ-монаховъ, поставлена подъ контроль и опеку о. о. іезуитовъ, дѣла литургійнаго свойства разрѣшаются преимущественно провинціальнымъ синодомъ; вопросы о переходѣ изъ

одного обряда въ другой восходятъ, черезъ посредство пропаганды de fide, на судъ папы въ тѣхъ только случаяхъ, когда римско-католическая и греко-католическая консисторіи неодинаково выскажутся по этимъ вопросамъ.

Помимо и безъ посредничества пропаганды de fide, римскій папа только *преконизуетъ*, т. е. утверждаетъ галицко-русскаго митрополита въ его званіи. Въ случаѣ освобожденія мѣста митрополита галицко-русской церкви, министерство исповѣданій входитъ въ соглашеніе съ римскою нунціатурою въ Австріи и государственнымъ секретаріатомъ, а затѣмъ государственный секретаріатъ чрезъ консисторскую конгрегацію представляетъ избраннаго кандидата на утвержденіе папѣ.

Въ послѣднее время въ Галиціи возникъ сильный протестъ противъ такого отношенія галицко-русской церкви къ апостольскому престолу ,именно: противъ подчиненія ея конгрегаціи propagandae de fide. Галицко-русскіе ревнители вѣры и патріоты справедливо видятъ въ подчиненіи конгрегаціи propagandae de fide униженіе своей церкви. Конгрегація propagandae de fide учреждена и существуетъ при папскомъ престолѣ собственно для распространенія католической вѣры между язычниками и для обращенія еретиковъ. Такимъ образомъ, подчиненіе галицко-русской церкви этой конгрегаціи implicite заключаетъ въ себѣ предположеніе, что между галицко-русскими уніатами необходимо еще распространеніе католической вѣры и что, слѣдовательно, они еще недостаточно правовѣрные католики, подобно язычникамъ и еретикамъ. Въ виду этого нынѣшнему галицко-русскому митрополиту Андрею Шептицкому предъявлена была русскими галичанами просьба о томъ, чтобы онъ, во время прошлогодняго своего путешествія въ Римъ, ходатайствовалъ тамъ объ установленіи непосредственнаго подчиненія галицко-русской церкви святѣйшему отцу, съ устраненіемъ конгрегаціи propagandae de fide. Ближайшимъ поводомъ къ возбужденію галичанами этого вопроса послужило несомнѣнно также еще и то обстоятельство, что во главѣ конгрегаціи pro-

pagandae de fide въ послѣднее время стоялъ извѣстный ненавистникъ русскаго народа, недавно умершій (22 іюля 1902 г.) кардиналъ Ледоховскій. Неизвѣстно, какъ ходатайствовалъ въ Римѣ галицко-русскій митрополитъ и даже ходатайствовалъ ли онъ вообще объ этомъ. Знаемъ только, что 7/20 августа 1902 года онъ издалъ свое обширное пастырское посланіе по дѣлу конгрегаціи propagandae de fide и русско-американскаго церковнаго раскола. Первая часть сего посланія специально посвящена доказательству той мысли, что въ подчиненіи галицко-русской церковной провинціи конгрегаціи propagandae de fide нѣтъ ничего ни оскорбительнаго и унизительнаго для галицко-русской церкви, ни исключительнаго, потому что папа управляетъ и всѣми другими церковными провинціями не самъ непосредственно, а чрезъ посредство различныхъ конгрегацій, или же отдѣльныхъ чиновниковъ, а съ другой стороны, подчиненіе галицко-русской церкви другой какой-либо конгрегаціи, кромѣ propagandae de fide, принесло бы вмѣсто пользы только одинъ вредъ. Неизвѣстно, какое впечатлѣніе на русскихъ галичанъ произвело это посланіе митрополита. Думается намъ, что галицко-русскую церковь успокоитъ не столько это посланіе митрополита, страдающее отсутствіемъ искренности и прямоты, сколько смерть предсѣдателя конгрегаціи propagandae de fide, „руссоѣда“, какъ его называли въ Галиціи, кардинала Ледоховскаго. За исключеніемъ вышеуказанныхъ случаевъ, галицко-русская церковь во внутренней своей жизни и управленіи пользуется, по крайней мѣрѣ, de jure правомъ извѣстнаго самоуправленія.

Представителемъ всей галицко-русской церкви является галицко-русскій митрополитъ, имѣющій такой оффиціальный титулъ: „Божіею милостію и святого апостольскаго престола благословеніемъ митрополитъ галицкій, архіепископъ львовскій, епископъ каменецкій, членъ палаты вельможъ Австрійской державной думы (верховнаго совѣта), членъ и вице-маршалокъ сейма королевства Галичины и Володимиріи съ великимъ княжествомъ Краковскимъ“.

Митрополитъ „преконизуетъ“ епископовъ: Перемышльскаго и Станиславовскаго. Онъ же, въ случаяхъ нужды, созываетъ ихъ на соборъ, или т. н. провинціальный синодъ. Митрополитъ состоитъ предсѣдателемъ суда церковнаго, который служитъ инстанціальнымъ судомъ для епархій: Перемышльской и Станиславовской.

Въ настоящее время высокій и вліятельный постъ галицко-русскаго митрополита занимаетъ „высокопреосвященный и всесвѣтлѣйшій киръ Андрей Александръ графъ на Шептицкихъ Шептицкій“.

Митрополитъ Андрей Шептицкій, о которомъ мы уже неоднократно упоминали въ своихъ предыдущихъ рѣчахъ о галицко-русскомъ духовенствѣ, представляетъ личность во многихъ отношеніяхъ замѣчательную, любопытную и даже загадочную.

Митрополитъ Андрей Шептицкій сравнительно еще очень молодой архіерей. Онъ – сынъ польскаго графа Яна Шептицкаго, сеймоваго посла, предсѣдателя уѣзднаго совѣта въ Яворовѣ, помѣщика въ Прилбичахъ, и его жены Софіи, дочери извѣстнаго польскаго драматурга гр. Александра Фредры. Онъ родился въ родовомъ имѣніи отца Прилбичахъ 29 іюля 1865 г. и въ мірѣ назывался Александромъ. Родители митрополита Андрея Шептицкаго доселѣ живы и принадлежатъ къ одной изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ фамилій польскихъ въ краѣ. Но родъ графовъ Шептицкихъ, сравнительно недавно ополяченный, принадлежитъ къ числу извѣстныхъ старинныхъ русскихъ родовъ. Какъ видно изъ рѣчи покойнаго д-ра Исидора Шараневича, сказанной на другой день послѣ интронизаціи митрополита, при представленіи новому митрополиту различныхъ русскихъ обществъ и учрежденій, родъ Шептицкихъ есть старо-русскій боярскій родъ, корнемъ своимъ восходящій до галицко-русскаго князя Льва, знаменитаго основателя города Львова. Члены рода Шептицкихъ были всегда ревностными поборниками русской (т. е. православной до 1700 г) вѣры и русскаго обряда, при чемъ въ теченіе многихъ вѣковъ

одни изъ нихъ прославились рыцарскими подвигами, а другіе своими заслугами въ области церковной и гражданской жизни, или же просто содѣйствовали распространенію просвѣщенія въ своемъ народѣ; такъ, напр., родоначальниками нынѣшняго митрополита были основаны въ свое время славяно-русскія типографіи въ Угерцахъ, Уневѣ и Почаевѣ. Были въ родѣ Шептицкихъ, какъ и въ другихъ благочестивыхъ старо-русскихъ фамиліяхъ, и монахи, которые мѣняли рыцарскіе доспѣхи и славу военную на скромныя монашескія келліи и одежду и всѣ силы свои посвящали на служеніе родной церкви. Три изъ нихъ, именно: Варлаамъ, Аѳанасій и Левъ занимали епископскую каѳедру Львова въ XVIII в., при чемъ Аѳанасій и Левъ были вмѣстѣ и митрополитами галицко-русскими и *кіевскими*, какъ они назывались тогда. Въ послѣднее время, впрочемъ, родъ Шептицкій, главнымъ образомъ вслѣдствіе брачныхъ связей съ различными польскими фамиліями (напр., Яблоновскихъ, Фредровъ и др.), совершенно ополячился и—что самое важное—окатоличился. Нынѣшній митрополитъ Андрей Шептицкій—также *католикъ по рожденію* и по воспитанію.

Первоначальное образованіе гр. Александръ Шептицкій, какъ именовался въ мірѣ нынѣшній галицко-русскій митрополитъ, получилъ въ краковской гимназіи, а высшее—въ Краковскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ, отъ котораго, по выдержаніи экзамена, получилъ степень доктора правъ. По окончаніи университетскаго образованія, молодой графъ въ теченіе одного года отбывалъ военную службу въ качествѣ добровольца и получилъ званіе резервнаго офицера. По свѣдѣніямъ періодической печати, появившимся во время уже назначенія Шептицкаго на должность митрополита, онъ въ военной службѣ тяжко заболѣлъ и тогда далъ, будто бы, обѣтъ, что если выздоровѣетъ, то возвратится къ вѣрѣ своихъ предковъ и пострижется въ монахи. Съ большимъ трудомъ ему, будто бы, удалось сдержать этотъ свой обѣтъ и получить разрѣшеніе отъ римской куріи на переходъ изъ римско-

католическаго обряда въ греко-католическій. Тотчасъ же послѣ перехода въ греко-католичество, молодой (26-лѣтній) графъ Александръ Шептицкій принялъ монашество и имя Андрея Это случилось какъ разъ въ то время, когда, съ согласія и при содѣйствіи печальной памяти галицко-русскаго митрополита—кардинала Сильвестра Сембратовича, базиліанскіе монастыри галицко-русской церкви были реформированы и отданы подъ руководство и въ опеку о.о. іезуитамъ. Такимъ образомъ, новый монахъ-базиліанинъ, съ первыхъ же шаговъ своей иноческой жизни и дѣятельности, сталъ ученикомъ о.о. іезуитовъ. Приходилось намъ слышать, что и самый переходъ молодого графа въ греко-католичество изъ римско-католичества и вся послѣдующая карьера его служебная была устроена тѣми же почтенными о.о. іезуитами.

Въ качествѣ монаха чина св. Василія Великаго будущій митрополитъ заявилъ себя строгимъ аскетомъ и самоотверженнымъ миссіонеромъ. Впослѣдствіи онъ былъ magistr'омъ novitiorum въ Добромышльскомъ монастырѣ, игуменомъ базиліанскаго монастыря св. Онуфрія во Львовѣ и въ 1898 году профессоромъ богословія въ Христинопольскомъ монастырѣ. Въ 1899 году онъ сдѣлался епископомъ Станиславовскимъ, имѣя отъ роду только 34 года.

Въ качествѣ епископа Станиславовскаго, Андрей Шептицкій пріобрѣлъ себѣ широкую симпатію среди русскаго духовенства и общества своею энергичною дѣятельностію, общительностію, глубокою образованностію и рѣшительною защитою интересовъ русской церкви и русскаго народа. Пріобрѣтеніе этой популярности давалось ему, однакоже, съ великимъ трудомъ. Зависѣло это, главнымъ образомъ, отъ того, что, сдѣлавшись епископомъ Станиславовскимъ, онъ вступилъ въ сферу, съ которою былъ совершенно незнакомъ и для дѣятельности въ которой онъ былъ рѣшительно неподготовленъ всею своею предшествующею жизнію: воспитаніемъ, образованіемъ и службою.

Но то, чего ему недоставало, образованный и талантливый епископъ старался восполнить, не щадя ни силъ, ни труда для этого, преподѣждая на этомъ пути самыя, казалось бы, непреодолимыя препятствія. Онъ часто заѣзжалъ и заѣзжалъ къ приходскимъ священникамъ частнымъ образомъ и знакомился съ ихъ жизнію, бытомъ и условіями ихъ пастырской дѣятельности. Иногда онъ появлялся даже среди массы простого русскаго народа и непринужденно бесѣдовалъ съ нимъ о его нуждахъ. При канонической визитаціи приходовъ Станиславовской епархіи, онъ входилъ во всѣ стороны церковно-приходской жизни, съ рѣдкимъ усердіемъ говорилъ т. н. реколекціи (т. е. пастырскія наставленія) и экзгортаціи (увѣщанія) духовенству и проповѣди народу, посѣщалъ гимназіи и народныя школы, гдѣ усердно испытывалъ русскихъ учениковъ въ знаніи ими религіи. Въ то же самое время онъ принималъ мѣры къ охраненію чистоты греко-католическаго церковнаго обряда и всѣхъ памятниковъ русской церковной старины. Съ этою цѣлію онъ издавалъ распоряженія о томъ, чтобы русское духовенство ни подъ какимъ видомъ не уничтожало и не продавало изъ церквей старинныхъ вещей, напр., богослужебныхъ книгъ, облаченій, священныхъ сосудовъ и т. п., учредилъ въ Станиславовѣ музей и, по назначеніи на должность митрополита, подарилъ Станиславовской капитулѣ свою богатую библіотеку, изобилующую весьма рѣдкими и цѣнными русскими изданіями. Въ бытность свою Станиславовскимъ епископомъ, онъ рѣшительно и смѣло возставалъ противъ факта подчиненія галицко-русской церкви конгрегаціи propagandae de fide, существующей спеціально для распространенія католичества между язычниками и обращенія еретиковъ, т. е. противъ того, что онъ, какъ мы видѣли, теперь защищаетъ.

Все это доставило Станкславовскому епископу Андрею Шептицкому популярность и любовь среди галицко-русскаго духовенства и народа, и, вмѣстѣ съ родовитостью и широкими связями въ высшемъ аристократическомъ обществѣ, безъ со-

мнѣнія, проложило скорый и легкій путь къ занятію настоящаго высокаго и вліятельнаго положенія.

21 апрѣля 1900 года скончался галицко-русскій митрополитъ Юліанъ Куиловскій. Общественное мнѣніе въ Галиціи тогда же намѣтило молодого Станиславовскаго епископа, какъ самаго вѣроятнаго и желательнаго кандидата на постъ митрополита. Единственное чисто формальное препятствіе заключалось только въ томъ, что Андрей Шептицкій былъ базиліанинъ; между тѣмъ какъ со временъ австрійскаго владычества въ Галиціи, слѣдовательно, въ теченіе 100 лѣтъ не было примѣра, чтобы митрополичій престолъ занималъ базиліанинъ. До того времени въ Галиціи епископы и митрополиты избирались обязательно изъ монаховъ базиліанскаго ордена. Но австрійское правительство отмѣнило правило Замойскаго собора: nemo episcopus, nisi monachus, и основанный на немъ порядокъ избранія епископовъ и митрополитовъ. Впрочемъ, это препятствіе значительно ослаблялось уже тѣмъ, что Андрей Шептицкій былъ готовымъ епископомъ, тѣмъ болѣе, что австрійское правительство и римская курія были на сторонѣ его кандидатуры, а галицко-русское общество нисколько не противилось ей.

Назначеніе Андрея Шептицкаго митрополитомъ замедлилось нѣсколько единственно только благодаря тому, что онъ не соглашался на требованіе правительства выдавать изъ средствъ митрополичьей каѳедры 12,000 гульденовъ бывшему галицко-русскому митрополиту, доблестному русскому патріоту Іосифу Сембратовичу, который былъ незаконно удаленъ съ каѳедры и заточенъ въ Римъ за то, что противился окатоличенію своей церкви, и которому правительство обязалось платить 12,000-ную ежегодную пенсію. Андрей Шептицкій не соглашался принять на себя уплату сей пенсіи, совершенно справедливо считая это симоніей. Только, по улаженіи этого затрудненія, 31 сентября Андрей Шептицкій былъ номинованъ правительствомъ и 17 декабря 1900 г. преконизованъ папою въ званіи галицко-русскаго митрополита.

Назначеніе Станиславовскаго епископа Андрея митрополитомъ было встрѣчено общею радостію во всѣхъ кругахъ и корпораціяхъ русскаго общества въ Галиціи. Когда новоназначенный митрополитъ ѣхалъ изъ Рима въ Галицію чрезъ Инсбрукъ, то въ этомъ послѣднемъ городѣ онъ посѣтилъ извѣстнаго патріота галиційскаго, Нестора галицко-русскаго, А. И. Добрянскаго, который расплакался и, провожая митрополита, сказалъ: „теперь я уже смѣло могу сказать: „нынѣ отпущаеши раба Твоего... яко видѣста очи мои, что даже галицко-русское дворянство, отпавшее отъ вѣры отцовъ, начинаетъ возвращаться въ лоно русской церкви". Съ неменьшимъ восторгомъ собралась привѣтствовать въ то же время новаго своего митрополита и вѣнская галицко-русская молодежь, которая семь лѣтъ предъ тѣмъ встрѣчала крикомъ и тухлыми яйцами бывшаго митрополита Сильвестра Сембратовича, возвращавшагося изъ Рима въ новомъ кардинальскомъ званіи, которое онъ купилъ цѣною измѣны своей церкви и своему народу. Выразительницею симпатій какъ этой молодежи, такъ и всего вообще галицко-русскаго народа явилась вѣнская галицко-русская колонія, представитель которой, привѣтствуя митрополита, между прочимъ, сказалъ: „Само Провидѣніе Божіе посылаетъ Галицкой Руси такого крѣпкаго, умнаго и образованнаго дѣятеля, въ лицѣ митрополита, который съумѣетъ отстоять права ея и предъ Римскимъ и предъ Вѣнскимъ престоломъ, постарается смыть тѣ пятна, которыми очернили галицко-русскую церковь ея враги", и при этомъ выразилъ надежду на то, что митрополитъ и на новомъ мѣстѣ своего служенія дастъ тѣ же доказательства своей любви и привязанности ко всему русскому, которыми онъ заслужилъ себѣ всеобщую любовь въ Станиславовѣ.

Знаменателенъ и отвѣтъ митрополита привѣтствовавшей его депутаціи. „Мнѣ чрезвычайно пріятно", сказалъ онъ, „что отъ имени вашего привѣтствуетъ меня мужъ, посѣдѣвшій въ борьбѣ за права русскаго народа. *Даю вамъ свое обѣщаніе, что всѣми силами буду стараться и въ будущемъ заслужить*

себѣ любовь русскаго народа. Но для этого мнѣ необходима поддержка со стороны всѣхъ безъ различія политическихъ корпорацій, всѣхъ вѣрующихъ въ нашу святую церковь и въ спасительныя ея дѣла".

4 января 1901 года въ каѳедральной св. Георгіевской церкви г. Львова совершилась торжественная интронизація новаго митрополита. Торжество это, однакоже, омрачилось двумя весьма прискорбными инцидентами (по крайней мѣрѣ, два сдѣлались извѣстными намъ, но ихъ, говорятъ, было гораздо больше), краснорѣчиво показавшими всѣмъ, съ одной стороны, тѣ ожиданія, какія римско-католическая церковь соединяетъ съ новымъ галицко-русскимъ митрополитомъ, а съ другой стороны, и то, что и въ самомъ русскомъ обществѣ далеко не всѣ съ полнымъ довѣріемъ отнoсятся къ дѣятельности новаго митрополита, ополяченнаго католика по рожденію и родственнымъ связямъ и воспитанника іезуитовъ.

Разумѣемъ слѣдующіе факты. Львовскій армянскій арцибискупъ Исаковичъ, вручая, по распоряженію папы, pallium митрополиту Андрею Шептицкому, обратился съ слѣдующею краткою, но выразительною рѣчью къ нему: „приведи себѣ на память, какъ мы оба, когда ты былъ еще молоденькимъ монахомъ, были у кардинала Ледоховскаго въ Римѣ. *Тогда я вѣщимъ духомъ предсказалъ тебѣ твою настоящую карьеру. Сегодня же выражаю желаніе, чтобы ты послѣ самой долгой жизни не оставилъ въ семъ краѣ ни одного русина, который бы высматривалъ чужихъ боговъ, ни одного русина, который бы питалъ ненависть къ братскому племени*".

Какъ бы въ унисонъ этой привѣтственной рѣчи, проникнутой самыми прискорбными для галицко-русскаго народа ожиданіями отъ будущей дѣятельности митрополита Андрея Шептицкаго, хоръ воспитанниковъ Львовской духовной семинаріи во время самой интронизаціи митрополита пѣлъ покаянный псаломъ: „*вскую прискорбна еси, душа моя*".

Пѣніе этого покаяннаго концерта вполнѣ естественно, такъ какъ оно превосходно выражаетъ настроеніе извѣстной

части галицко-русскаго общества. Несмотря на предшествующую безукоризненную (съ русской точки зрѣнія) дѣятельность митрополита Андрея Шептицкаго, несмотря на его постоянныя увѣренія въ томъ, что онъ любитъ русскій народъ и русское духовенство, преисполненъ желанія сдѣлать тому и другому добро, часть галицко-русскаго общества никакъ не можетъ освободиться отъ разныхъ страховъ и опасеній насчетъ своего митрополита.

Галицко-русскій митрополитъ занимаетъ особенное, исключительное положеніе. Онъ есть не только начальникъ галицко-русской церкви, но и вмѣстѣ съ тѣмъ вліятельный представитель своего народа предъ высшимъ гражданскимъ правительствомъ. Отъ его дѣятельности существенно зависитъ положеніе и благополучіе галицко-русскаго народа въ краѣ и въ государствѣ.

Нельзя не согласиться съ тѣми галицко-русскими патріотами, которые находили и находятъ положеніе новаго митрополита крайне неопредѣленнымъ, двусмысленнымъ и рискованнымъ. Съ одной стороны, онъ—полякъ, католикъ, іезуитскій питомецъ, базиліанинъ; а съ другой стороны, онъ—уніатскій митрополитъ и, какъ таковой, долженъ постоянно, каждую минуту стоять на стражѣ интересовъ русской церкви и русскаго народа, къ которымъ крайне враждебно настроены какъ поляки, такъ и о.о. іезуиты.

Двойственность положенія новаго митрополита весьма ярко отображается и на всей его дѣятельности, въ качествѣ начальника русской церкви и представителя русскаго народа въ Галиціи. Съ одной стороны, онъ пишетъ посланія, въ которыхъ намѣчаетъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлію благо русскаго народа и его церкви; а съ другой стороны, онъ не принимаетъ никакихъ мѣръ къ пресѣченію весьма вредной дѣятельности базиліанскихъ монаховъ, искажающихъ уніатское богослуженіе, полонизующихъ русскихъ дѣтей въ содержимыхъ ими школахъ, вводящихъ расколъ своимъ вмѣшательствомъ въ сферу пастырской дѣятельности приходскихъ священниковъ, портящихъ церковно-богослужебныя книги и

т. п. Съ одной стороны, онъ при всякомъ случаѣ показываетъ себя защитникомъ чистоты восточнаго греко-католическаго обряда, возможно большей автономіи галицко-русской церкви, а, съ другой стороны, онъ пишетъ обширное и краснорѣчивое посланіе въ защиту сохраненія status quo въ дѣлѣ подчиненія галицко-русской церкви конгрегаціи propagandae de fide, противъ чего возставалъ онъ, въ бытность свою Станиславовскимъ епископомъ. Съ одной стороны, онъ усердно ревизуетъ приходы и церкви Львовской епархіи, „самоотверженно“ поучаетъ духовенство и народъ своими краснорѣчивыми рѣчами, сближается съ священниками и народомъ, обѣщаетъ отстаивать ихъ интересы, а, съ другой стороны, онъ молчаливо и безучастно созерцаетъ отвратительную картину происходящей нынѣ въ Галиціи польской экзекуціи надъ крестьянами, взбунтовавшимися весною и лѣтомъ минувшаго года, вслѣдствіе рѣшительной невозможности терпѣть ненавистный гнетъ страшныхъ податей и еврейской эксплоатаціи...

Но ни въ чемъ такъ рельефно не выразилась двойственность и неопредѣленность положенія митрополита Андрея Шептицкаго, какъ въ его отношеніи къ вопросамъ о сецессіи русскихъ богослововъ изъ университета и задуманной реформѣ семинаріи, о замѣщеніи Станиславовской епархіи и объ участіи галицко-русской церкви въ празднованіи 25-лѣтняго юбилея папы и соединенныхъ съ этимъ послѣднимъ событіемъ желаніяхъ галицко-русскаго народа.

Исторія перваго вопроса намъ уже извѣстна, а потому переходимъ къ рѣчи о двухъ другихъ.

Митрополитъ Андрей Шептицкій, при самомъ прощаніи своемъ съ Станиславовскою епархіею и вступленіи на митрополичью Львовскую каѳедру, издалъ пастырское посланіе къ духовенству и вѣрнымъ Станиславовской епархіи и въ этомъ посланіи обѣщалъ имъ скоро дать епископа, по ихъ желанію и нуждамъ епархіи. „Послѣдній мой совѣтъ, послѣднее мое прошеніе къ вамъ“, говоритъ онъ здѣсь, „заключается въ

слѣдующемъ. Держитесь своихъ духовныхъ отцовъ, повинуйтесь имъ, любите ихъ и не давайте никогда прельстить себя людямъ, которые желаютъ оторвать васъ отъ св. церкви, чтобы затѣмъ удалить васъ и отъ Бога. Не забывайте, что тотъ, кто не считаетъ церкви своею матерью, не имѣетъ и Бога за отца. Будьте, поэтому, всегда вѣрными дѣтьми святой церкви. Сохраните до смерти вѣрность св. отцу, папѣ римскому, будьте вѣрными и слушайтесь того, кого я дамъ вамъ во епископы. *Кто бы имъ ни былъ, будьте увѣрены, что выберу его вамъ пастыремъ, имѣя въ виду только ваше благо.* Примите его съ любовію и довѣріемъ, какъ бы вы встрѣтили Христа Спасителя, Котораго онъ есть слуга".

Но скоро само дѣло показало, что это были только красивыя слова краснорѣчиваго оратора и больше ничего. И духовенство и міряне Станиславовской епархіи и все вообще галицко-русское духовенство и общество открыто высказали свое желаніе, чтобы преемникомъ митрополита на Станиславовской архіерейской каѳедрѣ былъ кто либо или изъ заслуженныхъ крылошанъ, членовъ капитулы Львовской, или Станиславовской, или же кто-либо изъ заслуженныхъ вдовыхъ приходскихъ священниковъ. При этомъ назывались въ печати самыя почтенныя и популярныя имена, въ родѣ Бѣлецкаго, предсѣдателя Львовской капитулы и консисторіи, Комарницкаго, профессора богословія въ Львовскомъ университетѣ и др. Но никого изъ нихъ митрополитъ не избралъ. А между тѣмъ съ первыхъ, можно сказать, дней, по освобожденіи Станиславовской архіерейской каѳедры, кандидатомъ митрополита на эту послѣднюю стали всѣ называть монаха-базиліанина П. Филяса. Сколько можно судить по отзывамъ галицко-русской печати всѣхъ направленій, этотъ П. Филясъ—самая непопулярная, несимпатичная личность, человѣкъ, исполненный чрезмѣрной угодливости предъ о.о. іезуитами и величайшей ненависти ко всему русскому народу и, въ особенности, къ русскому духовенству. Неудивительно, поэтому, если русское общество сразу возстало противъ его кандидатуры, о которой

и доселѣ не можетъ спокойно слышать. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ отзывовъ о личности П. Филяса, который до послѣдняго времени оставался единственнымъ кандидатомъ митрополита на Станиславовскую архіерейскую каѳедру. „О. Платонидъ—то *реформованный* молоденькій монахъ-игуменъ. Вотъ и все... Не имѣя силъ, кажется, преодолѣть трудностей въ гимназіи, онъ изъ VI класса перешелъ прямо въ монастырь и тамъ, подъ руководствомъ однихъ патеровъ іезуитовъ, пріобрѣлъ всю мудрость (т. н. хитрость), знаніе свѣта и людей, ихъ нуждъ и потребностей... Силенъ ли онъ въ наукахъ богословскихъ, того никто не знаетъ; зато знаютъ всѣ, кому случалось имѣть съ нимъ дѣло, что его міровоззрѣніе весьма скудно, что вмѣсто монашеской скромности и кротости у него ничѣмъ неоправдываемая надменность,, что онъ въ обращеніи съ священниками и ихъ семьями (sit venia verbo) настоящій „брусъ“. Такимъ же „брусомъ“ является онъ и на проповѣднической каѳедрѣ, съ которой, во время послѣдней миссіи, подъ его руководствомъ, сыпались на тему VI заповѣди Божіей такія слова, какихъ ни русскій мужикъ, ни русская интеллигенція никогда ни отъ кого не слышали. Просто соблазнъ: мужики скалили зубы и хохотали, интеллигенція, краснѣя отъ стыда, уходила какъ можно скорѣе изъ церкви. Таковъ ли намъ нуженъ архіерей? Успѣетъ ли онъ достойно и съ честію представлять высокій архіерейскій санъ? Найдетъ ли онъ у клира и народа подобающее архіерейскому сану уваженіе? Съумѣетъ ли онъ отстоять, гдѣ и когда слѣдуетъ, права свои и права русской церкви“?

Другіе выражали еще болѣе рѣшительные протесты противъ проведенія митрополитомъ П. Филяса на Станиславовскій архіерейскій престолъ и предлагали самыя рѣшительныя мѣры къ недопущенію этого. „Если теперь будетъ замѣщенъ Станиславовскій епископскій престолъ, какъ всѣ громко говорятъ, игуменомъ Львовскаго монастыря о. Филясомъ“, читаемъ, напр., въ одной статьѣ, посвященной вопросу о замѣщеніи Станиславовской каѳедры, „то это бу-

детъ служить знакомъ того, что наши друзья (разумѣются іезуиты) не отступили отъ своего завѣтнаго стремленія, т. е. латинизаціи русской церкви и ополяченія русскаго народа. Для избѣжанія такихъ злыхъ послѣдствій у насъ нѣтъ другого исхода, какъ только, по замѣщеніи архіерейскаго престола не по нашему желанію, созвать во всѣхъ повѣтахъ Галиціи народныя вѣча и, наглядно представивши народу грозящую нашей церкви опасность, избрать уполномоченныхъ изъ среды независимыхъ и любящихъ свой обрядъ мірскихъ людей, чтобы они отправились прямо къ папѣ въ Римъ и, указавши на всякія злоупотребленія, просили о покровительствѣ и защитѣ русской церкви въ Галиціи".

Такіе и подобные имъ рѣшительные протесты, повидимому, возымѣли надлежащее дѣйствіе на кого слѣдуетъ. По полученнымъ нами въ самое послѣднее время свѣдѣніямъ изъ Галиціи, самъ Платонидъ Филясъ, который сначала настойчиво домогался архіерейства, былъ увѣренъ въ полученіи епископскаго сана и даже принималъ поздравленія съ этимъ, теперь рѣшительно отказался отъ мысли объ архіерействѣ и даже совсѣмъ оставилъ Галицію, выѣхавъ за океанъ, въ далекую Канаду съ цѣлію миссіонерскою. Этимъ самымъ онъ, несомнѣнно, и съ плечъ митрополита Андрея Шептицкаго снялъ нелегкое бремя.

Въ послѣднее время для митрополита Андрея Шептицкаго явилась новая забота, возникшая по поводу 25-лѣтняго юбилея римскаго папы, исполнившагося (юбилея) въ октябрѣ 1902 года. Здѣсь опять во всей силѣ сказалось двусмысленное положеніе митрополита Андрея Шептицкаго. Онъ первый предложилъ духовенству и всѣмъ вѣрнымъ галицко-русской церкви принять участіе въ папскомъ юбилеѣ. 8 августа 1902 года было первое засѣданіе особаго комитета, подъ предсѣдательствомъ митрополита, причемъ было рѣшено, съ одной стороны, устроить паломничество галицко-русскихъ вѣрныхъ во главѣ съ митрополитомъ въ Римъ ко дню юбилея (20 октября 1902 г. н. с. выѣхать изъ Львова, 23 октября быть въ

Римѣ и 26 октября представиться папѣ) и, съ другой стороны, чрезъ депутацію, имѣвшую принять участіе въ этомъ паломничествѣ, представить папѣ меморіалъ, съ изложеніемъ въ немъ нуждъ галицко-русской церкви. Для обсужденія содержанія этого меморіала, равно какъ и подробностей самаго юбилейнаго паломничества въ Римъ былъ созванъ 8 сентября 1902 года болѣе многочисленный комитетъ, съ участіемъ въ немъ и мірянъ. Въ комитетѣ приняли участіе около 150 лицъ духовнаго и свѣтскаго званія. Собраніе, между прочимъ, постановило устроить возможно многочисленнѣйшее паломничество въ Римъ и чрезъ паломниковъ вручить папѣ адресъ, съ выраженіемъ вѣрности и преданности, и вмѣстѣ съ адресомъ—меморіалъ о трудномъ и критическомъ положеніи уніатской церкви въ Галиціи и Америкѣ, съ просьбою объ устраненіи всѣхъ затрудненій, препятствующихъ развитію уніатскаго вѣроисповѣданія. Въ меморіалѣ, который галицко-русскіе паломники имѣли вручить папѣ и кардиналамъ, на первомъ планѣ были поставлены слѣдующія просьбы: 1) *чтобы Львовскій митрополитъ имѣлъ титулъ, права и отличія патріарха*; 2) чтобы въ составъ римской коллегіи кардиналовъ входилъ всегда одинъ русскій уніатскій епископъ; 3) чтобы каждый священникъ, который нарушитъ конкордію, т. е. переманитъ уніата въ латинство, тотчасъ же былъ подвергаемъ суспенсіи.

Во время засѣданія комитета одинъ изъ членовъ его, избранный и въ составъ паломнической депутаціи, священникъ Стефановичъ въ самыхъ яркихъ краскахъ представилъ собранію нынѣшнее безотрадное положеніе уніатской церкви и прямо заявилъ, что если положеніе галицко-русской церкви не измѣнится къ лучшему, то она не можетъ имѣть никакой будущности и въ такомъ случаѣ нельзя будетъ и думать о томъ, чтобы посредствомъ и при помощи такой церкви папа могъ разсчитывать на соединеніе Востока съ католическою церковью, такъ какъ нынѣшнее положеніе греко-уніатской

церкви въ Галичинѣ и Америкѣ можетъ только оттолкнуть восточныхъ христіанъ отъ соединенія съ Римомъ.

Не знаемъ, какъ выполнилъ это желаніе галицко-русскаго народа и духовенства представитель галицко-русской юбилейной паломнической комиссіи, т. е. митрополитъ Андрей Шептицкій; но несомнѣнно только то, что положеніе его и въ этомъ дѣлѣ весьма двусмысленное, такъ какъ онъ долженъ обязательно считаться, съ одной стороны, съ прежними своими отношеніями къ папѣ и конгрегаціи propagandae de fide, а, съ другой стороны, и съ любовію къ нему русскаго народа и духовенства, *желающаго видѣть его даже своимъ патріархомъ*.

Вообще сказать что-либо опредѣленное относительно направленія и характера будущей дѣятельности митрополита Андрея Шептицкаго нельзя пока. Но прежняя его дѣятельность говоритъ безусловно въ его пользу и вполнѣ оправдываетъ и достаточно объясняетъ широкую популярность, какою онъ несомнѣнно пользуется въ средѣ галицко-русскаго духовенства и даже всего народа.

Насколько энергична дѣятельность митрополита Андрея Шептицкаго, видно изъ слѣдующаго.

Вскорѣ послѣ своей торжественной интронизаціи, 11 го февраля 1901 г. митрополитъ послѣ полудня посѣтилъ духовную семинарію, съ которой началъ свою каноничную визитацію своей епархіи, какъ онъ выразился. Съ того дня онъ сталъ *ежедневно* бывать въ семинаріи, распрашивалъ ректора, префектовъ, профессоровъ и *даже каждаго изъ учениковъ* о ихъ положеніи, нуждахъ и желаніяхъ. Послѣдствіемъ этихъ посѣщеній семинаріи явилось уже извѣстное намъ посланіе митрополита по адресу семинаріи, обнаруживающее въ авторѣ весьма близкое и всестороннее знаніе внутренней жизни семинаріи.

Не менѣе энергіи показываетъ митрополитъ Андрей Шептицкій и въ дѣлѣ ревизіи церквей своей епархіи, о чемъ мы имѣли уже поводъ упоминать выше.

Наконецъ, въ пользу митрополита Андрея Шептицкаго весьма много говоритъ и то обстоятельство, что онъ, сохраняя вообще нейтральное положеніе въ отношеніи къ различнымъ борющимся въ Галиціи русскимъ партіямъ, видимо, не желаетъ поддаваться давленію, оказываемому на него со стороны украино-фильской партіи и больше склоняется на сторону народно-русской партіи. Въ своемъ послѣднемъ посланіи, изданномъ по поводу визитаціи церквей въ 1902 году, митрополитъ рѣшительно осудилъ политику украино-фильствующихъ священниковъ, за что онъ самъ и его посланіе подверглись рѣзкому осужденію со стороны печатныхъ органовъ украинофильской партіи: „Діла“ и „Руслана“. Въ этихъ органахъ сужденія митрополита по нѣкоторымъ вопросамъ признаны „весьма односторонними и совершенно несправедливыми“, а самому митрополиту было поставлено на видъ, между прочимъ, то, что онъ, какъ членъ ополяченной и окатоличенной русской фамиліи, недостаточно знакомъ съ положеніемъ дѣла.

Кромѣ митрополита Львовскаго, за отсутствіемъ Станиславовскаго епископа, въ галицко-русской церкви имѣется на лицо еще только одинъ епископъ—Перемышльскій, каковымъ въ настоящее время состоитъ „преосвященный и всесвѣтлѣйшій киръ Константинъ Чеховичъ, Божіею милостію и святаго апостольскаго престола благословеніемъ, епископъ Перемышльскій, Самборскій и Саноцкій, прелатъ домовый и ассиссентъ папскаго престола, рыцарь большого креста ордена св. Гроба во Іерусалимѣ и ордена желѣзной короны п. кл, графъ римскій, членъ общества римскихъ адвокатовъ св. Петра и членъ сейма королевствъ Галиціи и Володимеріи съ великимъ княжествомъ Краковскимъ“. Онъ—изъ вдовыхъ приходскихъ священниковъ (род. въ 1847 г.) и въ должности епископа состоитъ съ 1897 г. Епископъ Перемышльскій такъ же, какъ и митрополитъ Андрей Шептицкій, пользуется популярностію среди своей паствы. Онъ отличается особенною доступностію и простотою отношеній къ духовенству. Въ противоположность митропо-

литу, онъ сочувствуетъ украинофильской партіи, которая захватила въ свои руки и хозяйничаетъ въ женскомъ пансіонѣ, находящемся въ Перемышлѣ и до послѣдняго времени служившемъ почти единственнымъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ воспитывались преимущественно дочери галицко-русскаго духовенства.

При Львовскомъ митрополитѣ и Перемышльскомъ епископѣ должны бы быть викарные епископы въ званіи суффрагановъ. Но ихъ въ дѣйствительности нѣтъ. Австрійское правительство, по соглашенію съ римскою куріею, очевидно, оставляетъ эти должности незамѣщенными, причемъ свѣтское правительство, вѣроятно, не желаетъ тратиться на содержаніе суффрагановъ, а римская курія, вѣроятно, никакъ не можетъ отрѣшиться отъ традиціоннаго пренебрежительнаго отношенія къ галицко-русской уніатской церкви, на которую она смотритъ, какъ на падчерицу, и которую ни за что не хочетъ сравнять во всемъ съ римско-католическою церковью (извѣстно, что и Львовскій арцибискупъ и Перемышльскій бискупъ римско-католическіе имѣютъ своихъ суффрагановъ).

При каждомъ епархіальномъ архіереѣ въ галицко-русской церкви существуютъ капитулы, прототипомъ которыхъ служатъ древне-русскіе „крылосы“ и наше древне-русское каѳедральное духовенство. Члены каѳедральныхъ капитулъ помогаютъ своему архіерею своимъ соучастіемъ съ нимъ въ богослуженіи и въ управленіи епархіею, ибо почти всегда бываетъ такъ, что члены капитулы состоятъ и „референтами“ (членами) епархіальныхъ консисторій. Кромѣ консисторій, въ каждой епархіи, при архіереѣ состоятъ еще слѣдующія епархіальныя учрежденія: судъ церковный (по дѣламъ брачнымъ особо и по дѣламъ спорнымъ и о наказаніяхъ особый), комиссія по управленію фондомъ вдовъ и сиротъ священническихъ (предсѣдателемъ суда и комиссіи состоитъ обыкновенно епархіальный архіерей); экзаменаціонная и цензурная коммиссіи, состоящія обыкновенно подъ предсѣдательствомъ почетныхъ крылошанъ.

Кромѣ того, въ качествѣ другихъ вспомогательныхъ органовъ епархіальнаго управленія являются деканы и вице-деканы. Львовская епархія раздѣляется на 30 деканатовъ, Перемышльская—на 40 и Станиславовская епархія—на 21 декан.

Церквей и священниковъ числится: 1) *во Львовской епархіи*, при населеніи (греко-католическомъ) въ 1.081.327 душъ, церквей матерныхъ — 751, дочерныхъ — 496, каплицъ—28, приходовъ съ сотрудничествами—859, съ душпастырствами—753 (по шематизму на 1900 г.); 2) *въ Перемышльской епархіи*, при населеніи (греко-католическомъ) въ 1,014,587 душъ, церквей матерныхъ — 712, дочерныхъ — 572, священниковъ, на дѣйствительной службѣ состоящихъ, 864 (изъ нихъ женатыхъ 654, вдовыхъ 200 и безженныхъ—37); приходовъ 687, сотрудничествъ самостоятельныхъ—25, сотрудничествъ т. н. систематизированныхъ 51 и платныхъ изъ суммъ „религійнаго“ фонда—48 (по шематизму 1902 года); и 3) *въ Станиславовской епархіи*, при населеніи (греко-католическомъ) въ 867.010 душъ, 763 церкви (изъ нихъ 35 часовенъ), 534 священника, 433 прихода (по шематизму на 1901 г.).

VI.

Монастыри и монашествующее духовенство въ галицко-русской церкви.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о монашествующемъ духовенствѣ въ Галиціи.

Всѣхъ монастырей въ галицко-русской церкви теперь числится всего 25, изъ коихъ *во Львовской епархіи* 7 (5 муж. и 2 жен.), *въ Перемышльской* 8 (7 муж. и 1 жен.) и *въ Станиславовской епархіи* 10 (5 муж. и 5 жен.). Число иноковъ въ монастыряхъ очень невелико; такъ, въ 5 монастыряхъ *Львовской епархіи* находится 20 іеромонаховъ и 7 монаховъ; въ 2 женскихъ монастыряхъ той же епархіи находится 12 инокинь, 9 новиціатокъ, 5 сестеръ и 21 служеб-

ница Пресв. Дѣвы Маріи; во всѣхъ монастыряхъ *Перемышльской епархіи* числится 34 іеромонаха и 12 инокинь; въ монастыряхъ *Станиславовской епархіи*—27 іеромонаховъ и 21 инокиня.

Галицко-русскіе монахи, называемые обыкновенно въ просторѣчіи *базиліанами* (т. е. монахами чина св. Василія Великаго), въ прежнее время имѣли въ Галиціи важное значеніе и принимали дѣятельное участіе въ управленіи и вообще въ жизни галицко-русской церкви. Въ теченіе всего XVIII в. они составляли особый орденъ „Базиліанскій", который былъ независимъ отъ власти епархіальныхъ архіереевъ и въ то же самое время пользовался привиллегіею выставлять изъ своей среды кандидатовъ на архіерейскія и вообще высшія іерархическія мѣста. Съ переходомъ Галиціи подъ власть Австріи, положеніе галицко-русскаго монашествующаго духовенства существенно измѣнилось къ худшему. Австрійское правительство отмѣнило порядокъ, по которому архіерейскія мѣста въ галицко-русской церкви занимались только базиліанами. Вслѣдъ за тѣмъ началась знаменитая борьба между чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ въ Галиціи, окончившаяся полною побѣдою этого послѣдняго, на сторонѣ котораго стояло правительство. Съ того времени русское монашество въ Галиціи сильно упало и галицко-русскіе монастыри стали еле влачить свое жалкое существованіе. Въ галицко-русскихъ монастыряхъ водворилась тогда полная дезорганизація въ администраціи, распущенность въ нравственномъ отношеніи, безпорядочность въ веденіи хозяйства и крайняя бѣдность. Такъ дѣло съ галицко-русскими монастырями продолжалось до 80-хъ годовъ XIX в.

Съ началомъ 80-хъ годовъ XIX в. открылась въ исторіи Галицкой Руси вообще и, въ частности, въ исторіи галицко-русскихъ монастырей новая „эра". Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ непосредственный свидѣтель и очевидецъ событія. „Въ началѣ 1882 года", говоритъ онъ, „произошелъ во Львовѣ слѣдующій фактъ. Тогдашній намѣстникъ Галиціи Альфредъ

Потоцкій, возвратившись изъ Вѣны, немедленно отправился на Святоюрскую гору къ тогдашнему митрополиту Іосифу Сембратовичу, предложилъ ему пригласить архидіакона Михаила Малиновскаго и дрожащимъ отъ волненія голосомъ—графъ А. Потоцкій нелицемѣрно сочувствовалъ русскому народу въ Галиціи—передалъ имъ слѣдующее. Онъ, гр. А. Потоцкій, былъ вызванъ въ Вѣну. Тамъ стали его упрекать за то, что онъ допускаетъ распространеніе схизмы въ Галиціи. На замѣчаніе гр. А. Потоцкаго, что въ Галиціи — все спокойно, ему возразили, что онъ не знаетъ, что происходитъ въ краѣ, а затѣмъ категорически потребовали отъ него, *чтобы онъ старался все русское населеніе въ Галиціи перевести въ латинство*. Замѣчаніе гр. А. Потоцкаго о томъ, что русское населеніе Галиціи сильно привязано къ своей церкви и обряду ея и что всякія мѣры, направленныя къ отдѣленію русскаго народа отъ его церкви и обряда, могли бы вызвать среди него нежелательное для державы броженіе, было принято съ явнымъ неудовольствіемъ. Свой разсказъ гр. А. Потоцкій заключилъ слѣдующимъ обращеніемъ къ митрополиту Іосифу и архидіакону М. Малиновскому: „спасайте вашу церковь и вашъ народъ“. Что потомъ послѣдовало—извѣстно. Митрополитъ Іосифъ Сембратовичъ былъ насильственно удаленъ въ Римъ, гдѣ и скончался въ 1900 г.; архидіаконъ М. Малиновскій вышелъ въ принудительную отставку, вскорѣ послѣ того ушелъ со сцены и самъ гр. А. Потоцкій, и какъ въ каѳедрѣ св. Георгія во Львовѣ, такъ и во всей Галиціи повѣяло латинскимъ духомъ“.

Однимъ изъ первыхъ и важныхъ дѣйствій политики, направленной къ окатоличенію галицко-русской церкви, было изданіе въ 1882 году папской буллы, которою всѣ галицко-русскіе уніатскіе монастыри передавались въ управленіе и подъ опеку о о. іезуитовъ, съ изъятіемъ ихъ изъ-подъ власти епархіальныхъ архіереевъ. Іезуиты начали немедленно реформировать уніатскіе галицко-русскіе монастыри въ латинскомъ, разумѣется, духѣ. Съ этого времени дѣятельность галицко-

русскихъ монастырей значительно оживилась. Въ настоящее время они составляютъ очень важную боевую силу католицизма и полонизма, устремившагося въ послѣдніе годы со всѣмъ фанатизмомъ на бѣдный галицко-русскій народъ. Іезуиты являются полными хозяевами въ галицко-русскихъ монастыряхъ. Въ послѣднее время, по сообщеніямъ галицко-русской періодической печати, іезуиты начали усиленно распродавать всѣ недвижимыя имѣнія галицко-русскихъ монастырей, подъ тѣмъ предлогомъ, что эти имѣнія, будто бы, не приносятъ соотвѣтствующихъ доходовъ, а на самомъ дѣлѣ затѣмъ, какъ думаютъ, чтобы, лишивъ базиліанъ имѣній, совершенно поработить ихъ себѣ. Въ то же самое время іезуиты стараются постепенно уничтожить порядокъ и самый духъ русскаго богослуженія въ базиліанскихъ монастыряхъ. Подъ вліяніемъ іезуитовъ, реформованные монахи стали постепенно сокращать богослуженіе и въ своихъ монастыряхъ теперь совершенно не служатъ повечерія, полунощницъ, сокращаютъ наполовину утреню, вечерню и всенощное бдѣніе, а вмѣсто того вводятъ въ своихъ монастыряхъ чисто латинскія службы, какъ-то: литаніи, корунки, набоженства въ честь сердца Іисусова, майскія службы и пр. Какъ нѣкоторые думаютъ, реформованные базиліане, руководимые о.о. іезуитами, скоро изъ всего русскаго богослуженія намѣрены оставить одну только службу, именно литургію, да и то, по всей вѣроятности, шептанную, а все прочее замѣнить латинскимъ.

Нынѣшніе базиліане въ Галиціи, особенно молодые, являются достойными послѣдователями своихъ учителей—іезуитовъ. Они всѣ заражены и всецѣло проникнуты страшною ненавистію къ бѣлому русскому духовенству. Базиліане часто устраиваютъ миссіи, вторгаются въ сферу дѣятельности приходскаго духовенства и производятъ смуту, даже сектантство. При многихъ монастыряхъ базиліане открыли училища, въ которыхъ совершенно католичатъ и полонизуютъ русскихъ дѣтей. Базиліане захватили въ свое распоряженіе изданіе шематизмовъ (адресъ-календарей епархіальныхъ), которые печа-

таютъ фонетикою и всячески искажаютъ ихъ содержаніе въ латинскомъ духѣ. Базиліане обыкновенно вездѣ находятся въ дружбѣ и союзѣ съ радикальною украино-фильскою партіею, съ которою вмѣстѣ дѣйствуютъ противъ духовенства народно-русской партіи. Однимъ изъ важныхъ успѣховъ, достигнутыхъ базиліанами, руководимыми о.о. іезуитами, было проведеніе на архіерейскую, Станиславовскую и затѣмъ даже на митрополичью каѳедру своего базиліанина. Ободряемые этимъ послѣднимъ, дѣйствительно, великимъ и важнымъ успѣхомъ, базиліане въ послѣднее время усиленно стремятся къ тому, чтобы захватить въ свои руки и другія архіерейскія каѳедры, а также и Львовскую духовную семинарію. Если это совершится,—что очень вѣроятно,—то окончательное окатоличеніе галицко-русской церкви сдѣлается вопросомъ близкаго будущаго...

